

2017 № 3

ISSN (online): 2222-5196

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Левин Л.М., Бокова Н.В.

Сравнительный анализ ранних воспоминаний несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступления различной степени тяжести.....1-16

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Красавина А.Г.

История психологической оценки свидетельских показаний.....17-26

Лысенко Н.Е.

Индивидуально-типологические предикторы тяжести правонарушений.....27-43

Ошевский Д.С., Афолина Ю.С.

Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра44-55

Гурин И.В., Захарова Н.М.

Факторы, способствующие стигматизации лиц, пострадавших в чрезвычайных ситуациях.....56-70

Психология профессиональной деятельности

Миронова С.Г.

Социально-психологические характеристики руководителей современной школы: роль эмоционального интеллекта в построении модели эффективного руководителя.....71-82

Московская М.С., Котельникова Д.А., Дубинский А.А.

Особенности регуляции деятельности у сотрудников следственных органов (клинико-психологический, нейропсихологический и гендерный аспекты).....71-82

Ювенальная юридическая психология

Гурина О.Д.

Ксенофобия и девиантное поведение у подростков и молодежи: обзор отечественных исследований97-109

Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В.

Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек.....110-126

Корчагина О.В., Ошевский Д.С.

Динамика развития моральных суждений у кадетов.....127-137

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В.

Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 3).....138-148

Сравнительный анализ ранних воспоминаний несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступления различной степени тяжести

Левин Л.М., студент факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (levin_leonid@mail.ru)

Бокова Н.В., старший психолог отделения психологического обеспечения, ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве; адъютант, ФКУ «Научно-исследовательский институт» ФСИН РФ; капитан внутренней службы (koroleva.natalia2010@gmail.ru)

В настоящее время проблемой ранних воспоминаний занимается все больше авторов (А. Адлер, Д. Мак Адамс, А. Кронник, А. Реан, В. Нуркова и др.). Актуальность изучения взаимосвязи ранних воспоминаний и преступного стиля жизни обуславливается необходимостью подтверждения или опровержения психологических концепций, изучающих это явление. В этой связи цель исследования – выделение специфических особенностей ранних воспоминаний несовершеннолетних осужденных. Базами исследования послужили ФКУ «Можайская воспитательная колония» УФСИН России по Московской области, ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве, ГБОУ СПО «Политехнический колледж № 2». Всего в исследовании приняли участие 75 подростков в возрасте от 14 до 18 лет: 25 несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы; 25 несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции; 25 просоциальных подростков. В ходе исследования были выявлены специфические особенности ранних воспоминаний в каждой группе подростков, на основе чего было подтверждено, что существует влияние ранних воспоминаний на формирование преступного стиля жизни.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, ранние воспоминания, жизненный стиль.

Для цитаты:

Левин Л.М., Бокова Н.В. Сравнительный анализ ранних воспоминаний несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступления различной степени тяжести. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 1-16.

doi: 10.17759/psylaw.207073101

For citation:

Levin L.M., Bokova N.V. A comparative analysis of the early memories of juvenile offenders who have committed crimes of varying severity. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp. 1-16.
doi: 10.17759/psylaw.2017070301

Согласно данным МВД России, в стране отмечается высокий уровень рецидивной преступности: так, в 2016 г. 56,7% преступлений было совершено лицами, ранее совершавшими преступления [16], 1,6% подростков, отбывающих наказание в воспитательных колониях, ранее имели судимость [14]. Большое количество повторных преступлений может быть обусловлено трудностями вторичной социализации осужденных, освободившихся из мест лишения свободы, а также недостаточно эффективной психокоррекционной и психопрофилактической работой с преступниками во время отбывания наказания. В этой связи, весьма *актуальной* является проблема выявления устойчивых факторов риска правонарушений, в том числе среди несовершеннолетних. Как показывает анализ научной литературы [1; 2; 12; 13], существует взаимосвязь детских воспоминаний с самоотношением и индивидуальным стилем жизни. Поэтому выявление психологических особенностей ранних воспоминаний несовершеннолетних осужденных и анализ характера совершенных ими преступлений, в том числе повторных, являются весьма актуальными в плане выявления глубинных детерминант совершенных преступлений [13]. Данные обстоятельства определяют и **новизну** проводимого исследования.

Проблема ранних воспоминаний стала предметом психологических исследований еще в 1899 г., когда Зигмунд Фрейд ввел термин «детская амнезия» – явление, когда взрослые забывают первые годы своей жизни [13]. Она изучалась в работах З. Фрейда, А. Адлера, Дж. Брунера, С. Шахтера, Г. Мюррея, Дж. Крамера, С. Томкинса, Л. Росс и Ньюби-Кларк, М. Сингер, П. Саловой, Л. Полкингтон, Д. МакАдамса, А. Кронника, А. Рена, В. Нурковой.

В психологии существует множество концепций, которые отводят особую роль ранним воспоминаниям, их взаимосвязи и влиянию на становление дальнейшего жизненного пути и стиль поведения. Среди таких теорий можно выделить теории А. Адлера, Дж. Брунера, С. Шахтера, Г. Мюррея, Дж. Крамера, С. Томкинса, Л. Росс и Ньюби-Кларк, М. Сингер и П. Саловой, Л. Полкингтон и Д. МакАдамса. Данные ученые в своих концепциях касались проблем автобиографической памяти, ее формирования и структуры, способов воспроизведения, а также влияния на жизнь человека и развитие его личности [13]. В нашей работе мы будем придерживаться концепции Альфреда Адлера.

Одно из основных положений теории А. Адлера заключается в том, что конечная цель жизни человека – это достижение идеала, который можно проследить в самых ранних воспоминаниях человека, являющихся фундаментом для формирования самооценки, самоотношения и индивидуального стиля жизни. Понятие «жизненный стиль», введенное А. Адлером, определяет то значение, которое человек придает миру и самому себе, его цели, направленность его устремлений и те подходы, которые он использует при решении жизненных проблем. Анализ детских воспоминаний А. Адлер считал лучшим способом, раскрывающим ядро стиля жизни индивида, на основании чего он и формируется [1; 2].

Целью нашего исследования является выявление особенностей ранних воспоминаний несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, и несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии.

Задачи.

1. Выявить и проанализировать особенности ранних воспоминаний несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, и осужденных к лишению свободы (анализ содержательных и аффективных компонентов);
2. Выявить различия в эмоциональной окраске воспоминаний и самоотношении к ним в группе осужденных к лишению свободы и в группе несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции;
3. Проследить влияние ранних воспоминаний на формирование дальнейшего преступного стиля жизни.

Объектом исследования являются ранние воспоминания человека.

Предметом исследования выступают ранние воспоминания несовершеннолетних осужденных, имеющих условную судимость, и осужденных к лишению свободы.

Гипотезы.

1. Существует взаимосвязь между содержанием детских воспоминаний и склонностью к совершению преступлений различной степени тяжести.
2. Различия детских воспоминаний у осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, и осужденных к лишению свободы, проявляются не столько в их содержании, сколько в эмоциональной окраске воспоминаний и самоотношении к ним.
3. Содержание ранних воспоминаний у несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления различной тяжести и различного характера (корыстные, насильственные и др.), существенно не отличаются. Отличается самоотношение к этим воспоминаниям.

Базами для исследования послужили ФКУ «Можайская воспитательная колония» УФСИН России по Московской области, ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве, ГБОУ СПО «Политехнический техникум № 2». Объем выборки – 75 человек: 25 человек, имеющих условную судимость и состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции; 25 человек, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в Можайской воспитательной колонии, а также 25 просоциальных учащихся ГБОУ СПО «Политехнический колледж № 2» (контрольная группа).

Выборка на базе Можайской воспитательной колонии характеризуется следующим образом. Распределение подростков по совершенным преступлениям согласно статьям УК РФ: ст. 162 (разбой) – 10; ст.161 (грабеж) – 10; ст. 228 (хранение и распространение наркотиков) – 7;ст. 166 (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения) – 2;ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда

здоровью) – 2; ст. 158 (кража) – 5; ст. 132 (насильственные действия сексуального характера) – 1; ст. 134 (сексуальные действия с лицом, не достигшим 16-летнего возраста) – 1. При этом некоторые подростки имеют судимость сразу по нескольким статьям. Все подростки в настоящее время получают среднее образование (учатся в школе). По составу семьи выборка характеризуется следующим образом: 9 человек воспитывались в полной семье, а 16 – в неполной (при этом 8 человек воспитывались отцом). Из 25 человек 21 подросток был осужден впервые, а 4 – повторно. Возраст испытуемых – от 15 до 18 лет.

Выборку на базе уголовно-исполнительной инспекции, составили 25 несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления индивидуально, возраст которых – от 14 до 17 лет. По составу семьи, в которой воспитывались подростки, выборка характеризуется следующим образом: 17 человек воспитывались в полной семье, а 8 – в неполной семье. По уровню образования: 20 испытуемых обучаются в школе, остальные – в средних специальных учебных заведениях (колледжи и пр.). По характеру совершенного преступления: 13 подростков имеют судимость по ст. 161 ч. 2 УК РФ, а 12 – по ст. 158 ч. 1 УК РФ.

Такое разделение выборки обуславливаются рядом обстоятельств:

- 1) разные условия отбывания наказания – лишение свободы и ограничение свободы;
- 2) различная степень тяжести совершенного преступления.

В силу различия условий отбывания наказания и совершения преступлений различной степени тяжести могут присутствовать различия в содержании, специфике, восприятии воспоминаний, а также отношении к ним в каждой исследуемой группе.

Контрольную группу составили 25 просоциальных учащихся ГБОУ СПО «Политехнический колледж № 2» в возрасте от 15 до 17 лет.

Основной метод исследования – биографический, реализуемый через беседу с каждым осужденным. Первый вопрос, который задавался подростку: «Вспомните и назовите самое первое воспоминание из своего детства». Далее велась беседа по названной ситуации: уточняется какой это был возраст, выясняется отношение человека к этому воспоминанию (эмоциональная оценка), содержание данного события, а также что именно для осужденного было важно в данном воспоминании. Далее велась беседа о дальнейших значимых для осужденного событиях, относящихся к дошкольному периоду. Биографический метод позволяет проанализировать жизненный путь человека или его отрезок, выявить закономерности в его судьбе.

Еще одним методом нашего исследования являлся контент-анализ ранних воспоминаний, проводившийся по схеме, предложенной Е.В. Сидоренко [Сидоренко Е.В, 2002].

1. По присутствию людей: мать; отец; братья и сестры; бабушки и дедушки; другие родственники; посторонние люди, гости, друзья, соседи, присутствие животных.

2. По типу ситуации: опасности, несчастные случаи, наказания; болезнь и смерть; проступки, кражи, сексуальный опыт; новые жизненные ситуации; праздник; подарки; приятное/неприятное взаимодействие с кем-либо; постоянное отсутствие близкого человека; развод родителей.

3. По типу восприятия окружающего мира и взаимодействия с ним: визуальный, слуховой, обонятельный, вкусовой, мышечно-тактильный, вербальный.

4. По типу ситуации взаимодействия с другими людьми: «Я-ситуация», «Мы-ситуация», Безличное повествование.

5. Чувства и эмоции: грусть, тоска, печаль, уныние, слезы; радость, счастье, смех; пустота, одиночество; испуг, страх, ужас; удивление, восторг; спокойствие, безразличие; ощущение конфликта, борьба с авторитетами, нарушения правил.

6. По месту происходящего события: дом; за городом, на даче, в деревне; дальние поездки, путешествия; детский сад, школа, детская площадка; общественные места.

7. По типу повествования: краткое; полное.

Согласно концепции А. Адлера, перейдем к анализу первого воспоминания, называемого респондентами. В первую очередь стоит обратить внимание на возраст первого воспоминания.

Таблица 1

Возраст первого воспоминания подростков в каждой группе

Группа респондентов	3 года	4 года	5 лет
Несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы	7 человек (28%)	15 человек (60%)	3 человека (12%)
Несовершеннолетние, осужденные условно	3 человека (12%)	7 человек (28%)	15 человек (60%)
Просоциальные подростки	5 человек (20%)	15 человек (60%)	5 человек (20%)

Из табл. 1 мы видим, что самый ранний возраст первого воспоминания у несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, составляет 4 года, в то время как у несовершеннолетних, состоящих на учете в УИИ, и просоциальных подростков – 5 лет.

Теперь перейдем к анализу содержания *первого* воспоминания.

Таблица 2

Анализ первого воспоминания

Параметр	Компонент	Значимость
По присутствию людей	Мать	0,000
	Отец	0,000
	Братья/сестры	0,398
	Бабушки/дедушки	0,000
По типу ситуации	Опасности, несчастные случаи, наказания	0,000
	Болезнь/смерть	0,001
	праздники/подарки	0,001
По месту происхождения	Дом	0,000
	Дальние поездки, путешествия	0,265
	Детская площадка	0,005
По эмоциям и чувствам	Грусть, тоска, печаль	0,000
	Радость, счастье, смех	0,421

Из табл. 2 мы видим, что одной из значимых фигур для всех респондентов была мать/мачеха ($p=0,000$). Для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, это может быть объяснено дефицитом общения с ней на данный момент, а также наиболее частым взаимодействием между подростком и матерью до осуществления наказания в отношении первого. Для несовершеннолетних, осужденных условно, а также для просоциальных подростков значимость матери обуславливается наиболее частым взаимодействием именно с ней по сравнению с другими членами семьи. Еще одна значимая фигура – отец ($p=0,000$). Значимость отца в первом воспоминании для подростков, отбывающих наказание в воспитательной колонии, обуславливается его уходом из семьи или особенностями взаимоотношений с ним. Для несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, и просоциальных подростков отец был значим ввиду особенностей взаимоотношений с ним и его авторитета для подростка. Также значимыми фигурами были бабушки/дедушки ($p=0,000$). Значимость бабушек и дедушек в первом воспоминании для подростков, отбывающих наказание в виде лишения свободы, определяется особенностями взаимоотношений с ними, а также смертью бабушки или дедушки и, соответственно, связанными с этим переживаниями. Если же говорить о подростках, осужденных условно, и просоциальных подростках, то значимость данных фигур для них объясняется тем, что бабушки/дедушки уделяли значительное время ребенку, оказывая помощь их родителям. Самыми значимыми событиями были ситуации,

относящиеся к категории «опасности, несчастные случаи, наказания» ($p=0,000$). Исходя из содержания воспоминаний, значимость данной категории для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, определяется несогласием с каким-либо осуществленным наказанием родителей или его несопоставимостью с проступком, а также переживаниями по этому поводу. Если говорить о подростках, состоящих на учете в УИИ, и просоциальных, то, исходя из объяснения ребят, значимость данных событий определялась яркостью впечатлений. Менее значимыми, но в то же время также важными, являлись события, связанные с болезнью или смертью ($p=0,001$). В содержании первого воспоминания несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии, речь шла о смерти близких людей (чаще – бабушек и дедушек, чуть реже – одного из родителей), а также о связанных с этим переживаниях, отсутствии поддержки от других членов семьи. При этом в содержании первого воспоминания у подростков, состоящих на учете в УИИ, и просоциальных подростков ситуаций данной категории не было. Значимыми событиями также были и праздники/подарки ($p=0,001$), во время которых также происходили значимые для подростков ситуации (например, помогали в подготовке праздничного стола). Наиболее значимым местом происхождения первого воспоминания был дом ($p=0,000$), что может объясняться тем, что многие ситуации, которые излагались респондентами, происходили именно дома. Еще одним значимым, но немного меньше, местом происхождения событий была детская площадка, на которой происходили различные ситуации со сверстниками и значимыми взрослыми. При этом стоит отметить, что у несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, первое воспоминание происходило чаще дома, а у несовершеннолетних, осужденных условно, и у просоциальных подростков – на детской площадке. Если же говорить о чувствах и эмоциях, которые испытывали подростки, то наиболее значимыми были грусть, тоска, печаль. Подростки, находящиеся в ВК, переживали данные чувства ввиду обстановки дома и особенностей взаимоотношений с членами семьи. При этом содержание первого воспоминания подростков, отбывающих наказание в виде лишения свободы, имело преимущественно отрицательную эмоциональную окраску. Если же говорить о подростках, отбывающих наказание условно, и просоциальных подростках, то эмоциональная окраска первого воспоминания носила такие эмоции и чувства, как радость, счастье, смех, либо спокойствие и равнодушие.

Теперь перейдем к рассмотрению воспоминаний подростков в период от самого первого воспоминания до школы (до 7 лет). Здесь анализировались все события, названные респондентами в указанный период. Стоит также обратить внимание на характер воспроизведения событий. Так, несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, в первую очередь называли события, носящие негативную оценку, а условно осужденные и просоциальные подростки – положительную. При этом у несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, количество воспоминаний больше, чем в группах несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, и просоциальных подростков. В общей сложности несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, изложили 57 ситуаций, несовершеннолетние, состоящие на учете в УИИ, – 30, а просоциальные – 35. В табл.3 более детально проанализированы воспоминания, изложенные испытуемыми, по встречаемости тех или иных параметров.

Таблица 3

Анализ событий от первого воспоминания до школы: частота появления соответствующих параметров

Параметр	Компонент	Подростки, осужденные к лишению свободы	Подростки, осужденные условно	Просоциальные подростки
По присутствию людей	Мать/мачеха	16 упоминаний (28%)	10 упоминаний (33,3%)	12 (34,3%)
	Отец	12 упоминаний (21%)	8 упоминаний (26,6%)	14 (40%)
	Братья/сестры	4 упоминания (7%)	5 упоминаний (16,6%)	Нет упоминаний
	Бабушки/дедушки	4 упоминания (7%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
	Другие родственники	4 упоминания (7%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
	Посторонние люди	6 упоминаний (10,5%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
	Друзья	10 упоминаний (17,5%)	7 упоминаний (23,3%)	10 (28,6%)
По типу ситуации	Опасности, несчастные случаи, наказания	10 упоминаний (17,5%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
	Болезнь/смерть	10 упоминаний (17,5%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
	Праздники/подарки	2 упоминания (3,5%)	15 упоминаний (50%)	10 (28,6%)

	Проступки, Кражи	10 упоминаний (17,5%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
	Неприятное взаимодействие с кем-либо	20 упоминаний (35%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
	Приятное взаимодействие с кем-либо	Нет упоминаний	15 упоминаний (50%)	25 упоминаний (71,4%)
	Постоянное отсутствие близкого человека	5 упоминаний (8,8%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
По месту происхождения	Дом	10 упоминаний (17,5%)	15 упоминаний (50%)	5 упоминаний (14,3%)
	Дальние поездки, путешествия	9 упоминаний (15,8%)	10 упоминаний (33,3%)	15 упоминаний (42,8%)
	Общественные места	10 упоминаний (17,5%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
	Детский сад/детская площадка	8 упоминаний (14%)	5 упоминаний (16,6%)	10 упоминаний (28,6%)
	Неопределенное место	20 упоминаний (35%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний
По чувствам и эмоциям	Грусть, тоска, печаль	20 упоминаний (35%)	9 упоминаний (30%)	5 (14,3%)
	Радость, счастье	3 упоминания (5,3%)	21 упоминание (70%)	25 (71,4%)
	Спокойствие, безразличие	10 упоминаний (17,5%)	Нет упоминаний	5 (14,3%)
	Ощущение	10	Нет	Нет

	конфликта	упоминаний (17,5%)	упоминаний	упоминаний
	Пустота, одиночество	14 упоминаний (24,5%)	Нет упоминаний	Нет упоминаний

Таблица 3 показывает, что на склонность к девиантному и делинквентному поведению повлияло множество факторов. Рассмотрим более подробно и детально ситуации, изложенные респондентами.

Так, мы видим, что подростки, отбывающие наказания в воспитательной колонии, наиболее часто вспоминали мать (16 упоминаний; 28%), что объясняется наиболее частым взаимодействием именно с ней, так как многие подростки воспитывались только матерью. Также одной из наиболее упоминаемых фигур является отец (12 упоминаний; 21%), что объясняется переживаниями ухода отца из семьи/особенностями взаимоотношений с ним. Если говорить о чувствах и эмоциях, испытываемых несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы, то мы видим, что наиболее часто воспроизводимые события – это события, носящие отрицательную оценку (20 воспоминаний; 35%). Среди ситуаций, носящих отрицательную окраску, выделяются ситуации смерти близкого родственника (чаще – бабушки, реже – матери или отца) и разговоры с членами семьи о причинах смерти в более взрослом возрасте. Отрицательную эмоциональную окраску вызывал и уход отца из семьи. Также часто назывались ситуации, в которых родители подростка начали злоупотреблять алкоголем, что побуждало детей сбегать из дома и проводить время на улице (на детских площадках, во дворе и пр.) с друзьями. Здесь же стоит упомянуть и о первом опыте употребления алкоголя/табачных изделий с друзьями. Мотивацией к данным действиям может служить ощущение чувства взрослости, чувства принадлежности к группе сверстников или более старших ребят. Следующие по частоте упоминаний чувства – пустота, одиночество (14 ситуаций; 24,5%). Данные чувства связаны с длительным отсутствием значимого человека (его длительный отъезд), а также в связи с отсутствием позитивных близких отношений с членами семьи. При этом еще 10 воспоминаний (17,5%) вызывали ощущение конфликта, а также связанные с этим переживания. Конфликтные ситуации касались как конфликтов между членами семьи, так и самих подростков с семьей. При этом подростки очень переживали из-за данных ситуаций, говоря о том, что они случались достаточно часто. Еще 10 воспоминаний (17,5%) вызывали чувства спокойствия или безразличия. Данные чувства выражали отношение подростков к своим проступкам. Если говорить о событиях, носящих положительную окраску (3 воспоминания, 5,3%), то сюда можно отнести дальние поездки и путешествия (в Египет, Турцию, а также разные города России), в которых ребят привлекало общение с членами семьи. Но при этом часть дальних поездок (6 упоминаний; 10,5%) вызывали отрицательные эмоции из-за различных ситуаций, происходящих во время поездки.

Анализируя содержание воспоминаний несовершеннолетних, осужденных условно и состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, можно заключить, что чаще всего ими воспроизводились события, носящие положительную окраску (21 воспоминание; 70%), при этом событий, носящих отрицательную окраску, очень мало (9 воспоминаний; 30%). Среди событий, носящих отрицательную окраску, выделяются события, происходящие на праздниках (например, на праздновании дня рождения или Нового года). Так, подростки помогали членами семьи в подготовке праздника (украшении квартиры или

праздничного стола), но подростков не похвалили, не отметили их работу, что их очень расстроило и огорчило. Из событий, носящих положительную окраску, выделяются поездки с семьей как на море в другие страны, так и в другие города России на экскурсии, а также походы в различные музеи, зоопарки и пр. Также, по словам подростков, для них большую значимость имел старший брат, который провожал по пути в дошкольное и образовательное учреждения и обратно, при этом общаясь с ними на различные темы.

В событиях просоциальных учащихся также преобладают воспоминания, носящие положительную окраску (25 событий; 71,4%), а ситуаций с отрицательной эмоциональной окраской – 5 ситуаций (14,3%), которые вызывали чувства тоски, печали и грусти, а еще 5 ситуаций (14,3%) – чувства спокойствия и безразличия. Содержание воспоминаний касается преимущественно дальних поездок на море и в другие города России (15 упоминаний; 42,8%).

Какую же взаимосвязь можно провести между ранними воспоминаниями и сформировавшимся стилем жизни, в частности – преступным? Можно сказать, что на формирование индивидуального стиля жизни в большей степени влияет обстановка и атмосфера в семье подростка, а также переживания ребенка по поводу данной ситуации. Так, в семьях подростков, осужденных к лишению свободы, чаще была неблагоприятная обстановка, меньше уделялось времени со стороны родных, нежели в группах условно осужденных и просоциальных подростков. В группе условно осужденных обстановка в семье была более доброжелательная и открытая, но тем не менее, исходя из воспоминаний, можно заключить, что подросткам не хватало времени, проведенного с родными, а также общения с ними.

Сравнивая содержание воспоминаний, стоит отметить, что для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, наибольшую ценность представляет семья (особенно мать), а для условно осужденных и просоциальных школьников – друзья и товарищи. Это объясняется тем, что в настоящий момент подростки, находящиеся в местах лишения свободы, лишены постоянного общения с матерью, а осужденные, состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции, и просоциальные подростки – нет.

На основе данных, полученных в ходе нашего исследования, можно разрабатывать следующие психопрофилактические мероприятия:

- специальные тренинги с привлечением всех членов семьи с целью создания благоприятной доброжелательной атмосферы в семье;
- социально-психологические тренинги с целью личностного роста;
- индивидуальные программы по психологической, социальной и воспитательной работе с осужденным;
- тренинги по изменению субъективной картины мира, коррекции автобиографической памяти и формированию адекватного жизненного стиля;
- программы по совершенствованию индивидуального консультирования подростков и членов их семей.

Результаты проведенного нами исследования могут быть интересными и полезными для специалистов, работающих в непосредственном контакте с несовершеннолетними осужденными, а также для различных организаций, работающих с подростками. В дальнейшем авторы продолжают исследование психологического анализа жизненного пути несовершеннолетних осужденных, изучая влияние различных жизненных ситуаций на становление личности в целом и формирование девиантного поведения в частности. В качестве перспективных направлений дальнейшего исследования данной проблемы является выявление социально-психологических закономерностей восприятия осужденными значимых жизненных ситуаций, начиная с обучения в школе и заканчивая ситуацией совершения преступления, разработка основных сценариев жизненного пути несовершеннолетних осужденных, а также обоснование и апробация типовых психокоррекционных (психопрофилактических) программ работы с девиантными и делинквентными подростками.

Литература

1. Адлер А. Индивидуальная психология: теория и практика. СПб: Ленинградский Государственный университет, 1993. 107 с.
2. Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997. 286 с.
3. Дебольский М.Г., Чернышкова М.П. Некоторые тенденции в деятельности воспитательных колоний // Образование и наука: вопросы теории и практики: Материалы II ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Москва: МИИГУ имени Столыпина, 2015. № 1. С. 46–49.
4. Дебольский М.Г., Чернышкова М.П. Влияние субъективной картины жизненного пути осужденных на их поведение в период отбывания наказания и риск совершения рецидива преступлений после освобождения // Юридическая психология. 2015. № 2. С. 17–20.
5. Изучение и психокоррекция субъективной картины жизненного пути осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях: Методическое руководство. / Под ред. М.Г. Дебольского, Т.С. Войт. СПб.: Типография «А и Б», 2006. 71 с.
6. Кроник А.А. Каузометрия. Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути / А.А Кроник, Р.А. Ахмеров. М.: Смысл, 2008. 416 с.
7. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. 1980. №1. С. 154–158.
8. МакАдамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. С.135–166.
9. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77–87.

10. *Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
11. *Нуркова В.В., Василенко Д.А.* Формирование вариативного репертуара самоопределяющих воспоминаний как средство развития самоидентичности // Вестник РГГУ. Серия «Психологические науки». 2013. № 18(119). С. 11–30.
12. *Нуркова В.В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дис. докт. психол. наук. М., 2009. 50 с.
13. *Огор А.Ю., Дебольский М.Г.* Научный взгляд на проблему ранних воспоминаний и самооценки преступников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 3. С. 114–124. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72734.shtml> (дата обращения: 05.01.2016).
14. Официальный сайт ФСИН РФ [Электронный ресурс]. 2016 URL: <http://www.fsin.su/> (дата обращения: 27.02. 2016).
15. *Реан П.* Связь между детской травмой и последующим преступным поведением: применение теории привязанности в исправительном сеттинге // Журнал практической психологии и психоанализа. 2006. № 4. С. 54–65.
16. Статистика и аналитика [Электронный ресурс]: официальный сайт МВД РФ. 2016.URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 27.02. 2016).

A comparative analysis of the early memories of juvenile offenders who have committed crimes of varying severity

Levin L.M., student, faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (levin_leonid@mail.ru)

Bokova N.V., senior psychologist at office of psychological support, FKU "Criminal-Executive inspection" of the FPS of Russia in Moscow, senior Lieutenant of internal service

Currently, the problem of early memories and engaging in more of the authors (A. Adler, D. MC Adams, A. Kronik, A. Rean, V. Nurkova, etc.). The relevance of studying the relationship of early memories and the criminal lifestyle dictated by the need of confirmation or refutation of psychological concepts, studying this phenomenon. In this regard, the study aims at highlighting the specific features of early memories of juvenile offenders. Database studies provided PKU "Mozhaisk educational colony," the FPS of Russia in Moscow region, PKU "Criminal-Executive inspection" of the FPS of Russia in Moscow, GBOU SPO "Polytechnical College № 2". In total, the study involved 75 adolescents aged 14 to 18 years: 25 minors sentenced to deprivation of liberty; 25 convicted minors consisting on the account in criminally-Executive inspection; 25 prosocial adolescents. The study had identified the specific features of early memories in each group of adolescents on the basis of which it was confirmed that there was an impact of early memories on the formation of a criminal lifestyle.

Key words: juvenile offenders, early recollections, life style.

References

1. Adler A. Individual'naja psihologija: teorija i praktika [Individual Psychology: Theory and Practice]. SPb: Leningradskij Gosudarstvennyj universitet [St. Petersburg: the Leningrad State University], 1993, 107 p.
2. Adler A. Nauka zhit'. [Live Science] Kiev: Port-Royal [Kiev: Port Royal], 1997, 286 p.
3. Debol'skij M.G., Chernyshkova M.P. Nekotorye tendencii v dejatel'nosti vospitatel'nyh kolonij. [Some trends in the activities of educational colonies]//Obrazovanie i nauka: voprosy teorii i praktiki. Materialy II ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Education and science: theory and practice questions. Materials AI annual All-Russian scientific-practical conference]- Moskva: MIIGU im. Stolypina [Moscow: MIIGU them. Stolypin], 2015, no. 1, pp. 46 – 49.
4. Debol'skij M.G., Chernyshkova M.P. Vlijanie subektivnoj kartiny zhiznennogo puti osuzhdennyh na ih povedenie v period otbyvanija nakazaniya i risk sovershenija

- recidiva prestuplenij posle osvobozhdenija [Influence of subjective picture of life's journey condemned their behavior while serving their sentences, and the risk of recidivism after release] // *Juridicheskaja psihologija. [Legal psychology]*, 2015, no. 2, pp. 17 – 20
5. Izuchenie i psihokorrekcija subektivnoj kartinyzhi znennogo puti osuzhdennyh, otbyvajushhih nakazanie v ispravitel'nyh uchrezhdenijah: Metodicheskoe rukovodstvo [Study and psychocorrection subjective picture of life's journey convicts serving their sentences in prisons: Methodical manual] / Pod red. M.G. Debol'skogo, T.S. Vojt. Sankt - Peterburg: tipografija «Ai B». [Saint - Petersburg: Printing House "A and B"], 2006, 71 p.
 6. Kronik A.A. Kauzometrija. Metody samopoznaniya, psihodiagnostiki i psihoterapii v psihologii zhiznennogo puti [Methods of self-knowledge, psycho-diagnostics and therapy in the psychology way of life] / A.A Kronik, R.A. Ahmerov. Moskva: «Smysl» [Moscow, "Meaning"], 2008, 416 p.
 7. Loginova N.A. Zhiznennyj put' cheloveka kak problema psihologii [The life of man as a psychological problem] // *Voprosy psihologii. [Questions of psychology]*, 1980, no.1, pp. 154-158
 8. MakAdams D.P. Psihologija zhiznennyh istorij [The psychology of life stories] // *Metodologija i istorija psihologii [Methodology and history of psychology]*, 2008, pp.135–166.
 9. Nurkova V.V. Rol' avtobiograficheskoy pamjati v structure identichnosti lichnosti [The role of autobiographical memory in the structure of the person identity] // *Mir psihologii. [World of Psychology]*, 2004, no. 2, pp. 77-87.
 10. Nurkova V.V. Svershennoe prodolzhaetsja: Psihologija avtobiograficheskoy pamjati lichnosti. [Achievements continued: autobiographical memory Personality Psychology]. M.: Izd-vo URAO. [M.: Publishing house URAO.], 2000, 320 p.
 11. Nurkova V.V., Vasilenko D.A. Formirovanie variativnogo repertuara samoopredelajushhih vospominanij kak sredstvo razvitija samoidentichnosti [Formation of self-defined repertoire of variable memories as a means of self-identity development] // *Vestnik RGGU. Serija «Psihologicheskie nauki». [Journal of Russian State Humanitarian University. "Psychological Science" series]*, 2013, no. 18(119), pp. 11–30.
 12. Nurkova V.V. Kul'turno-istoricheskij podhod k avtobiograficheskoy pamjati: avtoref. dis. dokt. psihol. nauk. [The cultural-historical approach to autobiographical memory: Author. Dis. Doctor. psychol. Sciences], M. 2009, 50 s.
 13. Ogor A. Ju., Debol'skij M.G. Nauchnyj vzgljad na problem rannih vospominanij samoocenki prestupnikov [The scientific approach to the problem of early memories and self-criminals]. [Elektronnyj resurs] // *Psihologija i pravo. [Psychology and Law]*, 2014, no. 3, pp. 114–124. - Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72734.shtml> (Accessed: 05.01.2016)

14. Oficial'nyjsajt FSIN RF [The official website of the Russian Federal Penitentiary Service] [Jelektronnyj resurs], 2016. Available at: <http://www.fsin.su/> (Accessed: 27.02. 2016)
15. Rean P. Svjaz' mezhdudetskojtravmojiposledujushhimprestupnymповедением: primenenieteoriiprivjazannosti v ispravitel'nomsettinge [The relationship between childhood trauma and subsequent criminal behavior: application of attachment theory in a correctional setting of] // *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Journal of Applied Psychology and Psychoanalysis], 2006, no. 4, pp. 54 - 65
16. Statistika i analitika [Jelektronnyj resurs]: oficial'nyjsajt MVD RF. [Statistics and Analysis [electronic resource]: the official website of the Interior Ministry], 2016. Available at: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (Accessed: 27.02. 2016)

История психологической оценки свидетельских показаний

Красавина А.Г., аспирант факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (*netka-2107@mail.ru*)

В статье представлены различные взгляды на вопрос оценки качества свидетельских показаний. Необходимость подобного экскурса продиктована рядом возникающих вопросов в современной практике юридического психолога. Одной из недавних проблем, связанных с оценкой достоверности показаний, являются судебно-психологические экспертизы в России, проведенные с помощью не апробированных на отечественном материале методик и не подкрепленные надежными исследованиями. Статья описывает взгляды зарубежных и отечественных специалистов на проблему изучения достоверности свидетельских показаний. Несмотря на значительное количество работ в этой сфере, по-прежнему существуют разногласия и противоречия в исследованиях, касающихся оценки качества показаний. Именно поэтому ознакомление с историей вопроса необходимо для дальнейшего полноценного всестороннего его изучения, а также во избежание неправильного использования существующих результатов в современной практической деятельности психолога.

Ключевые слова: свидетельские показания, оценка свидетельских показаний, достоверность показаний.

Для цитаты:

Красавина А.Г. История психологической оценки свидетельских показаний. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 17-26. doi: 10.17759/psylaw.2017070302

For citation:

Krasavina A.G. History of psychological assessment testimony. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp.17-26. doi: 10.17759/psylaw.2017070302

Вопрос о достоверности свидетельских показаний начал интересовать ученых давно. Данной проблемой занимались специалисты еще в XIX веке, и одной из первых попыток ее изучения стала работа французского ученого, математика Пьера Симона Лапласа «Опыты философии теории вероятностей» (1814) [5]. В ней автор с помощью математических вычислений соотносил вероятность воспроизведения правдивых свидетельских показаний с результатом судебных приговоров. С точки зрения ученого, вероятность соответствия действительности данных свидетелем показаний складывается из вероятности самого

события, о котором рассказывает свидетель, и вероятности следующих четырех гипотез в отношении допрашиваемого:

- а) свидетель не делает ошибок и не обманывает;
- б) свидетель не обманывает, но делает ошибки;
- в) свидетель не делает ошибок, но обманывает;
- г) свидетель и обманывает и делает ошибки.

Автор, тем не менее, предполагал, что таким образом трудно оценить правдивость свидетельских показаний из-за большого количества различных деталей того события, о которых человек свидетельствует. Вместе с тем, Лаплас утверждал, что и суд в своих суждениях также опирается не на математическую достоверность, а лишь на вероятность. Так или иначе, подобный подход французского ученого представляет большой интерес как одна из первых попыток рассмотреть свидетельские показания с точки зрения их соответствия действительности, а также как попытка создать научный метод оценки достоверности показаний.

Большой вклад в изучение проблемы оценки показаний внес немецкий психолог Г. Гросс. Написанная им в 1898 г. работа «Криминальная психология» посвящена рассмотрению психологической составляющей допроса свидетелей и обвиняемых, а также психологии судебной деятельности [2]. В своей работе ученый впервые использовал термин «судебная психология», которую он рассматривал как прикладную отрасль общей психологии и описывал ее как совокупность психологических знаний, необходимых криминалисту. Г. Гросс собрал большое количество ценного материала в результате наблюдений за различными областями судебной деятельности, что позволило ему выделить два важных аспекта в структуре судебной психологии. Он различал субъективную психологию, к которой относил психическую деятельность судьи, и объективную психологию - психическую деятельность тех участников процесса, которые предоставляют судье материал, необходимый для вынесения вердикта. Сюда же Гросс относил и психологию свидетелей и обвиняемого.

Стоит обратить внимание и на другие, не менее значительные публикации ученого, написанные совместно с известным немецким психологом В. Штерном. Многочисленные работы по психологии свидетельских показаний были изданы в ряде сборников под названием «Доклады по психологии показаний», а также в периодическом научном журнале «Архив по криминальной антропологии и криминалистике» [16].

Безусловно, изучение свидетельских показаний невозможно без обращения к результатам первых экспериментально-психологических исследований В. Штерна [16]. Его положения были основаны на том, что показания свидетеля изначально не могут быть достоверны, так как забывание он считал естественным свойством психики, ее «правилом», в то время как точное воспроизведение представлял неким исключением из правил. Исследования В. Штерна выявили высокий процент ошибок в показаниях тех, кто стремился правдиво рассказать о случившемся, – феномен, описанный автором как «обман воспоминания». Подобные ошибки в свидетельских показаниях зависели от промежутка времени, отделяющего описываемое событие от допроса. Испытуемые, которые были опрошены сразу после эксперимента, допустили 5% ошибок, в то время как у тех, кто давал

показания через определенный временной отрезок, количество ошибок увеличилось до 30%. В. Штерн изучал и особенности проведения допроса. Он утверждал, что при свободном рассказе о событиях свидетель передает лишь то, что твердо запомнил, в то время как при ответе на вопросы человек вынужден бессознательно заполнять пробелы в своих воспоминаниях, что приводит к большему количеству ошибок. Ученый также считал, что любой вопрос, заданный следователем, независимо от формы, в которой он излагается, оказывает на свидетеля внушающее воздействие. Влияние имеет также и особая, напряженная обстановка допроса. Учитывая все вышеизложенное, В. Штерн утверждал, что свидетельские показания субъективны и им не всегда можно доверять в силу ненадежности и большого количества ошибок. Ученый сделал вывод о том, что большое влияние психологических факторов на формирование свидетельских показаний делает необходимым участие психолога в следственных действиях для оценки показаний.

Изучением вопроса оценки достоверности показаний занимались психологи и в ряде других стран. Одним из них был А. Бине, который впервые обратился к рассмотрению влияния внушения на детские показания. Он разработал специальный экспериментальный метод, описанный в книге «Внушаемость» (1900) [5]. А. Бинэ утверждал, что ответы на вопросы следователя всегда содержат ошибки, и рекомендовал подробное изложение вопросов и ответов в протоколе допроса для правильной оценки показаний.

Попытки объективно проверить истинность показаний свидетелей и потерпевших с помощью психологической науки, а также экспериментальных методов были предприняты американскими учеными. Так, изучением достоверности свидетельских показаний занимался Д.М. Кеттелл (1895) [23]. Он провел эксперимент с участием студентов Колумбийского университета, которым предлагал ответить на ряд вопросов относительно определенных событий, а затем оценить степень своей уверенности в ответах. Полученные результаты позволили говорить о значительной степени неточности показаний, а также о широком диапазоне индивидуальных различий в уровнях уверенности в своей правоте, выраженной студентами. Кроме того, он выявил и влияние формулировки вопросов на ответы свидетелей. Кеттелл отмечал, что специально подобранные вопросы могут «сбить» правдивого свидетеля. Ученый считал, что необходимо знать, насколько ошибочными могут быть воспоминания свидетелей в норме и как они изменяются при различных условиях.

В России проблеме свидетельских показаний уделялось не меньшее внимание. В 1905 г. был опубликован сборник «Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания» [11]. Часть вошедших в него статей была посвящена вопросу о достоверности свидетельских показаний. Многие русские ученые не разделяли негативную позицию зарубежных коллег по отношению к показаниям. Например, А.Ф. Кони находил утверждения В. Штерна о ненадежности свидетельских показаний неверными, обращая всеобщее внимание на существенные различия в условиях эксперимента и реальных событий [6].

Интересный подход к рассмотрению проблемы достоверности свидетельских показаний описал А.С. Тагер. [11] Его экспериментальные исследования были основаны на изучении формирования показаний, начиная от восприятия тех или иных событий, фактов и явлений до влияния на них эмоционального состояния, особенностей профессиональной деятельности, возраста и других факторов. А.С. Тагер утверждал, что, оценивая полученные показания, очень важно также учитывать и индивидуальные особенности зрения, слуха, памяти, так как источники ошибок в показаниях свидетеля заключаются в особенностях восприятия, сохранения и переработки информации.

Достижения психологической науки в области юридической психологии впервые были внедрены в практическую деятельность в качестве специально разработанных методов А.Р. Лурия [9]. В 1928 г. им была создана сопряженно-моторная методика, соединившая в себе ассоциативный метод с одновременной фиксацией ряда физиологических показателей, в дальнейшем положенная в основу работы детектора лжи. А.Р. Лурия утверждал, что, исследуя таким образом аффективные следы, можно объективно подходить к определению отношения человека к тем или иным событиям уголовного дела, установлению его причастности к совершенному преступлению, а также истинности его показаний.

А.Р. Лурия считал необходимым участие психолога в оценке достоверности свидетельских показаний [9]. Человек, рассказывающий о произошедших событиях, воспринимал их с определенной степенью точности, запоминал с учетом своих индивидуальных особенностей и должен был воспроизвести в форме показаний в условиях следствия или перед судом. Люди по-разному владеют всеми вышеперечисленными функциями: кто-то дает показания подробно, с большим количеством деталей и зачастую может бессознательно исказить некоторые факты или включить новые детали в рассказ. Задача психолога состоит в том, чтобы правильно оценить влияние того или иного фактора на формирование свидетельских показаний.

А.Р. Лурия обратил внимание на еще один значительный аспект в изучении свидетельских показаний – влияние следственной или судебной обстановки на особенности воспроизведения событий свидетелем. Правильность показаний зависит не только от особенностей восприятия, запоминания свидетелем событий, но и в большой степени от того, как и в каких условиях он рассказывает о них. По мнению А.Р. Лурия, существует значительная разница между теми показаниями, которые даются в свободной форме, без активного вмешательства следователя или иного опрашивающего, и теми показаниями, которые «направляются» вопросами.

В основе некоторых современных методов изучения свидетельских показаний лежат работы немецкого судебного психолога У. Ундойча (1954), относящиеся к середине XX в. [32]. Он впервые провел исследование, посвященное показаниям несовершеннолетней девочки, предположительно перенесшей сексуальное насилие. Результатом его исследования стала «гипотеза Ундойча»: свидетельские показания, основанные на реально пережитом опыте, качественно и по содержанию отличаются от сфабрикованных или основанных на заблуждении. Постановление Верховного Суда ФРГ (1955) предписало в дальнейшем проведение подобных исследований в спорных судебных случаях.

В 1980-х гг. количество психологов, участвовавших в оценке надежности свидетельских показаний, существенно увеличилось. В ряде европейских стран, прежде всего Германии, Швеции, Великобритании, велись активные разработки критериев оценки достоверности информации, полученной в ходе следственного интервьюирования предполагаемых жертв сексуального насилия [32]. В 1989 г. М. Steller и G. Köhnken провели систематизацию имевшихся к тому времени признаков дифференциации истинных и ложных показаний и сформировали список из 19 «признаков реальности» [31]. Основанный на использовании этих признаков метод - «Statement Validity Assessment» (SVA) - стал одним из центральных для изучения в последующие годы. Некоторые исследователи считали, что информация, полученная в результате анализа с помощью методики SVA, является

надежной и ее можно использовать в суде [25;31]. Другие относились к результатам проведения SVA с осторожностью [19; 26; 30; 33].

В настоящее время дискуссия об определении надежности и достоверности свидетельских показаний продолжается, существуют разногласия и противоречия в исследованиях, касающихся оценки их качества [3;4;12;13]. Практическая потребность в подобном анализе показаний существует и сегодня и как никогда требует особого рассмотрения в связи с участвующимся проведением некачественных судебно-психологических экспертиз, в основе которых лежит неверное использование методов определения истинности или ложности информации.

Необходимость изучения данной проблематики связана с появлением в последнее время отечественных публикаций, предлагающих новый экспертный взгляд на определение правдивости показаний. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. предлагают использовать свою «частную экспертную методику» для определения достоверности свидетельских показаний. В качестве обоснования авторы приводят различные концепции и методические подходы как отечественных (Л.Б. Филонов, В.П. Белянин и др.), так и зарубежных (А. Врай, П. Экман, М. Штеллер, Г. Кёнкен, В.А. Шаповалов) психологов [4].

Другой взгляд на вопрос определения правдивости свидетельских показаний описан в работах большого количества отечественных авторов (Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Секераж Т.Н., Калинина А.Н.) [3; 13]. Согласно данному взгляду, в настоящее время установление достоверности показаний путем проведения судебной экспертизы на строго научной основе невозможно. Кроме того, согласно законодательству РФ, определение достоверности показаний относится к компетенции суда [12].

Для того чтобы максимально правильно и качественно использовать существующие методы и продолжать разработку в области оценки свидетельских показаний, необходимо быть знакомым не только с достижениями последних лет в этой области, но и с историей ее зарождения. Важно уметь анализировать полученные ранее результаты, соотносить все плюсы и минусы предложенных методов, чтобы избежать их неправильного и недопустимого использования в экспертной практике.

Литература

1. Арсеньев В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела // Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 4 с.
2. Гросс Г. Руководство к расследованию преступлений //Юридическая психология: хрестоматия / В.В. Романов, Е.В. Романова. М.: Юрист, 2000. 282 с.
3. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 47–56. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n3/79077.shtml> (дата обращения: 15.11.2016).
4. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по

- видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий). М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
5. Канторович Я.А. Психология свидетельских показаний //Юридическая психология: хрестоматия / В.В. Романов, Е.В. Романова. М.: Юрист, 2000. С.370–371.
 6. Кертес И. Тактика и психологические основы допроса // М.: Юридическая литература, 1965. 41 с.
 7. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1967. 48 с.
 8. Коченов М.М. Психология допроса малолетних свидетелей // Юридическая психология: криминальная психология. Судебно-психологическая экспертиза. Исправительно-трудовая психология. Судебная психология / Сост. Т.Н. Курбатова. СПб.: Питер, 2001. 374–409 с.
 9. Лурия А.Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Сов. право. 1927. № 2 (26). С. 84–100.
 10. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 2-е изд., испр. М.: Генезис, 2005. С. 512.
 11. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка. 1988. 80 с.
 12. Ситковская О.Д. Психология свидетельских показаний // Прокурорская и следственная практика. 2007. № 3–4. С. 143–240.
 13. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Секераж Т.Н., Калинина А.Н. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 61–78. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n3/82922.shtml> (дата обращения: 16.11.2016).
 14. Фрай О. Детекция лжи и обмана. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2005. 320 с.
 15. Фрай О. Ложь. Три способа выявления лжи. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 286 с.
 16. Штерн В. Психология свидетельского показания. СПб.: Вестник права, 1902. 15 с.
 17. Vrij A. Criteria-based content analysis a qualitative review of the first 37 Studies // Psychology, Public Policy, and Law. 2005. Vol. 11. № 1. P. 3–41.
 18. Vrij A., Mann S. Criteria-Based Content Analysis: An empirical test of its underlying processes // Psychology, Crime and Law. 2006. Vol. 12 № 4. P. 337–349.
 19. Boychuk T. Criteria-Based Content Analysis of children’s statements about sexual abuse: A field-based validation study: Unpublished doctoral dissertation. Arizona State University, 1991.
 20. Bull R. Obtaining evidence expertly: The reliability of interviews with child witnesses // Expert Evidence: The International Digest of Human Behaviour Science and Law. 1992. P. 3–36.
 21. Bull R. Innovative techniques for the questioning of child witnesses, especially those

- who are young and those with learning disability //New york: Hemisphere. 1995, p. 179–195.
22. *Bull R., Vrij A., Memon A.* Obtaining information from child witnesses // Psychology and law: Truthfulness, accuracy and credibility. Maidenhead, England: McGraw-Hill, 1998. P. 188–210.
 23. *Cattell J. M.* Measurements of the accuracy of recollection // Science. 1895. P. 761–766.
 24. *Esplin P.W., Boychuk T., Raskin D.C.* A field validity study of Criteria-Based Content Analysis of children's statements in sexual abuse cases // Paper presented at the NATO Advanced Study Institute on Credibility Assessment. 1988. P. 19
 25. *Honts C.R.* Assessing children's credibility: Scientific and legal issues in 1994 // North Dakota Law Review. 70, 1994. pp. 879–903.
 26. *Lamb M.E., Sternberg K.J., Esplin P.W., Hershkowitz I., Orbach Y., Hovav M.* Criterion-Based Content Analysis: A field validation study // Child Abuse and Neglect. 1997. p. 255–264.
 27. *Santtila P., Roppola H., Runtti M., Niemi P.* Assessment of child witness statements using criteria-based content analysis (CBCA): The effects of age, verbal ability, and interviewer's emotional style // Psychology, Crime and Law. 2000. p. 159–179.
 28. *Raskin D. C., Esplin P.W.* Assessment of children's statements of sexual abuse // In J. Doris (Ed.). The suggestibility of children's recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. P. 153–165.
 29. *Raskin D.C., Esplin P.W.* Statement Validity Assessment: Interview procedures and content analysis of children's statements of sexual abuse // Behavioral Assessment. 1991. P. 265–291.
 30. *Ruby C.L., Brigham J.C.* The usefulness of the Criteria-Based Content Analysis technique in distinguishing between truthful and fabricated allegations // Psychology, Public Policy, and Law. 1997. P. 705–737.
 31. *Steller M., Köhnken G.* Criteria-Based Content Analysis // In D. C. Raskin (Ed.), Psychological methods in criminal investigation and evidence. New York: Springer-Verlag, 1989. P. 217–245.
 32. *Undeutsch U.* Statement reality analysis // In A. Trankell (Ed.), Reconstructing the past: The role of psychologists in criminal trials. Deventer, the Netherlands: Kluwer, 1982. P. 27–56.
 33. *Wells G.L., Loftus E.F.* Commentary: Is this child fabricating? Reactions to a new assessment technique // In J. Doris (Ed.). The suggestibility of children's recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. P. 168–171.

History of psychological assessment testimony

Krasavina A.G., Post-graduate student, the Faculty of legal and forensic psychology, Moscow State University of Psychology and Education (netka-2107@mail.ru)

The article presents different points of view on the assessment of witness statements. This review results from a range of issues coming up in the modern practice of a forensic psychologist. One of the recent problems connected to the assessment of witness statements validity, is forensic and psychological expert reports, realized on the basis of not locally approved methods, backed by reliable studies. The article describes different approaches of foreign and national specialists to the issue of credibility of witnesses. Despite the significant amount of works in this field, there are still differences and contradictions in researches regarding the assessment of the quality of witness statements. That is why familiarization with the history of the issue is necessary for its further full and complete examination, as well as for avoiding the incorrect operation with existing results in the modern practice of a psychologist.

Key words: testimony, evaluation of witness testimony, the reliability of the testimony.

References

1. Arsen'ev V.D. Ispol'zovanie special'nyh znaniy pri ustanovlenii fakticheskikh obstojatel'stv ugovnogo dela [Using special knowledge in establishing the circumstances of the criminal case]. Krasnojarsk, 1986. 4 p.
2. Gross G. Rukovodstvo k rassledovaniju prestuplenij [A guide to crime investigation]. In V.V. Romanov, E.V. Romanova (ed.) *Juridicheskaja psihologija [Legal psychology]*. Moscow: Jurist, 2000. 282 p.
3. Dozorceva E.G., Afanas'eva A.G. Ocenka dostovernosti svidetel'skih pokazanij nesovershennoletnih [Assesment of credibility of witnesses]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*. 2015. Tom 4. No. 3, pp. 47–56
4. Engalychev V.F., Kravcova G.K., Holopova E.N. Sudebnaja psihologicheskaja jekspertiza po vyjavleniju priznakov dostovernosti/nedostovernosti informacii, soobshhaemoj uchastnikami ugovnogo sudoproizvodstva (po videozapisjam sledstvennyh dejstvij i operativno-razysknyh meroprijatij). Moscow: Jurlitinform, 2016. 328 p.
5. Kantorovich J.A. Psihologija svidetel'skih pokazanij [The psychology of testimony] In V.V. Romanov, E.V. Romanova (ed.) *Juridicheskaja psihologija [Legal psychology]*. Moscow: Jurist, 2000, pp.370-371
6. Kertes I. Taktika i psihologicheskie osnovy doprosa [Tactics and psychological bases of interrogation]. Moscow, Juridicheskaya literatura, 1965. 41 p.
7. Koni A.F. Sbranie sochinenij v 8 tomah [Collection works in 8 volumes]. Moscow, Juridicheskaya literatura, 1967. 48 p.

8. Kochenov M. M. Psihologija doprosa maloletnih svidetelej [Psychology of questioning of young witnesses]. In T.N. Kurbatova (ed.) *Juridicheskaja psihologija: kriminal'naja psihologija* [Legal psychology: criminal psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2001, pp. 374-409.
9. Lurija A.R. Jeksperimental'naja psihologija v sudebno-sledstvennom dele [Experimental psychology in a legal case]. *Sov. Pravo*, no. 2 Tom 26, 1927, pp. 84-100.
10. Medicinskaja i sudebnaja psihologija. Kurs lekcij: Uchebnoe posobie. In T.B. Dmitrieva, F.S. Safuanov (ed.) Moscow: Genezis, 2005, 512 p.
11. Ratinov A.R., Efimova N.I. Psihologija doprosa obvinjaemogo [The psychology of interrogation of the accused]. Moscow, Izdatelstvo Krasnoyarskogo Universiteta, 1988. 80 p.
12. Sitkovskaja O.D. Psihologija svidetel'skih pokazanij [Psychology of testimony]. Moscow: Prokurorskaja i sledstvennaja praktika, no. 3-4, 2007, pp. 143-240.
13. Smirnova S.A., Makushkin E.V., Asnis A.Ja., Vaskje E.V., Dozorceva E.G., Safuanov F.S., Shishkov S.N., Shipshin S.S., Oshevskij D.S., Berdnikov D.V., Sekerazh T.N., Kalinina A.N. O nepravomernosti opredelenija dostovernosti pokazanij putem sudebnoj jekspertizy [About illegality determination of the validity of evidence through forensic examination]. *Psihologija i pravo*. Tom 6. No. 3. 2016, pp. 61–78.
14. Fraj O. Detekcija lzhi i obmana [Lie detection and deception]. Saint-Petersburg: PRAJM-EVROZNAK, 2005. 320 p.
15. Fraj O. Lozh'. Tri sposoba vyjavlenija lzhi [Three ways of detection lies]. Saint-Petersburg: PRAJM-EVROZNAK, 2006. 286 p.
16. Shtern V. Psihologija svidetel'skogo pokazanija [Psychology of testimony]. Saint-Petersburg: Vestnik prava, 1902. 15 p.
17. Vrij A. Criteria-based content analysis a qualitative review of the first 37 Studies. *Psychology, Public Policy, and Law*. 2005. Vol. 11. No. 1. pp. 3–41.
18. Vrij A., Mann S. Criteria-Based Content Analysis: An empirical test of its underlying processes. *Psychology, Crime and Law*, 2006. Vol. 12 no. 4. pp. 337-349.
19. Boychuk T. Criteria-Based Content Analysis of children's statements about sexual abuse: A field-based validation study. Unpublished doctoral dissertation. Arizona State University, 1991.
20. Bull R. Obtaining evidence expertly: The reliability of interviews with child witnesses. *Expert Evidence: The International Digest of Human Behaviour Science and Law*, 1992. No. 1. pp. 3–36.
21. Bull R. Innovative techniques for the questioning of child witnesses, especially those who are young and those with learning disability. 1995, pp. 179–195.
22. Bull R., Vrij A., Memon A. Obtaining information from child witnesses. *Psychology and law: Truthfulness, accuracy and credibility*. Maidenhead, England: McGraw-Hill, 1998. pp. 188–210.
23. Cattell J. M. Measurements of the accuracy of recollection. *Science*. No. 2, 1895. Pp. 761–766.

24. Esplin P. W., Boychuk T., Raskin D.C. A field validity study of Criteria-Based Content Analysis of children's statements in sexual abuse cases. Paper presented at the NATO Advanced Study Institute on Credibility Assessment. June. 1988. 19 p.
25. Honts C. R. Assessing children's credibility: Scientific and legal issues in 1994. North Dakota Law Review. 70, 1994. pp. 879-903.
26. Lamb M. E., Sternberg K. J., Esplin P. W., Hershkowitz I., Orbach Y., Hovav M. Criterion-Based Content Analysis: A field validation study. Child Abuse and Neglect. 21, 1997. pp. 255-264.
27. Santtila P., Roppola H., Runtti M., Niemi P. Assessment of child witness statements using criteria-based content analysis (CBCA): The effects of age, verbal ability, and interviewer's emotional style. Psychology, Crime and Law. 6:3, 2000. pp. 159-179.
28. Raskin D. C., Esplin P.W. Assessment of children's statements of sexual abuse. In J. Doris (Ed.). The suggestibility of children's recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. pp. 153-165.
29. Raskin D. C., Esplin P.W. Statement Validity Assessment: Interview procedures and content analysis of children's statements of sexual abuse. Behavioral Assessment. 13, 1991. pp. 265-291.
30. Ruby C. L., Brigham J.C. The usefulness of the Criteria-Based Content Analysis technique in distinguishing between truthful and fabricated allegations. Psychology, Public Policy, and Law. 3, 1997. pp. 705-737.
31. Steller M., Köhnken G. Criteria-Based Content Analysis. In D. C. Raskin (Ed.), Psychological methods in criminal investigation and evidence. New York: Springer-Verlag, 1989. pp. 217-245.
32. Undeutsch U. Statement reality analysis. In A. Trankell (Ed.), Reconstructing the past: The role of psychologists in criminal trials. Deventer, the Netherlands: Kluwer, 1982. pp. 27-56.
33. Wells G. L., Loftus E.F. Commentary: Is this child fabricating? Reactions to a new assessment technique. In J. Doris (Ed.). The suggestibility of children's recollections. Washington, DC: American Psychological Association, 1991. pp. 168-171.

Индивидуально-типологические предикторы тяжести правонарушений

Лысенко Н.Е., научный сотрудник Лаборатории психогигиены и психопрофилактики ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (nlisenko@yandex.ru)

В статье проводится анализ взаимосвязи индивидуально-типологических особенностей с тяжестью правонарушений у психически здоровых лиц (65 человек). Описаны результаты сравнительного исследования групп обследуемых, совершивших агрессивно-насильственные и неагрессивные правонарушения, и лиц с нормосообразным поведением. Предложен метод исследования склонности к совершению деяний различной тяжести. Он включает количественную и качественную оценку индивидуально-типологических особенностей и их взаимодействия. Количественная оценка представляет собой выявление индивидуально-типологических особенностей, выраженность которых постепенно изменяется по мере нарастания тяжести деяния (ситуативная тревожность и чувствительность к опасности). Качественная оценка включает выявление комплексов индивидуально-типологических особенностей, сформированных на основе базовых свойств нервной системы и различающихся составом входящих в них свойств. В группе лиц, совершивших агрессивно-насильственные деяния, комплексы индивидуально-типологических особенностей представлены сочетанием активационных процессов и физической агрессии, в группе совершивших неагрессивные деяния – активационных процессов и коммуникативных аспектов деятельности.

Ключевые слова: индивидуально-типологические особенности, тяжесть правонарушения, коммуникативная пластичность, агрессивность.

Для цитаты:

Лысенко Н.Е. Индивидуально-типологические предикторы тяжести правонарушений. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 27-43.

doi: 10.17759/psylaw.207070303

For citation:

Lisenko N.E. Individual and psychological predictors of the offence severity. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp.27-43. doi: 10.17759/psylaw.2017070303

Введение

Исследование роли индивидуальных особенностей в криминальном поведении остается одной из актуальных задач юридической психологии и криминологии, поскольку именно «личность является носителем причин преступления» [3]. Поэтому растет запрос на психологические инструменты предсказания противоправных действий и их профилактики.

Не отрицая того, что утяжеление правонарушений часто происходит постепенно, от правонарушения к правонарушению, можно констатировать, что в большинстве случаев тяжесть деяния связана с предрасположенностью личности к совершению определенных видов преступлений [4].

Основой современного взгляда на личность является системная структурно-уровневая концепция, подчеркивающая ее интегративную сущность и одновременно ее включенность в интегральную систему общественной жизни. Структура личности, включающая биологическую составляющую в форме темперамента, складывается в процессе онтогенеза и является совокупностью социально значимых психических свойств, отношений и действий индивида [2; 5]. Криминальная личность развивается по тем же правилам и обладает устойчивой социально-биологической предрасположенностью к криминальной деятельности [4].

В многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях подчеркивается роль сочетанного социально-психологического и психобиологического влияния на формирование криминальной личности. Исследована роль личностных черт в развитии склонности к разным видам преступлений [1; 12], связь индивидуально-типологических особенностей и привычного стиля мышления [11], зависимость характера совершенного преступления от глубины и вида психологической травматизации [10]. Важнейшее значение придается выявлению индивидуальных особенностей, которые могут стать мишенями эффективной психологической коррекции осужденных за разные виды преступлений [7; 8; 9].

Таким образом, современные научные тенденции определяют вектор изучения девиантного и криминального поведения как многоуровневых сознательно-бессознательных процессов, имеющих различную структуру в зависимости от предрасположенности к тем или иным видам правонарушений.

В то же время обращает на себя внимание упрощенность подходов к исследованию такого многоуровневого конструкта, как личность правонарушителя, несоответствие инструментов оценки индивидуальных свойств актуальным научным тенденциям и полное игнорирование роли психодинамических и нейрофизиологических процессов в криминальном поведении.

Целью исследования было выявление особенности структуры темперамента и изменений разноуровневых, в том числе индивидуально-типологических, характеристик в зависимости от глубины криминализации, связанной с тяжестью совершенных деяний.

Метод

В исследовании приняли участие 65 психически здоровых мужчин. Из них 24 человека ($M_{\text{возраст}}=28,54\pm 11,85$ года) обвинялись в совершении агрессивно-насильственных правонарушений (ст.105, 111, 162, 208, 205 УК РФ), 17 человек ($M_{\text{возраст}}= 29,63\pm 13,41$ лет) – неагрессивных правонарушений (ст. 158, 228 УК РФ). Все они проходили комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России. Четверо обследуемых привлекались к уголовной ответственности повторно, из них трое обследуемых из группы совершивших агрессивно-насильственные правонарушения были ранее судимы за преступления против личности; один человек в группе обследуемых, совершивших неагрессивные деяния, ранее совершил имущественное правонарушение. Впервые и повторно совершившие правонарушения не различались по показателям тестов. Группу сравнения составили 24 психически здоровых мужчины ($M_{\text{возраст}}=25,83\pm 5,06$ лет), никогда ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности.

Диагностический комплекс включал следующие методики.

Опросник самоконтроля (Г. Грасмик, 1993; адаптация В.Г. Булыгиной, А.М. Абдраязковой, 2008) – шкалы импульсивности, предпочтения простых задач, стремления к риску, физической активности, эгоцентризма, раздражительности.

Опросник Г. Айзенка (Г. Айзенк, 1998) – шкалы экстраверсии, нейротизма, склонности ко лжи, психотизма.

Шкала ситуативной и личностной тревожности опросника Спилбергера–Ханина (Ю.Л. Ханин, 1976).

Опросник Кавера–Уайта (C.S. Carver, T.L. White, 1994, стандартизированный Г.Г. Князевым и Е.Р. Слободской, 2007) – шкалы: чувствительности к опасности или негативным ситуациям; активации, направленной на получение награды и удовольствия; шкала, связанная с преодолением негативных обстоятельств и со стремлением к желаемой цели и направленная на ожидание получения поощрения.

Опросник А. Басса и М. Перри (A. Buss M. Perry, 1992; адаптация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского, 2007) – шкалы общей агрессивности, склонности к физической агрессии, враждебности и гневу.

Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (В.М. Русалов, 1997) – шкалы психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной скорости, пластичности, эмоциональности и эргичности.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью статистических пакетов SPSS 20.0, Excel 15.0. Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась при помощи t-критерия Спирмена для независимых выборок, кластерного анализа, корреляционного анализа (r-Пирсона), регрессионного анализа, метода построения ROC-кривых.

Результаты

При сравнительном анализе (*T-критерий*) данных были выявлены следующие результаты (табл. 1). Группа лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, отличалась от группы с нормосообразным поведением более высокими баллами по шкале ситуативной тревожности и более низкими баллами по шкалам раздражительности, импульсивности и коммуникативной пластичности.

Группа лиц, совершивших неагрессивные правонарушения, в отличие от группы обследуемых с нормосообразным поведением, имела низкие показатели по шкалам активации, направленной на достижение удовольствия, общей агрессивности, раздражительности, импульсивности, психотизма и коммуникативной пластичности.

Между группами лиц, совершивших агрессивно-насильственные и неагрессивные правонарушения, достоверных различий средних не выявлено, отмечалась тенденция к различию уровня гнева, с более высоким средним значением в группе лиц, совершивших агрессивно-насильственные деяния.

Таблица 1

Значимые различия между шкалами опросников в группах правонарушителей, совершивших агрессивно-насильственные и неагрессивные деяния, и в группе нормы (*T-критерий равенства средних*)

Шкалы	Агрессивно-насильственные деяния	Неагрессивные деяния	Норма	Совершившие агрессивно-насильственные / неагрессивные деяния		Норма/ совершившие агрессивно-насильственные деяния		Норма/ совершившие неагрессивные деяния	
				М (SD)	t	Знч.	t	Знч.	t
Гнев	18,21 (6,24)	15,19 (3,39)	19,46 (5,04)	1,974	,056	-	-	-2,966	,005
Ситуативная тревожность	46,55 (10,63)	42,00 (8,97)	36,48 (10,32)	-	-	3,331	,002	-	-
Раздражительность	0,71 (0,99)	0,56 (0,63)	1,38 (1,24)	-	-	-2,046	,046	-2,719	,010
Импульсивность	1,38 (1,17)	1,06 (0,99)	2,08 (1,02)	-	-	-2,235	,030	-3,131	,003
Коммуникативная пластичность	22,04 (4,07)	20,75 (4,33)	26,75 (7,02)	-	-	-2,843	,007	-3,048	,004
Общая агрессивность	55,42 (17,07)	51,19 (11,96)	60,29 (13,23)	-	-	-	-	-2,214	,033
Активация*, направленная на получение	9,45 (3,19)	10,50 (3,14)	8,71 (2,33)	-	-	-	-	2,071	,045

удовольствия									
Психотизм	5,14 (3,30)	3,85 (2,77)	6,25 (2,88)	-	-	-	-	-2,621	0,01

Примечание: «*» - шкалы активации опросника Кавера–Уайта имеют обратные значения.

В связи с тем, что в предыдущих исследованиях отмечалась роль коммуникативной и интеллектуальной пластичности в противоправном поведении, был проведен *кластерный анализ*, который позволил на основании этих переменных выявить три группы с высоким (12 человек), средним (35 человек), и низким (17 человек) профилем показателей (табл. 2, рис. 1). Высокий профиль включал высокие значения интеллектуальной и коммуникативной пластичности. В него вошли 12 человек, из которых 10 – это лица с нормосообразным поведением (41,67% от группы нормы) и 2 (8,33% от группы лиц, совершивших агрессивно-насильственные деяния) – это обвиняемые по ст. 208 ч. 2 УК РФ в организации вооруженного формирования и по ст. 205 ч. 2 ст. 30 УК РФ в покушении на совершение террористического акта).

Средний профиль включал высокий уровень интеллектуальной и низкий уровень коммуникативной пластичности; в эту группу попали 15 человек (62,5%), совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, 9 лиц с нормосообразным поведением (37,5%) и 11 человек, совершивших неагрессивные правонарушения (68,75%).

Низкий профиль включал 7 человек, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (29,17%), 5 человек, совершивших неагрессивные правонарушения (31,25%), и 5 человек с нормосообразным поведением (20,83%).

Таблица 2

Значимость показателей интеллектуальной и коммуникативной пластичности для разделения кластеров обследуемых лиц

ANOVA

Шкалы	Кластер		Ошибка		F	Знч.
	Средний квадрат	ст.св.	Средний квадрат	ст.св.		
Пластичность интеллектуальная	544,89	2	15,93	61	34,22	,000
Пластичность коммуникативная	670,44	2	14,41	61	46,52	,000

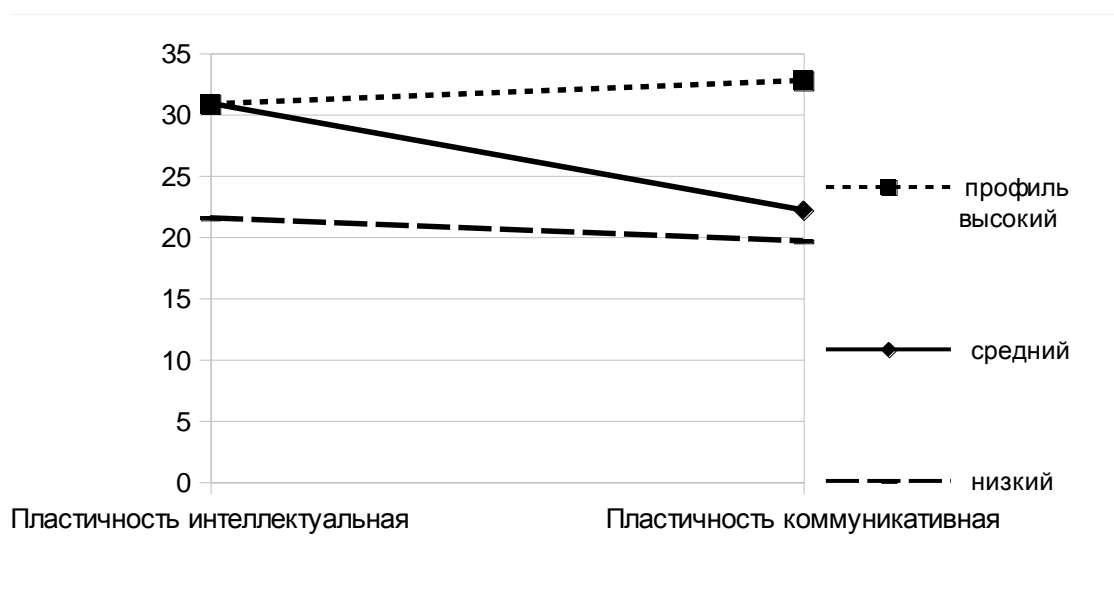

Рис.1. Профили распределения по показателям интеллектуальной и коммуникативной пластичности.

Для выявления связей между отдельными индивидуально-типологическими характеристиками был проведен *корреляционный анализ (r-Пирсона)* отдельно для каждой группы.

В группе лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, были выявлены значимые взаимосвязи между переменной *активации*, направленной на достижение отсроченных целей, и переменными склонности к риску (-0,61 p=0,00), импульсивности (-0,42 p=0,044), физической агрессии (-0,52 p=0,009), гнева (-0,61 p=0,002), скорости психомоторных процессов (-0,41 p=0,044) и низкой интеллектуальной эргичности

(0,51 $p=0,010$). Активация, направленная на получение удовольствия, также была связана с агрессивностью (-0,51 $p=0,010$), в том числе с физической агрессией (-0,53 $p=0,008$).

В группе обследуемых, совершивших неагрессивные правонарушения, активация, направленная на получение удовольствия, связана с коммуникативным компонентом деятельности, в том числе с коммуникативной эргичностью (-0,59 $p=0,016$), пластичностью (-0,64 $p=0,007$), скоростью (-0,52 $p=0,037$), а также с индексом общей активности (-0,52 $p=0,037$) и общей адаптивности (-0,53 $p=0,037$).

В группе нормы активация, направленная на получение удовольствия, была связана с эгоцентричностью (-0,54 $p=0,006$), импульсивностью (-0,52 $p=0,009$) и коммуникативной пластичностью (-0,41 $p=0,044$).

В группе лиц, совершивших неагрессивные правонарушения, коммуникативная пластичность связана с ростом активации, направленной на получение награды и удовольствия (соответственно -0,74 $p=0,001$ и -0,64 $p=0,007$). В группе нормы коммуникативная пластичность связана со снижением личностной тревожности (-0,45 $p=0,028$), ростом активации, направленной на достижение удовольствия (-0,41 $p=0,044$) и интеллектуальной пластичностью (0,54 $p=0,007$).

В группе лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, интеллектуальная пластичность связана со снижением психомоторной эмоциональности (-0,44 $p=0,030$), т. е. чувствительности к непосредственным ошибкам в психомоторной деятельности. В группе лиц, совершивших неагрессивные правонарушения (самые низкие показатели среди групп), интеллектуальная пластичность связана с ростом вовлеченности в интеллектуальную (0,78 $p=0,000$), коммуникативную (0,711 $p=0,002$) и психомоторную (0,735 $p=0,001$) деятельность, а также ростом скорости соответствующих психических процессов (0,70 $p=0,00$; 0,76 $p=0,001$; 0,84 $p=0,00$). В группе нормы интеллектуальная пластичность была связана со снижением личностной (-0,68 $p=0,00$) и ситуативной (-0,64 $p=0,001$) тревожности, враждебности (-0,47 $p=0,020$) и коммуникативной эмоциональности (-0,45 $p=0,029$), а также со склонностью к риску (0,52 $p=0,009$).

Для выделения переменных, влияющих на тяжесть криминализации, был проведен регрессионный анализ. Результаты показали, что от группы лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, до группы нормы отмечается снижение показателей ситуативной тревожности и психомоторной эмоциональности. Наиболее высокие значения личностной тревожности и раздражительности отмечаются у лиц группы нормы, а наименьшие – у обследуемых, совершивших неагрессивные правонарушения. Показатель чувствительности к негативным воздействиям достигает наибольших значений в группе лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, и наименьших значений – в группе лиц, совершивших неагрессивные правонарушения (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты регрессии в группах лиц с нормосообразным поведением, а также совершивших агрессивно-насильственные и неагрессивные правонарушения

Модель		Коэффициенты ^а				
		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Знч.
		В	Стд. Ошибка			
	(Константа)	3,35	,40	-	8,35	,000
	Ситуативная тревожность	-,03	,01	-,40	-3,47	,001
	(Константа)	2,01	,56	-	3,61	,001
	Ситуативная тревожность	-,05	,01	-,56	-4,73	,000
	Личностная тревожность	,05	,01	,38	3,24	,002
	(Константа)	3,81	1,04	-	3,66	,001
	Ситуативная тревожность	-,05	,01	-,61	-5,16	,000
	Личностная тревожность	,03	,02	,29	2,30	,025
	Чувствительность к негативным ситуациям	-,07	,04	-,25	-2,03	,047
	(Константа)	4,58	1,05	-	4,35	,000
	Ситуативная тревожность	-,05	,01	-,57	-4,96	,000
	Личностная тревожность	,04	,01	,37	2,94	,005
	Чувствительность к негативным ситуациям	-,08	,03	-,29	-2,43	,018
	Психомоторная	-,04	,02	-,28	-2,40	,019

	ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ					
	(Константа)	4,85	1,02	-	4,75	,000
	Ситуативная тревожность	-,04	,01	-,55	-4,89	,000
	Личностная тревожность	,03	,01	,29	2,34	,023
	Чувствительность к негативным ситуациям	-,09	,03	-,30	-2,59	,012
	Психомоторная эмоциональность	-,05	,02	-,31	-2,78	,007
	Раздражительность	,20	,09	,24	2,34	,023

Примечание: «а» – зависимая переменная: агрессивно-насильственные деяния – 1; неагрессивные деяния – 2; норма – 3.

В дальнейшем, для решения задачи прогнозирования попадания в группу с большей или меньшей тяжестью правонарушений, было проведено исследование прогнозных моделей с использованием метода построения *ROC-кривых*. Построенные модели показали, что наибольшей прогнозной ценностью для попадания в группу правонарушителей с агрессивно-насильственными деяниями имела переменная ситуативной тревожности.

Для попадания в группу лиц, совершивших неагрессивные правонарушения, наибольшей прогнозной ценностью обладает переменная активации, направленной на достижение удовольствия.

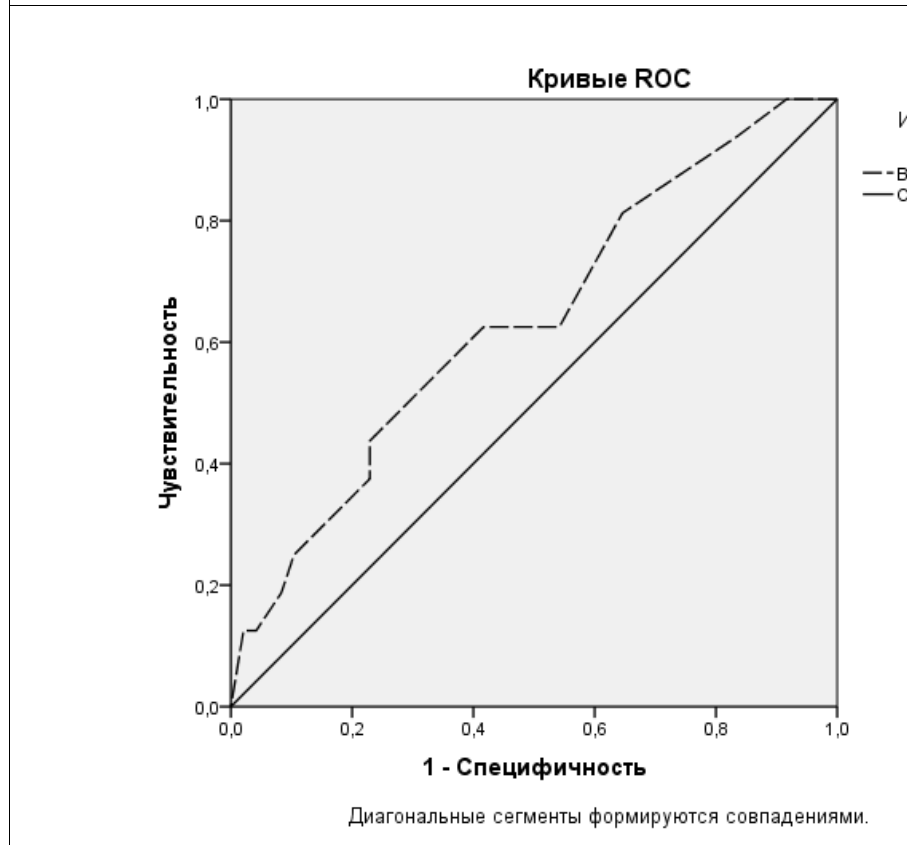
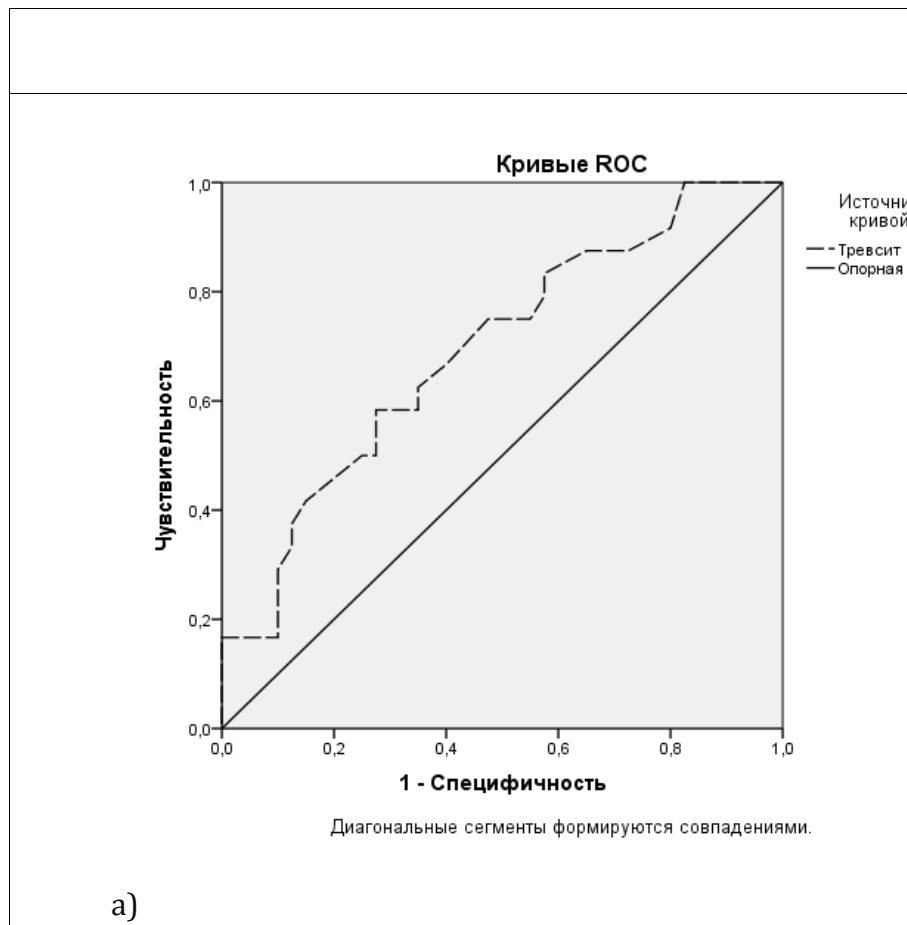
Наибольшую прогноznąю ценность для попадания в группу лиц с нормосообразным поведением имеет переменная коммуникативной пластичности (табл. 4).

Таблица 4

Показатели прогностических свойств предикторов криминальной активности в группах лиц, совершивших агрессивно-насильственные и неагрессивные деяния, а также предикторов отсутствия криминальной активности и нормосообразного поведения

Группа	Площадь под кривой					
	Тестовая переменная	Площадь	Асимптотическая Знч.	Граничное значение	Чувствительность	Специфичность
Агрессивно-насильственные деяния	<i>Ситуативная тревожность</i>	,69	,010	35,00	,88	,65
Неагрессивные деяния	<i>Активация, направленная на удовольствие</i>	,63	,109	7,50	,71	,65
Норма	<i>Пластичность коммуникативная</i>	,74	,001	20,50	,83	,60

Примечание: «а» – в непараметрическом случае; «b» – нулевая гипотеза: истинная площадь = 0.5.

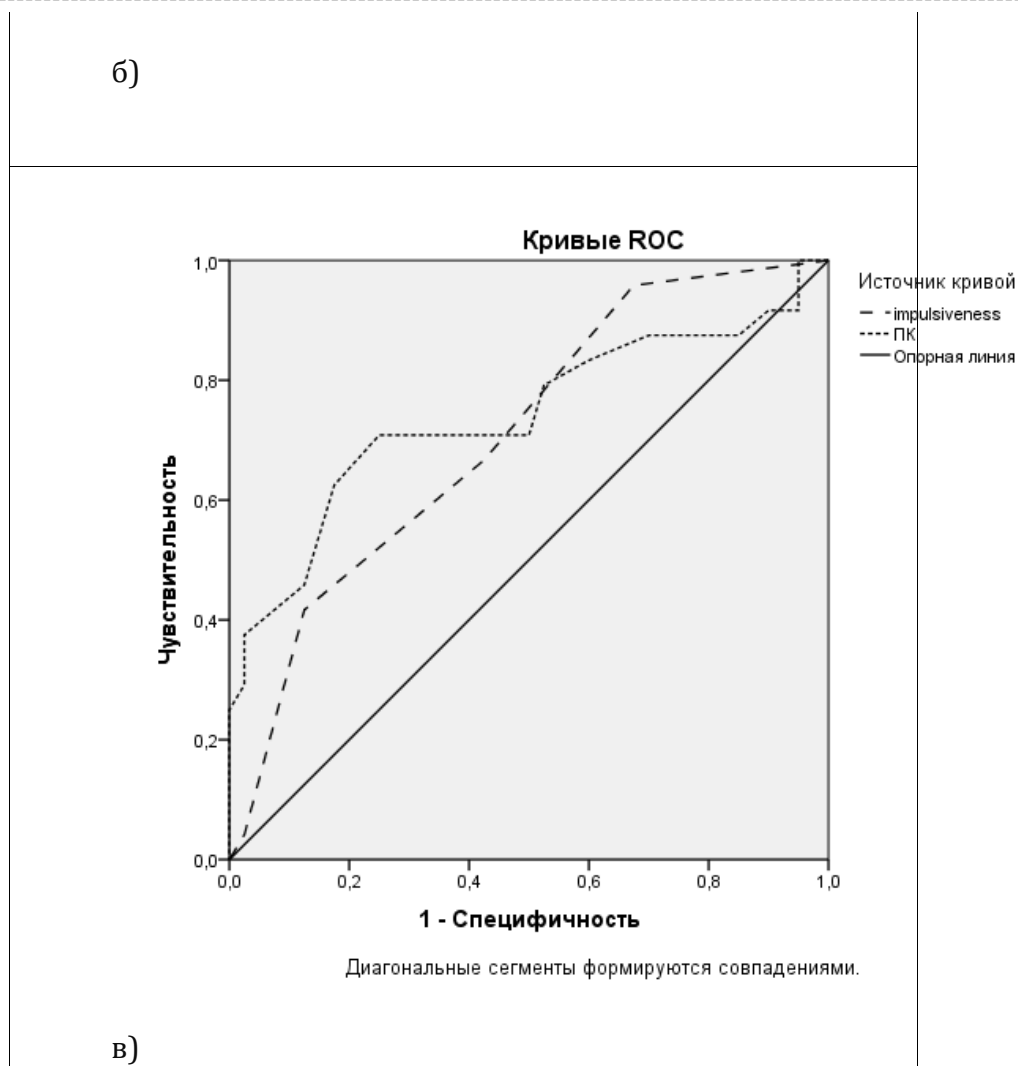

Рис.2. ROC-кривые, отображающие качество построенных предикативных моделей для классификации случаев наличия или отсутствия криминальной активности: а) группа обследуемых, совершивших агрессивно-насильственные деяния; б) группа обследуемых, совершивших неагрессивные деяния; в) группа нормы

Обсуждение

В результате проведенного анализа были выявлены различия индивидуально-типологических особенностей в зависимости от глубины криминализации, которая в настоящем исследовании оценивалась по тяжести совершенного деяния.

Полученные результаты позволяют говорить о градуированной выраженности от группы к группе таких индивидуально-типологических особенностей, как ситуативная и личностная тревожность, чувствительность к негативным ситуациям, психомоторная эмоциональность и раздражительность.

Как показало исследование, диагностическую ценность имеют те индивидуально-типологические особенности, которые выявляют существенное отличие правонарушителей от лиц с нормативным поведением. Наиболее значимым показателем, позволяющим предполагать наличие у человека общей склонности к совершению правонарушений,

является дефицитарность коммуникативных процессов, определяющая узость диапазона коммуникативных программ. Такая психодинамическая характеристика лежит в основе ригидности реакций человека в ситуациях неопределенности во время взаимодействия с другими людьми и приводит к трудностям в выработке стратегии успешного коммуникативного поведения и опосредованности действий.

Специфической особенностью лиц, совершивших агрессивно-насильственные деяния, является высокий уровень ситуативной тревожности. Обследуемые, совершившие неагрессивные правонарушения, обладают низкими показателями по шкалам активации, направленной на достижение удовольствия, общей агрессивности, раздражительности, импульсивности и психотизма.

Исследование подтвердило, что дифференциация между лицами, склонными к агрессивно-насильственным и неагрессивным правонарушениям, более эффективна при качественном анализе структурных взаимосвязей индивидуально-типологических особенностей. Лица, совершившие агрессивно-насильственные правонарушения, обнаруживают ригидную связь между нейроактивационными процессами и агрессивностью, но не с раздражительностью или импульсивностью. То есть структура взаимосвязи индивидуально-типологических характеристик свидетельствует о том, что достижение цели у представителей этой группы связана с применением физической силы и низкой опосредованностью поведения интеллектуальными процессами.

Группа лиц, совершивших неагрессивные правонарушения, отличалась наличием специфических связей между мотивацией удовольствия, обусловленной нейрофизиологическими механизмами, и коммуникативным компонентом психической деятельности. В данном исследовании группу обследуемых с неагрессивными правонарушениями составили лица, совершившие кражи, распространяющие и употребляющие наркотики. Поэтому можно предположить, что низкий базовый уровень позитивных эмоций мешает им налаживать удовлетворительные межличностные взаимоотношения. Совершение криминального поступка, т. е. достижение удовольствия (получение какого-либо непосредственного блага в виде предмета или наркотического удовлетворения), способствует повышению нейрофизиологической активации специфических областей мозга, и вследствие этого обследуемые этой группы становятся способны к эффективной коммуникации.

Интеллектуальная пластичность, как один из аспектов психодинамических процессов, обладает высокой диагностической ценностью как ось формирования индивидуальных особенностей, определяющих предрасположенность к той или иной тяжести правонарушения. В группе нормы интеллектуальная пластичность служит основой снижения тревожности, враждебности и коммуникативной эмоциональности, а также роста склонности к риску. В комплексе эти показатели свидетельствуют о том, что интеллектуальная пластичность уменьшает беспокойство о будущем, давая возможность спокойно относиться к ошибкам в коммуникации и выходить за рамки привычных форм поведения. В группе лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, интеллектуальная пластичность позволяет меньше отвлекаться на недостатки своего ручного труда (снижением чувствительности к непосредственным ошибкам в психомоторной деятельности). Интеллектуальная пластичность в группе лиц, совершивших неагрессивные правонарушения (самые низкие показатели среди групп), связана с ростом вовлеченности в интеллектуальную, коммуникативную и психомоторную деятельность, а

также с ростом скорости соответствующих психических процессов. Поэтому коррекционные мероприятия, направленные на повышение интеллектуальной пластичности в группах правонарушителей, могут быть эффективны для снижения эмоционального напряжения и повышения компетенций, в том числе и коммуникативной компетентности.

Выводы

Исследование подтвердило высокую значимость психодинамических и нейрофизиологических характеристик в прогнозировании тяжести противоправного поведения.

Исследование показало, что тяжесть правонарушения может рассматриваться двояко. С одной стороны, тяжесть правонарушения является следствием постепенного (количественного) изменения индивидуально-типологических характеристик, например, ситуативной тревожности и психомоторной эмоциональности. С другой стороны, преступления той или иной степени тяжести могут быть следствием специфического качественного изменения индивидуальной сферы человека в ходе онтогенеза. В таком случае диагностика должна включать изучение комплексов индивидуально-типологических особенностей, которые отличны от нормативных.

Были выделены специфические комплексы разноуровневых индивидуально-типологических характеристик, информативных для оценки предрасположенности к совершению правонарушений разной тяжести.

Наиболее значимым показателем, предсказывающим попадание человека в группу лиц с неагрессивным противоправным поведением является активация, направленная на достижение удовольствия. Для группы с агрессивно-насильственными правонарушениями – склонность к ситуативной тревожности.

Особенностью группы лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, является ригидность взаимосвязи процессов активации и физической составляющей агрессии, которая не включает, однако, раздражительность и импульсивность.

Литература

1. Айзенк Г., Айзенк М. Исследования человеческой психики. М; ЭКСМО-Пресс, 2001. 480 с.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды / Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1980. 287 с.
3. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. Спб.: Юридически центр Пресс, 2004. 366 с.
4. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психологические аспекты коррупции. – М.: Институт консультирования и системных решений; Высшая школа психологии (институт), 2013. 89 с.
5. Мерлин В.С. Психология индивидуальности: избр. психол. труды // Под ред.

Е.А.Климова. М.: Изд-во Ин-та практ. психологии, 1996. 446 с.

6. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право, 2015. № 2. С. 105-116.
7. Мещерякова Э.И., Молчанова Е.П. Экзистенциальные аспекты работы психолога с лидерами осужденных как фактор формирования толерантности пенитенциарного социума // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / Под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск: ТГУ, 2004. С. 254–275.
8. Писарев О.М. Особенности криминальных установок в условиях пенитенциарного стресса // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С.36–40.
9. Сочивко О.И., Еремина Е.К. Возможности коррекции психологических особенностей осужденных с личностными расстройствами, имеющих различные типы реагирования на условия лишения свободы (на примере ГУФСИН России по Краснодарскому краю и УФСИН России по Московской области) // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2 (35). С.53–61.
10. Хачатурян С.Д., Абдурасулова М.Н. Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). С. 57-70
11. Boduszek D., Shevlin M., Adamson G., Hyland Ph. Eysenck's Personality Model and Criminal Thinking Style within a Violent and Nonviolent Offender Sample: Application of Propensity Score Analysis // Deviant Behavior. 2013. №34. P. 483–493.
12. Shaw J., Porter S. Forever a Psychopath? Psychopathy and the Criminal Career Trajectory // Psychopathy and Law: A Practitioner's Guide. 2012. P.201–220.

Individual and psychological predictors of the offence severity

Lysenko N.E., Researcher, the Laboratory of the psychohygiene and psychoprevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (nlisenko@yandex.ru)

The article analyzes the relationship parameters of temperament with offence severity in mental health subjects. The results of a comparative study of males with violent, nonviolent civil disturbances and non-criminals were observed. The proposition of the study is to measure individual traits in two ways: as a quantitate factor, that includes assessment of gradual change from lower to higher crime severity, like State Anxiety and Behavior Inhibition, or as qualitative factor, that includes revealing of multilevel combinations of individual characteristics based on innate traits of nervous system. There are correlation of activation processes and physical aggression in group of subjects with violent crimes, and activation processes and characteristics of communication sphere in subjects with nonviolent crimes.

Key words: individual and psychological peculiarities, offence severity, communication plasticity, aggression.

References

1. Aizenk G., Aizenk M. Issledovaniya chelovecheskoi psikhiki [Why we behave the way we do]. Moscow: Publ. EKSMO-Press, 2001. 480 p.
2. Anan'ev B.G. Izbrannye psikhologicheskie trudy: v 2 t. [Selected psychological writings] / Akad. ped. nauk SSSR. Moscow: Publ. Pedagogika, 1980.
3. Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika [The identity of the offender]. Saint-Petersburg: Publ. "Yuridicheski tsentr Press", 2004. 366 p.
4. Bogdanov E.N., Zazykin V.G. Psikhologicheskie aspekty korrupsitsii [Psychological aspects of corruption]. Moscow: Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenii. Vysshaya shkola psikhologii (institut) [[Institute of counselling and system solutions; the Higher school psychology (Institute)]]]. 2013. 89 p.
5. Merlin V.S. Psikhologii individual'nosti: izbr. psikhol. Trudy [Psychology of personality: Selected psychological writings]. In Klimova E.A. (ed.). Moscow: Publ. In-ta prakt. psikhologii, 1996. 446 p.
6. Melnikova D.V., Debolskiy M.G. Penal stress and its manifestations in the convicts, suspects and accused persons [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015. Vol. 10, no. 2, pp. 105–116. doi:10.17759/psylaw.2015100208. (In Russ., abstr. in Engl.)

7. Meshcheryakova E.I., Molchanova E.P. Ekzistentsial'nye aspekty raboty psikhologa s liderami osuzhdennykh kak faktor formirovaniya tolerantnosti penitentsiarnogo sotsiuma [The existential aspects of the work of the psychologist with the leaders convicted as a factor of formation of tolerance of the prison society]. *Mentalitet i kommunikativnaya sreda v tranzitivnom obshchestve* [The mentality and the communicative environment in the transitive society]. In Kabrina V.I., Murav'eva O.I. (ed.). Tomsk: Publ. TGU, 2004. pp. 254 -275.
8. Pisarev O.M. Osobennosti kriminal'nykh ustanovok v usloviyakh penitentsiarnogo stressa [Peculiarities of criminal installations in the conditions of the penitentiary stress] // *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian psychological journal]. no.31, 2009 - pp. 36-40.
9. Sochivko O.I., Eremina E.K. Vozmozhnosti korrektsii psikhologicheskikh osobennostei osuzhdennykh s lichnostnymi rasstroistvami, imeyushchikh razlichnye tipy reagirovaniya na usloviya lisheniya svobody (na primere GUF SIN Rossii po Krasnodarskomu krayu i UFSIN Rossii po Moskovskoi oblasti) [Possibilities of correction of psychological peculiarities of convicted with personality disorders and different types of response to confinement (by the example of departments of FPS of the Russian Federation in Krasnodar and Moscow regions).] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. no. 2 (35) 2016. pp. 53-61.
10. Khachatryan S. Dzh., Abdurasulova M.N. The dependence of the nature of the crime to the type of trauma the perpetrator (for example, minors convicted of violent crimes) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 57-70. doi:10.17759/psylaw.2017060205. (In Russ., abstr. in Engl.)

Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, доцент кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (oshevsky@serbsky.ru)

Афони́на Ю.С., бакалавр кафедры психологии и права, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», лаборант-исследователь, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (yulya.afonina.94@mail.ru)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление факторов риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра. Обследовано 72 подростка мужского пола в возрасте от 15 до 17 лет. Применялся комплекс методик исследования индивидуально-психологических особенностей, а также скрининговый инструмент оценки возможного психического неблагополучия (MAYSI-2). На основании полученных результатов делается вывод о том, что у подростков, совершивших общественно опасные деяния и страдающих расстройствами шизофренического спектра, отмечается высокий уровень проактивной и реактивной агрессивности. В силу специфических нарушений в коммуникативной сфере механизмы сдерживания агрессивных побуждений у них сформированы хуже. Среди клинко-психологических факторов риска агрессивного криминального поведения для них наиболее значимым является нарушение мышления, которое приводит к неправильной интерпретации социального контекста.

Ключевые слова: клинко-психологические факторы риска, агрессивное криминальное поведение, скрининговый инструмент, несовершеннолетние правонарушители.

Для цитаты:

Ошевский Д.С., Афони́на Ю.С. Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7).

№ 3. С. 44-55.
doi: 10.17759/psylaw.207070304

For citation:

Oshevsky D.S., Afonina Yu.S. Risk factors for aggressive behavior in juvenile offenders suffering from schizophrenic spectrum disorders. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017(7), no. 3. pp.44-55.
doi: 10.17759/psylaw.2017070304

Анализ статистических данных показывает, что, несмотря на снижение подростковой преступности, уровень криминальной агрессии среди несовершеннолетних остается высоким [1]. Так, по сведениям Федеральной службы исполнения наказаний, в 2016 г. в 24 воспитательных колониях для несовершеннолетних отбывали наказание 1655 подростков (из них 1536 – юноши и 119 – девушки) [12]. Более чем в 40% случаев они обвинялись в преступлениях против личности, связанных с агрессией и насилием [7]. Причем около половины деликтов совершается подростками, страдающими психическими расстройствами [8]. По обобщенным сведениям судебно-экспертных комиссий, среди несовершеннолетних, направляемых на комплексную судебно-психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ), примерно треть приходится на подростков с расстройствами шизофренического спектра [5]. В исследованиях, проведенных в русле клинической и юридической психологии, показано, что для таких подростков характерны специфические факторы риска, которые существенно повышают вероятность проявления криминальной агрессии [3; 4; 5; 6; 8]. В мыслительной деятельности несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра, как правило, наблюдаются искажения процесса обобщения. Это может приводить к неверной интерпретации социальных норм уже на операциональном уровне. Причинно-следственные связи они выстраивают на основе субъективных критериев. Смысловая сфера отличается своеобразием, нередко в ней присутствуют смыслы агрессивного содержания. Аффективные нарушения проявляются в виде эмоционального уплощения. Эмоции приобретают парадоксальный характер и теряют свою регулирующую функцию. Все это делает поведение подростков, страдающих расстройствами шизофренического спектра, слабопредсказуемым и внешне маломотивированным. Такие сочетания могут рассматриваться как факторы риска агрессивного криминального поведения [8].

Анализ данных КСППЭ, проведенных в ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, свидетельствует о том, что вследствие неверной и несвоевременной диагностики психического расстройства, недоучета клиничко-психологических факторов риска криминального поведения, недостаточных мер сопровождения несовершеннолетнего увеличивается риск совершения повторных, прежде всего агрессивно-насильственных, правонарушений даже у тех подростков, которые привлекались ранее к уголовной ответственности за имущественные деликты. Использование комплекса психодиагностических методик, с параллельным применением скрининговых инструментов оценки возможного психического неблагополучия, позволит учесть клиничко-психологические факторы риска агрессивного поведения, в том числе у подростков, страдающих расстройствами шизофренического спектра [6]. Следует отметить, что за рубежом различные оценочные шкалы широко используются в практике первичной диагностики несовершеннолетних правонарушителей. В частности, скрининговая методика

оценки психического здоровья MAYSI-2 [2; 6; 13; 14] позволяет получить предварительные данные о психическом неблагополучии подростка, нарушившего закон. Использование таких инструментов представляется перспективным и в нашей стране. Однако их следует интегрировать в отечественную практику. Перечисленными выше аспектами обусловлена актуальность проведенного исследования.

Цель исследования – выявление факторов риска агрессивного криминального поведения у подростков, страдающих расстройствами шизофренического спектра, совершивших агрессивные деликты.

Материал, методы и организация исследования

Для выявления специфических факторов риска проявления агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра, было проведено исследование на базе ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России и ГБУЗ города Москвы «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой». Оно организовано с учетом того, чтобы была возможность варьировать параметры социального и клинического неблагополучия. Обследованы 4 группы подростков.

Основная группа.

1. Несовершеннолетние, совершившие агрессивно-насильственные действия, квалифицированные в соответствии со ст. 105, 111, 161, 162 УК РФ (n=26). По результатам КСППЭ им были диагностированы расстройства шизофренического спектра (F.20–F.21). Средний возраст обследованных 16,3±0,5 лет.

Группы сопоставления.

2. Психически здоровые несовершеннолетние, совершившие правонарушения, квалифицированные в соответствии со ст. 105, 111, 161, 162 УК РФ (n=15). Средний возраст обследованных 16,2±0,5 лет.

3. Подростки, проходящие стационарное лечение в ГБУЗ города Москвы «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой», страдающие расстройствами шизофренического спектра (F.20–F.21) (n=16). Средний возраст обследованных 15,8±0,7 лет

Контрольная группа.

4. Школьники с условно-нормативным поведением, не имеющие психиатрического диагноза (n=15), возраст от 15 до 17 лет. Средний возраст обследованных 16,2±0,2 лет.

Группы были уравнены по возрастному фактору. Для нивелирования гендерного аспекта обследовались только юноши.

Для исследования были использованы следующие **методики**.

1. *Опросник скрининговой оценки психического здоровья – MAYSI-2* [2; 6; 13; 14]. Стоит подчеркнуть, что на основе полученных с помощью этой методики результатов не следует

делать вывод о клинической выраженности проблем. Скрининговые инструменты не могут заменить всестороннего обследования подростка психиатром. Однако высокие значения по шкалам должны настораживать в плане возможных проблем и могут являться поводом обращения к клиницисту. Методика охватывает ряд аспектов, касающихся психического здоровья несовершеннолетнего. Шкала «Употребление алкоголя/наркотиков» включает утверждения, связанные со злоупотреблением психоактивными веществами (ПАВ). Параметры «Гнев/раздражительность», «Депрессия и тревога» касаются эмоционального неблагополучия подростка. Шкала «Соматические жалобы» представляет собой самоотчет о физическом дискомфорте. Утверждения опросника относительно аутоагрессивных тенденций составляют шкалу «Суицидальные мысли». Параметр «Расстройства мышления» включает в себя вопросы, подразумевающие необычное восприятие и осмысление окружающей действительности. Перенесенные стрессовые события в прошлом учитываются в шкале «Травматический опыт». Интегральная шкала обобщает полученные результаты. Официальный русскоязычный перевод методики, зарегистрированный правообладателем, выполнен проф. Е.Г. Дозорцевой (2013)¹.

2. *Индивидуально-типологический диагностический опросник (ИТДО) Л.Н. Собчик* использовался для исследования индивидуально-психологических особенностей [10].

3. *Тест фрустрационной толерантности С. Розенцвейга* применялся для оценки возможных поведенческих реакций в проблемных ситуациях [11];.

4. С помощью методики «*Тест руки*» (*Hand Test*) Э. Вагнера диагностировалась склонность к агрессивному поведению и сформированность (сохранность) механизмов сдерживания агрессивных побуждений[9].

Обработка полученных данных реализовывалась с помощью математико-статистической программы STATISTICA 6.0 (rus). Наряду с количественным проводился качественный анализ протоколов обследуемых.

Результаты эмпирического исследования

Как и ожидалось, несовершеннолетние основной группы демонстрируют более высокий уровень психического неблагополучия (табл. 1). Причем эта тенденция прослеживается по отношению не только к школьникам, но и к правонарушителям, признанным КСППЭ психически здоровыми. Из этого следует, что при оценке вероятности повторных, в том числе агрессивных, криминальных действий необходимо учитывать клиническую составляющую.

¹ Copyright © 1998 Thomas Grisso, Richard Barnum, Richard Famularo & Robert Kinscherff. Авторизованный перевод Дозорцевой Е.Г.

Таблица 1

Скрининговая оценка возможного психического неблагополучия у несовершеннолетних (по данным методики MAYSI-2)

Шкалы методики	Группы				p (U-критерий Манна- Уитни)
	Sch правонарушители	ПЗ правонарушители	Sch	Школьники	
Употребление алкоголя, наркотиков	2,17	2,40	1,19	0,20	***0,001
Гнев, раздражительность	3,46	3,20	5,13	1,33	**0,05 ***0,01
Депрессия, тревога	2,13	2,40	3,88	1,40	**0,001 ***0,05
Соматические жалобы	2,92	2,20	3,19	1,87	***0,05
Суицидальные мысли	0,42	0,40	2,56	0,27	**0,001
Расстройства мышления	3,58	0,80	2,75	0,47	***0,001 *0,001
Травматический опыт	1,79	1,53	2,00	0,67	***0,001
Интегративная шкала	16,46	12,93	20,69	6,20	*0,05 ***0,05

* – различия между группами «Sch правонарушители» и «ПЗ правонарушители»

** – различия между группами «Sch правонарушители» и «Sch»

*** – различия между группами «Sch правонарушители» и «Школьники»

Среди клинико-психологических факторов риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних, страдающих расстройствами шизофренического спектра, ведущими являются нарушение мышления (соответствующий параметр методики MAYSI-2). Причинно-следственные связи у таких подростков выстраиваются на основе субъективных критериев. Они неверно оценивают намерения и поведение других людей, поскольку плохо понимают социальный контекст. Все это делает их действия слабо внешнемотивированными и малопредсказуемыми, в сочетании с высокой агрессивностью повышает риск криминальной агрессии. Сравнительный анализ по шкале «Гнев, раздражительность» выявил высокие значения у несовершеннолетних, страдающих расстройствами шизофренического спектра вне зависимости от того, нарушили они закон или нет. Причем у подростков, которые не проявляли криминальной агрессии, показатели оказались даже выше, чем у правонарушителей. По-видимому, агрессивные тенденции у них имеют аутодеструктивную направленность. Для них характерен сниженный фон настроения, тревожность. Аффективные нарушения проявляются в ощущении соматического неблагополучия, с фиксацией на вопросах, касающихся своего здоровья.

Обращает на себя внимание тот факт, что для подростков, страдающих расстройствами шизофренического спектра и не совершавших противоправных деяний, в большей степени характерны суицидальные мысли. Правонарушители, страдающие расстройствами шизофренического спектра, для снятия психического напряжения прибегают к употреблению ПАВ и алкоголя. Это повышает риск криминального агрессивного поведения. Анализ данных КСППЭ подтверждает это. Так, в 54% случаев криминальная агрессия реализовывалась на фоне алкогольного, наркотического или токсического опьянения.

Таблица 2

**Индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних
(по данным методики ИТДО)**

Шкалы методики	Группы				Р (U-критерий Манна-Уитни)
	Sch правонарушители	ПЗ правонарушители	Sch	Школьники	
Экстраверсия	1,11	3,36	2,0	2,93	*0,05 **0,001 ***0,001
Спонтанность	3,79	2,64	2,0	2,80	*0,001 **0,05 ***0,001
Агрессивность	4,63	3,86	2,93	3,93	*0,05 **0,05
Интроверсия	4,89	3,21	2,93	3,60	*0,001 **0,001 ***0,001
Сензитивность	4,32	4,07	4,56	2,60	***0,001
Тревожность	1,63	2,93	3,56	3,73	*0,001 **0,01 ***0,001
Эмотивность (эмоциональная лабильность)	4,32	3,29	2,68	3,60	*0,001 **0,05 ***0,05

*– различия между группами «Sch правонарушители» и «ПЗ правонарушители»

**– различия между группами «Sch правонарушители» и «Sch просоциальные»

***– различия между группами «Sch правонарушители» и «Школьники»

Согласно результатам ИТДО, у испытуемых основной группы имеются серьезные трудности в общении. Так, соответственно наибольшие и наименьшие показатели были получены по шкалам «Интроверсия» и «Экстраверсия», что отличает их от обследуемых всех остальных групп. Интровертивная направленность и низкая коммуникативная компетентность делают затруднительным социальное взаимодействие. Это, в свою очередь, приводит к неверному пониманию поступков других людей, создает проблемы во взаимоотношениях. Выявлено, что для подростков-правонарушителей, страдающих

расстройствами шизофренического спектра, характерна повышенная эмотивность (соответствующая шкала ИТДО). Резкие колебания настроения, сочетающиеся с парадоксальностью эмоционального реагирования и повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, приводят к формированию неустойчивого эмоционального фона. Склонность к продуцированию внешне маломотивированных реакций (шкала «Спонтанность»), делает поведение подростков-правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра, слабопредсказуемым. Особенно стоит отметить, что для несовершеннолетних основной группы характерен высокий уровень агрессивности. В сочетании с неблагоприятным эмоциональным фоном, при слабом понимании социального контекста это существенно повышает риск агрессивного, в том числе криминального, поведения.

Таблица 3

Особенности восприятия ситуации фрустрации у несовершеннолетних (по данным методики С. Розенцвейга)

Шкалы методики	Группы				p (U-критерий Манна-Уитни)
	Sch правонарушители	ПЗ правонарушители	Sch	Школьники	
OD	15,18	16,29	40,88	18,92	**0,001 ***0,05
ED	58,41	50,57	27,50	46,96	**0,001 ***0,05
E	49,86	44,36	26,06	39,54	**0,001 ***0,05
I	15,55	22,50	25,44	26,38	**0,05 ***0,001
M	34,50	33,14	46,44	34,08	**0,05

* – различия между группами «Sch правонарушители» и «ПЗ правонарушители»

** – различия между группами «Sch правонарушители» и «Sch»

*** – различия между группами «Sch правонарушители» и «Школьники»

По результатам теста фрустрационной толерантности С. Розенцвейга выявлены общие тенденции у несовершеннолетних правонарушителей независимо от патопсихологического фактора. И у психически здоровых подростков, и у несовершеннолетних, страдающих расстройствами шизофренического спектра, прослеживается склонность к эго-защитным экстрапунитивным реакциям (показатели E и ED). При возникновении проблемных ситуаций они склонны к отстаиванию своей позиции, обвиняют других людей и внешние обстоятельства. Окружающая действительность воспринимается ими как враждебная и несущая угрозу. Из этого следует, что даже в относительно нейтральных ситуациях подростки-правонарушители склонны к проявлению агрессии. Наряду с этим отмечается явный дефицит интрапунитивных паттернов

реагирования (низкие показатели I), что свидетельствует о сниженной ответственности за последствия собственных действий. Обнаружены достоверные различия ($p < 0,001$) в показателях GCR (коэффициент стандартности реагирования). У несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра он существенно ниже (17%), чем у испытуемых всех остальных групп. Исходя из этого, можно заключить, что внешнеобвиняющие формы реагирования могут реализовываться вне зависимости от контекста ситуации. Специфические нарушения мыслительной деятельности делают агрессивное поведение несовершеннолетних основной группы слабопредсказуемым.

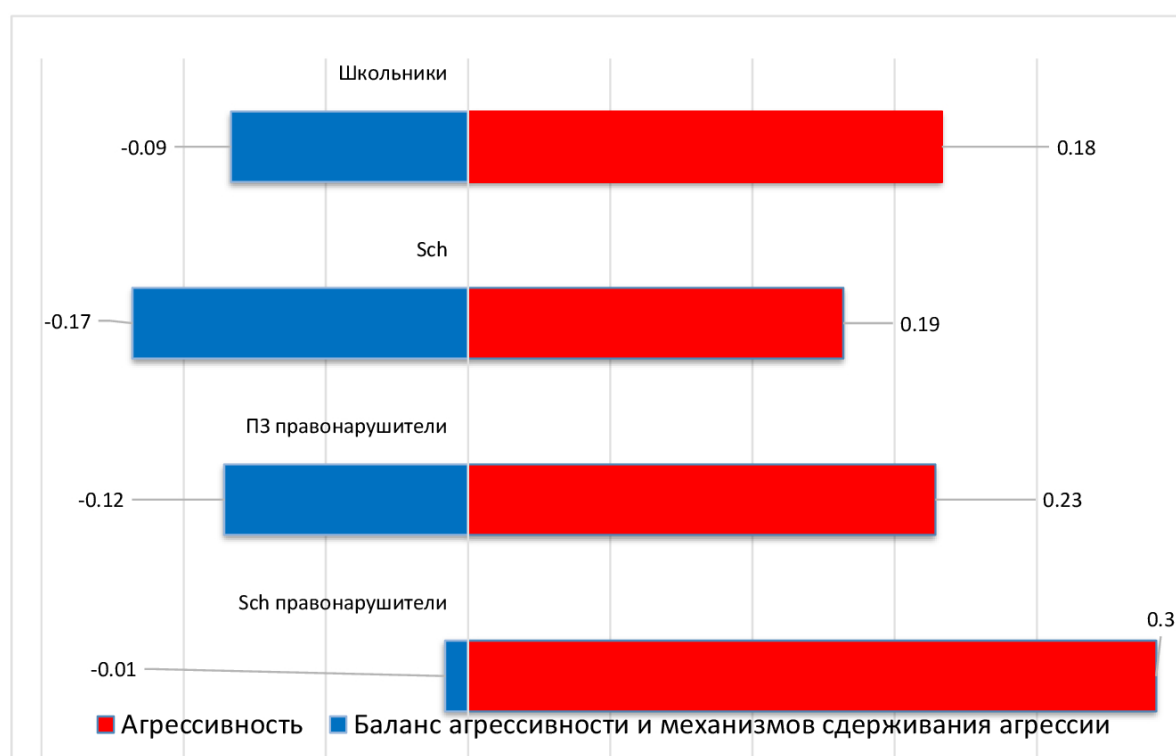

Рис. 1. Агрессивность и механизмы сдерживания агрессивных побуждений у несовершеннолетних по группам сравнения (по данным методики Э. Вагнера)

Результаты, полученные по тесту «Руки» Э. Вагнера свидетельствуют о том, что у несовершеннолетних, обвиняемых в агрессивных деликтах и страдающих расстройствами шизофренического спектра, отмечается достоверно ($p < 0,05$) более высокий уровень проактивной и реактивной агрессивности. Эта тенденция прослеживается при сравнении их результатов с данными других групп. Кроме того, у испытуемых основной группы механизмы сдерживания агрессивных побуждений функционируют хуже. Это отличает их не только от психически здоровых подростков (школьников и правонарушителей), но и от несовершеннолетних, страдающих расстройствами шизофренического спектра и не нарушивших закон.

Заключение

Обобщенный анализ результатов показывает, что для несовершеннолетних, страдающих расстройствами шизофренического спектра, характерны специфические

факторы риска, которые увеличивают риск проявления агрессии, в том числе ее криминальных форм. У них отмечается более высокий уровень проактивной и реактивной агрессивности не только по сравнению с просоциальными школьниками, но и с психически здоровыми агрессивными правонарушителями. Механизмы сдерживания непосредственных агрессивных побуждений у них функционируют хуже. Это существенно повышает риск агрессивного, в том числе криминального, поведения.

Среди клинико-психологических факторов риска наиболее значимыми являются нарушения мыслительной деятельности, которые приводят к неправильной интерпретации социального контекста. Наличие агрессивно окрашенных оценок существенно повышает риск открытого агрессивного поведения. У просоциальных подростков, страдающих расстройствами шизофренического спектра, агрессивные тенденции направляются на себя самих. При наличии суицидальных мыслей и намерений это повышает риск аутоагрессивного поведения. Наиболее значимым индивидуальным фактором риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних, страдающих расстройствами шизофренического спектра, является неустойчивость эмоций, сочетающаяся с их парадоксальностью. Это приводит к совершению внешне маломотивированных действий. При повышенном уровне агрессивности, характерном для таких подростков, подобная тенденция может рассматриваться в качестве фактора риска агрессивного, в том числе криминального, поведения.

У подростков, обвиняемых в агрессивных деликтах и страдающих расстройствами шизофренического спектра, отмечается склонность к эго-защитным внешнеобвиняющим реакциям. Им свойственна индивидуальная уязвимость в виде сензитивности, чувствительности к внешним воздействиям при слабом понимании социального контекста, такое сочетание также может выступать в качестве фактора риска агрессивного поведения.

С целью проведения стандартизированной оценки факторов риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних правонарушителей, страдающих расстройствами шизофренического спектра, целесообразно применять комплекс психодиагностических методик с параллельным использованием скринингового инструмента для выявления у несовершеннолетних серьезных нарушений психического здоровья.

Литература

1. *Гладких В.И.* Криминология: курс лекций / В.И. Гладких, П.В. Федотов, Р.Н. Шумов. М.: Эксмо, 2010. 256 с. (Учебный курс: кратко и доступно).
2. *Дозорцева Е.Г.* Проблемы психического здоровья у подростков-правонарушителей: возможности скрининга [Электронный ресурс] // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». URL: <http://psyjournals.ru/kochteniya1/issue/55255.shtml> (дата обращения: 07.06.2017).
3. *Зверева Н.В.* Клиническая психология детей и подростков: учебник для студ. учреждений высшего проф. образования / Н.В. Зверева, Т.Г. Горячева. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 271 с.
4. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / Под ред. проф. В.А. Гурьевой. М.: Генезис, 2001. 480 с.

5. *Мохонько А.Р., Макушкин Е.В., Муганцева Л.А.* Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2015 году: аналитический обзор. Вып. 24 / Под ред. Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. 212 с.
6. *Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г.* Перспективы использования структурированных методов оценки риска повторных деликтов при психологическом сопровождении несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами / *Психическое здоровье*. 2014. №. 7 (98). С. 3–11.
7. *Ошевский Д.С.* Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // *Юридическая психология*. 2012. № 3. С. 30–34.
8. *Ошевский Д.С.* Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (психологический аспект). М., 2006. 167 с.
9. *Ратинова Н.А.* Тест Руки Вагнера: практикум по психодиагностике. М.: Издательство Московского университета, 1989. С. 83–90.
10. *Собчик Л.Н.* Психодиагностика в медицине: практическое руководство. СПб: Боргес, 2007. 416 с.
11. *Яньшин П.В.* Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. СПб: Питер, 2004. С. 86–125.
12. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказания. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Hар-ка%20v%20VK/> (дата обращения: 03.07.2017).
13. *Grisso, T.* Double jeopardy: Adolescent offenders with mental disorders. Chicago, 2004. 200 p.
14. *Grisso, T.* Massachusetts youth screening instrument, Version 2: MAYSI-2: user's manual and technical report / Thomas Grisso and Richard Barnum. Rev.ed. Sarasota, Florida, 2006. 42 p.

Risk factors for aggressive behavior in juvenile offenders suffering from schizophrenic spectrum disorders

Oshevsky D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (oshevsky@serbsky.ru)

Afonina Y.S., bachelor of Department of psychology and law, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education, laboratory researcher, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (yulya.afonina.94@mail.ru)

The article presents the results of an empirical study aimed at identifying the risk factors for aggressive behavior in juvenile offenders suffering from schizophrenic spectrum disorders. A total of 72 male juveniles aged 15 to 17 years were examined. A set of methods for studying individual psychological characteristics was used, as well as a screening tool for assessing possible mental distress (MAYSI-2). Based on the findings, it is concluded that adolescents who have committed socially dangerous acts and suffer from disorders of the schizophrenic spectrum have a high level of proactive and reactive aggressiveness. Due to specific violations in the communicative sphere, mechanisms for containing aggressive motives are formed worse. Among the clinico-psychological risk factors of aggressive criminal behavior for them, the most significant is a violation of thinking, which leads to a misinterpretation of the social context.

Key words: clinical and psychological risk factors, aggressive criminal behavior, screening tools, juvenile delinquents.

References

1. Gladkikh V.I. Kriminologiya. Kurs lektsiy [Criminology. Course of lectures]. In Gladkikh V.I., Fedotov P.V., Shumov R.N. (ed.) (Uchebnyy kurs : kratko i dostupno) [Training course: brief and accessible]. Moscow: Publ. Eksmo, 2010. 256 p.
2. Dozortseva Ye.G. Problemy psikhicheskogo zdorov'ya u podrostkov-pravonarushiteley: vozmozhnosti skringa. [Mental health problems in adolescent offenders: screening opportunities]. [Electronic resource] // Kochenovskiy chteniye «Psikhologiya i pravo v sovremennoy Rossii» [Kochenovsky readings «Psychology and law in modern Russia»] // URL: <http://psyjournals.ru/kochteniya1/issue/55255.shtml> [Accessed 07.06.2017].
3. Zvereva N.V. Klinicheskaya psikhologiya detey i podrostkov: uchebnik dlya studentov uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya [Clinical psychology of children and adolescents: a textbook for students of institutions of higher professional education]

- In Zvereva N.V., Goryacheva T.G. (ed.). Moscow: Publishing Center «Academy», 2013. 271 p.
4. Klinicheskaya i sudebnaya podrostkovaya psixiatriya [Clinical and judicial teenage psychiatry]. In Gur'yeva V.A. (ed.). M.: Publ. Genesis, 2001. 480 pp.
 5. Mokhon'ko A.R., Makushkin Ye.V., Mugantseva L.A. Osnovnyye pokazateli deyatelnosti sudebno-psixiatricheskoy ekspertnoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii v 2015 godu: Analiticheskiy obzor [The main indicators of the forensic psychiatric expert service of the Russian Federation in 2015: Analytical review]. In Makushkin Ye.V. (ed.). Moscow: Publ. FGBU «FMITSPN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2016. Issue. 24. 212 p.
 6. Oshevskiy D.S., Dozortseva Ye.G. Perspektivy ispol'zovaniya strukturirovannykh metodov otsenki riska povtornykh deliktov pri psikhologicheskom soprovozhdenii nesovershennoletnikh pravonarushiteley s psikhicheskimi rasstroystvami [Prospects for using structured methods for assessing the risk of repeated delinquencies in the psychological accompaniment of juvenile offenders with mental disorders] // *Psikhicheskoye zdorov'ye [Mental Health]*. 2014. no. 7 (98). pp. 3-11.
 7. Oshevskiy D.S. Negativnye sotsial'nye ustanovki i smyslovye konstrukty u podrostkov, sovershivshikh agressivnye protivopravnye deyanija na natsional'noi pochve [Negative social attitudes and semantic constructs in adolescents who have committed violent criminal acts on national ground] // *Yuridicheskaya psikhologiya [Juridical psychology]*, 2012. no. 3, pp. 30–34.
 8. Oshevskiy D.S. Psikhicheskoye razvitiye u podrostkov s psikhicheskimi rasstroystvami, sovershivshikh agressivno-nasil'stvennyye pravonarusheniya [Mental development in adolescents with mental disorders who committed violent-violent offenses] (psikhologicheskiy aspekt) [psychological aspect]. Moscow, 2006. 167 p.
 9. Ratinova N.A. Test Ruki Vagnera [Test of Wagner's Hand] // *Praktikum po psikhodiagnostike [Practical work on psychodiagnostics]*. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1989. pp. 83-90.
 10. Sobchik L.N. Psikhodiagnostika v meditsine [Psychodiagnostics in medicine]. *Prakticheskoye rukovodstvo [Practical guidance]*. Borges, 2007. 416 pp.
 11. Yan'shin P.V. Praktikum po klinicheskoy psikhologii [Workshop on clinical psychology]. *Metody issledovaniya lichnosti [Methods of personality research]*. St. Petersburg: Publ. Peter, 2004. pp. 86-125.
 12. Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh [Characteristics of persons held in educational colony for minors] // [Electronic resource] // Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazaniya [Service for Execution of Punishment]. URL: <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20VK/> (Accessed: 03.07.2017).
 13. Grisso T. Double jeopardy: Adolescent offenders with mental disorders. Chicago, 2004. 200 p.
 14. Grisso T. Massachusetts youth screening instrument, Version 2: MAYSI-2: user's manual and technical report / Thomas Grisso and Richard Barnum. Rev.ed. Sarasota, Florida, 2006. 42 p.

Факторы, способствующие стигматизации лиц, пострадавших в чрезвычайных ситуациях

Гурин И. В., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (igr.gurin@rambler.ru)

Захарова Н.М., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (natali_oslo@mail.ru)

Методика изучения процессов стигматизации пострадавших в ЧС в настоящее время недостаточно разработана и основывается на результатах практических наблюдений отдельных специалистов и методических адаптациях. Рассматривая особенности внутренней и внешней стигматизации, которая травматична для пострадавших и приводит к утяжелению переживаний, негативному развитию когнитивной схемы «Я-в-событии», ее динамики, авторы определяют их как неблагоприятные прогностические моменты в психотерапии исследуемой категории лиц. В статье предпринята попытка обзорной систематизации ряда социально-демографических и средовых факторов, которые должны быть известны специалисту, работающему с пострадавшим в ЧС, чтобы своевременно и точно диагностировать характер последствий психологической травмы, прогнозировать течение постстрессовых расстройств и планировать психокоррекционное воздействие. Выделены характеристики пострадавших в ЧС (инвалидизация и травматизация, возрастной, гендерный факторы, уровень образования), оказывающие существенное влияние на развитие стигматизации. Проанализированы ряд проблем, возникающих в ходе психотерапии стигматизированных пациентов, определены факторы, повышающие вероятность задержки с обращением за специализированной помощью или отказа от терапии.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, внешняя и внутренняя стигматизация пострадавших, факторы развития постстрессовых расстройств, реабилитация пострадавших в ЧС.

Для цитаты:

Гурин И.В., Захарова Н.М. Факторы, способствующие стигматизации лиц, пострадавших в чрезвычайных ситуациях. [Электронный ресурс] // Психология и

право. 2017(7). № 3. С. 56-70.
doi: 10.17759/psylaw.207070305

For citation:

Gurin I.V., Zakharova N.M. Factors that contribute to the stigmatization of victims in emergency situations. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp.56-70.
doi: 10.17759/psylaw.2017070305

Термин «чрезвычайная ситуация» (ЧС) прочно вошел в жизнь и сознание современного человека. Различного рода бедствия - природные, экологические, эпидемиологические, социальные и техногенные катастрофы, несущие непосредственную угрозу жизни и благополучию населения, стали отличительной особенностью нашего времени. Их частота растет, а масштаб приобретает все более значительный характер.

В последние десятилетия в мире установилась устойчивая тенденция роста ущерба от различных ЧС, как материального (на 10,4% в год), так и числа погибших и пострадавших (на 8,6%). По данным статистики на территории нашей страны ежегодно в крупных ЧС страдает более 10 тысяч человек, а в мире – более 3 миллионов [22]. Это люди, официально признанные потерпевшими. Однако, благодаря широкому освещению ЧС в средствах массовой информации, негативные психосоциальные последствия охватывают значительно большее число людей, что актуализирует растущий в науке интерес к многочисленным аспектам и вопросам психологии и психиатрии кризисных и экстремальных ситуаций.

Независимо от глубины и типа воздействия, негативные последствия ЧС могут варьировать от кратковременных реакций до тяжелых психических расстройств, развиваться непосредственно во время или сразу после психотравмы, а также в отдаленном периоде. Даже неспецифические пограничные психические нарушения, такие как повышенная тревожность, страхи, эмоциональная и вегето-сосудистая неустойчивость, трудности концентрации, расстройства сна и поведения, легкая депрессия и т.п., с течением времени могут приводить к снижению качества жизни, социальной дезадаптации, формированию патологических черт личности, возникновению коморбидных психических и соматических заболеваний. При этом, как показывает практика, в нашем обществе до сего времени, широко распространено мнение, что с психическими проблемами, связанными с пережитым стрессом, можно справиться самостоятельно, усилием воли, «народными» средствами и т. п. Обращение за помощью к психиатру нередко считается постыдным, вызывает страх постановки на учет, последующей дискриминации. В результате, пострадавшие, нуждающиеся в помощи, либо вообще не обращаются к специалистам, либо обращаются уже имея выраженные, длительно существующие психические расстройства.

Проводимая на протяжении многих лет работа по изучению психических и психологических последствий, развивающихся у пострадавших при различных чрезвычайных ситуациях, показала, что одним из факторов, негативно влияющих на развитие и утяжеление постстрессовых расстройств, является стигматизация [6,13,14,19,21].

В настоящее время под термином «стигматизация» принято понимать выделение индивида (или социальной группы) по факту какого-либо качества (тяжелые заболевания, убеждения, религия, национальность, сексуальная ориентация, социальные обстоятельства

и т.п.), что влечет негативные последствия в виде изоляции и дискриминации [5,8,12,15]. Особое место занимает стигматизация психически больных [7,9,20], причиной которой являются исторически сложившиеся в различных обществах предрассудки и настороженность в отношении людей с психическими расстройствами [10,16,23,26,28]. Причем предубеждение в отношении носителя психиатрического диагноза, зачастую не зависит от степени выраженности расстройств и страдания от стигматизации бывают более выраженными, чем от проявлений болезни [18].

Исследователи стигматизации в большинстве случаев разделяют стигму на внешнюю и внутреннюю, указывая на тесную связь этих явлений [5,32]. Под внешней стигмой подразумевается несправедливое отношение социума к индивиду. Под внутренней – чувство стыда и ожидание осуждения со стороны окружающего большинства, нередко приводящие к тому, что стигматизированный человек добровольно ограничивает свой жизненный опыт и возможности получения специализированной помощи [24,31].

Многолетний опыт работы с пострадавшими в результате всевозможных ЧС показал, что и эта категория лиц подвержена стигматизации, причем как внешней, со стороны окружающих, так и внутренней [14,21]. При этом внешняя стигматизация неизбежно активизирует самостигматизацию, способствуя извращенному восприятию своего состояния или поведения в условиях ЧС, как недостойного, постыдного, трусливого, или заставляет считать пережитую ситуацию заслуженной, например, как «наказание за грехи». Стигматизация безусловно травматична для пострадавшего и приводит к утяжелению переживаний, негативному развитию когнитивной схемы «Я-в-событии» и ее динамики, что можно рассматривать как неблагоприятные прогностические моменты в жизнедеятельности субъекта и его психотерапии [30]. В результате, последствием стигмы становится либо продолжение существования проблемы, либо даже ее утяжеление, что вызывает дополнительные сложности для адаптации пострадавшего к окружающей его среде в условиях изменившихся обстоятельств и, пережитого им, негативного опыта и его последствий.

Следует отметить, что методика изучения процессов стигматизации пострадавших в ЧС в настоящее время недостаточно разработана и основывается на результатах практических наблюдений отдельных специалистов, авторских разработках и методических адаптациях. При этом сопоставление данных, полученных при психолого-психиатрическом обследовании пострадавших, исследовании качества их жизни, с результатами изучения стигматизирующих тенденций в обществе и внутреннего восприятия данным контингентом происходящего, позволяет объективизировать оценку состояния пострадавшего и выявить дополнительные факторы, влияющие на выраженность психических расстройств.

Внутренняя и внешняя стигматизация переживших ЧС, как свидетельствуют наши наблюдения [11] и исследования других специалистов [13,21,27,34], опосредована рядом социально-средовых и демографических факторов.

В нашей статье предпринята попытка обзорной систематизации ряда социально-демографических факторов, которые должны быть известны специалисту, работающему с пострадавшим в ЧС, чтобы своевременно и точно диагностировать характер последствий психологической травмы, прогнозировать течение постстрессовых расстройств и с учетом этого планировать психокоррекционное воздействие и реабилитацию.

Пострадавшие в чрезвычайных ситуациях неминуемо сталкиваются с изменениями в окружающей их социальной и коммуникативной сфере. Прежде всего, это изменение отношений с прежними друзьями, знакомыми, коллегами по работе, учебе и т.д., которые испытывают к пострадавшему смешанные чувства. Это и жалость, сочувствие, в сочетании с неумением взаимодействовать с травмированным человеком, дискомфорт при общении с тем, кто находился в экстремальной ситуации, испытывал мучения, угрозу жизни, возможно чуть не погиб. И дистанцирование в связи с распространенным мнением о том, что вина за произошедшее лежит на самом пострадавшем (восприятие ЧС как заслуженной кары за образ жизни или поступки и т.д.), раздражение тревожащим событием и стремление избежать даже малейшего упоминания о нем, а также неосознаваемый страх, ощущение незащищенности от возможной катастрофы, беспомощности, нежелание осознать и принять тот факт, что жертвой такой ситуации может стать каждый [11,19,21,36]. В то же время негативное отношение может вызывать непонимание изменений в поведении пострадавшего, обида на его нежелание общаться также часто, как прежде, рассказывать о своих «приключениях», удовлетворять любопытство окружающих (в особенности часто это проявляется в отношении лиц мужского пола и подростков). Может появиться и зависть, например, связанная с меньшими требованиями к пострадавшему, получением им льгот, со сдвигами отношением к нему взрослых (если речь идет о ребенке) или других людей в целом, раздражение к возможным проявлениям у него постравматического стресса, необычному поведению. Окружающие могут относиться с завистью, неодобрением к получению пострадавшим, семьями пострадавших материальной, социальной помощи, льгот от государства («подумаешь, три дня потерпел...») – в особенности если льготы носят пожизненный характер или характер крупного материального вознаграждения, либо манипулировать произошедшим, вызывая у пострадавших постоянно переживаемую травму на протяжении многих лет (как, например, пожелания «Лучше бы ты тогда утонул!» и др. формы угроз) [34,36]. Окружающие часто не понимают, что как излишнее сочувствие, так и нетактичность могут глубоко ранить перенесших психотравму, спровоцировав развитие новых и утяжеление уже имеющихся психических расстройств.

Практика свидетельствует, что, в связи с пережитыми психотравмирующими событиями, пострадавшие в ЧС хуже оценивают ряд важнейших сфер своего функционирования (физическая сфера, уровень независимости, уровень защищенности – как психологической, так и социальной, материальной). Для них также характерен высокий уровень социальной фрустрированности, приводящий к снижению качества жизни. Нередко наблюдается и корреляция этих факторов: чем больше неудовлетворенность отношениями с родными и социальным окружением, их реакцией на произошедшие травматические события и их последствия, своим социальным положением и здоровьем, реакцией государства и его органов на произошедшие события и их компенсацию пострадавшему, тем негативнее они оценивают свое физическое, психологическое и социальное функционирование, уровень независимости и качество окружающей их среды [13,14,21]. Важно подчеркнуть тот факт, что на жизненное функционирование пострадавших в ЧС и их удовлетворенность его качеством значительное влияние оказывают их индивидуально-личностные характеристики, а также наличие имевшихся ранее и/или приобретенных после пережитой ЧС психических расстройств. Субъекты с выраженным уровнем депрессии и тревоги в результате пережитых событий, как правило, ниже оценивают качество своей жизни практически во всех сферах, склонны к драматизации будущего и самостигматизации [14,16]. Лица, склонные к депрессии, недооценивают контролируемость и преобразуемость стрессоров, не способны на них активно влиять, а потому более пассивны в совладающем поведении [2].

Существенное влияние на стигматизацию (как внутреннего, так и внешнего характера) оказывает фактор инвалидизации пострадавших [3,6]. Субъекты, получившие инвалидность в результате ЧС крайне часто демонстрируют высокую степень стигматизированности. Потеря работы, ограничения в трудоустройстве, проблемы в создании семьи или поддержании ее существования приводят к развитию выраженного стойкого чувства вины перед родными и окружающими. Они более низко оценивают качество своей жизни в социальной и материальной сфере и дают пессимистический прогноз своего дальнейшего существования, его влияния на жизнь близких (особенно детей). Глубина инвалидизации и негативная динамика течения заболеваний, полученных в результате травмы, способствуют углублению самостигматизации данных субъектов. Пострадавшие - инвалиды часто менее комплаентны, стремятся избежать социальных контактов, ограничивают свою коммуникацию определенным кругом лиц, испытывают трудности в общении с органами власти или избегают его (несмотря на предлагаемую им психологическую, медицинскую и социальную помощь), боятся вступать в брак и заводить детей, продолжать семейные отношения из страха быть обузой. В результате, лишая себя поддержки окружающих, они чаще страдают ПТСР, депрессивными расстройствами, а сознательный отказ от лечения со временем приводит к патохарактерологическим изменениям личности с эмоционально-волевыми и поведенческими нарушениями, что в свою очередь усиливает их изоляцию.

Как свидетельствуют наблюдения, уровень образования также коррелирует с выраженностью внутренней и внешней стигматизации [11,16]. Субъекты, имеющие высшее образование, часто стремятся скрывать от окружающих свой диагноз и пережитую ими травму, более часто и глубоко испытывают чувство неполноценности, дают более пессимистический прогноз развития своих заболеваний в случае инвалидности или своего социального положения, они также менее комплаентны. Пациенты, имеющие среднее профессиональное образование чаще всего испытывают самостигматизацию ввиду возникших у них ограничений в сфере профессиональной деятельности, материальной сфере, в то же время демонстрируя большую открытость социальным контактам. Субъекты со средним образованием достаточно часто демонстрируют пессимистический прогноз на возможности и перспективы своей социальной жизни, лечения (как в случае физических, так и психологических травм), чаще отмечают негативное отношение к ним социума, государства, считая, что степень поддержки пострадавших в ЧС должна быть более явной и значимой во всех сферах жизнедеятельности и продолжаться пожизненно. Нередко наблюдаются реакции, исходящие из устоявшейся убежденности пострадавших в равнодушном или враждебном отношении к ним общества и ближайшего окружения, «неоплатного долга» перед ними государства или других лиц, в той или иной степени ответственных за произошедшее, развития и усугубления у них комплекса «жертвы» под влиянием травмирующих событий и их последствий [14,19].

Нельзя не отметить и влияние возрастного фактора на динамику процессов стигматизации. Практика свидетельствует, что пострадавшие пожилого и старческого возраста, с устоявшимися взглядами на жизнь и ригидной психикой, более стигматизированы обществом и испытывают большее негативное влияние внутренней стигматизации. Они чаще теряют работу в результате инвалидности или психологической невозможности справиться с пережитыми впечатлениями даже в отсутствие физических повреждений, испытывают ограничения в трудоустройстве, социальной вовлеченности. Ввиду этого данная категория пострадавших низко оценивает свое социальное и материальное положение, пессимистично настроена в отношении перспектив, не верит в

действенность медицинской помощи и стремится ограничить себя в социальных контактах [1,16].

Гендерная принадлежность также оказывает ощутимое влияние на процесс внешней и внутренней стигматизации [14,16]. Наблюдения свидетельствуют, что женщины и дети, пострадавшие в ЧС, достаточно часто менее стигматизированы. Мужчины же более подвержены как внутренней, так и внешней стигматизации. Им трудно выразить собственные эмоции и получить ответную поддержку, они в меньшей степени психологически поддерживаются друзьями, чему способствует сформированное в обществе понятие о мужской силе и стойкости. Отсутствие эмоциональной поддержки или, более того, игнорирование пережитого события и его последствий со стороны близких, семьи становится дополнительным психотравмирующим фактором для пострадавшего в ЧС. Из-за общественных устоев мужчины стремятся скрывать свои переживания, реже обращаются за медицинской, социальной, тем более психологической, психиатрической помощью (что затрудняет возможность диагностики у них психиатрических отклонений, а зачастую и физических повреждений на начальных этапах). Даже в случае установления инвалидности лица мужского пола стараются ее скрывать, отказываясь воспринимать возникшие ограничения в своей жизнедеятельности. В связи с этим, как отмечают специалисты, очень многие жертвы ЧС, в особенности, мужского пола, эмигрируют (инициируют переезд), чтобы не слышать оскорблений, не чувствовать ответственность перед родственниками погибших, не испытывать «вину оставшегося в живых», считая себя недостойным помощи или «получившим по заслугам» за свои недостатки.

У пострадавших мужского пола фиксируется более патогенная когнитивная схема происходящего (несоответствие когнитивной схемы «Я-в-событии» образу «настоящего мужчины», культивируемому в семье и обществе, высокие требования социума к их фрустрационной толерантности, отсутствие формирования схемы «Я – после события»), что влияет на большую интенсивность травматической реакции и негативность ее протекания. Очень часто это происходит даже при низкой внешней стигматизации субъекта, в силу особенностей его внутреннего мировосприятия. В результате как сам пострадавший, так и близкие ему люди, такие как члены семьи, значимые другие, друзья и коллеги, могут проглядеть или намеренно не заметить предупреждающие сигналы о психическом неблагополучии близкого человека, что приводит к отсутствию своевременной терапии и, как следствие, усилению травматических переживаний, углублению психических расстройств, развитию суицидальных тенденций. [4,17]

В тех случаях, когда члены семьи все-таки распознают признаки психического неблагополучия пострадавшего, глубину влияния на него пережитой травмы, серьезность проблемы может недооцениваться и из-за так называемой «стигматизации внешней помощи», в особенности если пострадавший – лицо мужского пола. Вместо обращения к специалисту близкие стараются помочь пострадавшему своими силами, уговаривают его «успокоиться и идти дальше», «смириться и забыть», сходить в церковь и «исповедаться, покаяться», «быть мужчиной и собраться», прибегнуть к альтернативной медицине. В каких-то случаях это может сработать, но чаще жертва продолжает страдать, травма остается «непроработанной». Психическое и физическое состояние ухудшается, соответственно снижается качество жизни. Таким образом, оказание психологической и эмоциональной, социальной поддержки со стороны близких, друзей и коллег, окружающего общества не должно препятствовать оказанию специализированной помощи пострадавшему в ЧС.

Когда пострадавшие и их родственники все же обращаются за профессиональной помощью, может возникнуть другая проблема. Как показывают наблюдения, консультирующие специалисты нередко концентрируются на лечении исключительно физических и психических последствий пережитой ЧС, не уделяя должного внимания адаптации больного в обществе. Сам пациент может затрудняться озвучить проблему стигматизации, в особенности внешнего характера, либо его жалобы воспринимаются как признак психического расстройства, «патологизируются» [7]. Подобный подход может запутать пострадавшего, снизить уверенность в своих силах и, в качестве альтернативного варианта, вызвать недовольство действиями врачей и психологов, пытающихся оказать помощь, спровоцировать попытку полностью замкнуться в себе и своей проблеме, вызывая многократное переживание травматической ситуации. В результате проблема остается фактически нерешенной. Несмотря на проведенную терапию признаки психического расстройства, травматизации, прогрессируют под влиянием стигматизации, нарастает кумулятивный стресс, и, после временного улучшения, состояние пострадавшего может даже ухудшиться.

Следует отметить, что высокая степень стигматизации в отношении различных психических расстройств, их лечения и психиатрии в целом, свойственна обществам во всех странах мира. Анализ данных 144 исследований, проводившихся в разных странах, показал, что в глобальном масштабе более 75% людей, страдающих психическими расстройствами, не получают никакого лечения. Наиболее значимыми факторами, повышающими вероятность задержки с обращением за специализированной помощью или полного отказа от терапии, являются:

1. недостаток знаний для выявления признаков психических заболеваний;
2. незнание, как получить доступ к лечению;
3. предубеждение против людей, страдающих психическими заболеваниями;
4. ожидание дискриминации в отношении людей с диагнозом психического заболевания [29].

Исследования показали, что социальная стигма в отношении лечения психических расстройств, наиболее выражена среди молодежи, мужчин, представителей этнических меньшинств и людей, работающих в военном и медицинском секторах. Основными барьерами, препятствующими обращению к психиатрам и психотерапевтам, назывались чувство личного стыда, страх публичного раскрытия, а также боязнь «сойти с ума». Глубокое желание не считаться психически больным заставляет людей откладывать посещение врача на месяцы и годы, что приводит к прогрессированию заболевания. [25,33,35].

Подводя итог, отметим, что в области высокого риска стигматизации среди пострадавших в ЧС находятся мужчины, молодежь и пожилые люди, лица с низким социально-экономическим и образовательным уровнем, безработные, живущие на пособия, получающие социальные выплаты, а также имеющие физические травмы, соматические заболевания и психические нарушения.

Внешняя стигматизация и самостигматизация, на развитие которых влияет совокупность взаимодействующих друг с другом клинических, социально-средовых и

демографических факторов, являются взаимосвязанными показателями, тесно коррелирующими с негативным влиянием на качество жизни пострадавших в ЧС и препятствующими их своевременному и полноценному лечению. В связи с этим, одной из важнейших задач терапии и реабилитации пострадавших в ЧС в современных условиях выступает профилактика и преодоление стигматизации как у самих объектов, подвергшихся травматизации, так и их семей, ближайшего окружения и общества в целом.

Литература

1. Асанбаева Э. М. Когнитивные признаки феномена стигматизации в психиатрии у представителей различных популяционных групп Кыргызской республики: дис. ... канд. мед. наук. Бишкек, 2009. 161 с.
2. Абабков В.А., Перре М., Планшерел Б. Систематическое исследование семейного стресса и копинга // Обзорение психиатрии и мед. психологии им. Бехтерева. 1998, № 2. С. 4-8.
3. Бразевич С.С., Сидорова А.Ю. Инвалидность: проблемы преодоления стигматизации и становления толерантного сознания // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8192>
4. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю., Новожилова М.Ю., Вукс А.Я. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессом и проблемными для личности ситуациями / Пособие для врачей и медицинских психологов. СПб: НИПНИ им. В.М. Бехтерева. 2009. 40 с.
5. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6). Перевод М.С. Добряковой. 1963.
6. Гурин И. В. Клиническая динамика и терапия посттравматических стрессовых расстройств у пострадавших с ожогами: Автореф. дисс.... кан. мед. наук. Москва, 1996, 13с.
7. Гурович И.Я. Взаимодействие общемедицинской и психиатрической помощи и стигма психиатрических расстройств // РМЖ. 2001. №25. С. 1202.
8. Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Культуральные и этнические проблемы психического здоровья. М. 1996. 198 с.
9. Дмитриева Т. Б. Альянс права и милосердия. О проблеме прав человека в психиатрии. М. : Наука, 2001. 156 с.
10. Ениколопов С.Н. Стигматизация и проблема психического здоровья // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (К 85-летию Юрия Федоровича Полякова). М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2013. С. 109-121.
11. Захарова Н.М., Баева А.С., Гурин И.В., Шкурко В.В. Формирование феномена стигматизации в отношении лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях у представителей различных социальных групп. // «Психология и право». 2017, Том7. No 1. С. 193-205. doi: 10.17759/psylaw.2017070116, ISSN-online: 2222-5196 ISSN12.

12. Кабанов М.М., Бурковский Г.В. Редукция стигматизации и дискриминации психически больных /Обозрение психиатрии и медицинской психологии им.В.М.Бехтерева. 2000. №1. С.3-9.
13. Кекелидзе З.И., Бедина И.А., Тюменкова Г.В. Реинтеграция в социум лиц, пострадавших в чрезвычайных ситуациях. Психиатрия чрезвычайных ситуаций. Руководство: в 2 т. под ред. проф. З.И. Кекелидзе. М. 2011. Т. 2. С.311-321.
14. Кекелидзе З.И., Бедина И.А., Шпорт С.В., Баева А.С., Алкеева-Костычева Е.А, Сидоров-Моисеев И.И., Цекин В.П. Клинико-социальные факторы стигматизации лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях. Методические рекомендации. М.: ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России. 2015. 20 с.
15. Михайлова И.И., Судаков С.А., Ениколопов С.Н., Мясоедов С.Н. Применение кластерного анализа для описания феномена самостигматизации психически больных. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2004; Т. 7(104). С. 61-65.
16. Михайлова И.И., Ястребов В.С., Ениколопов С.Н. Клинико-психологические и социальные факторы, влияющие на стигматизацию психически больных разных нозологических групп.// Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2002. Т.7, № 102. С. 58-65.
17. Онищенко Н.В. Особенности психоэмоционального состояния пострадавших, переживших потерю ребенка вследствие чрезвычайной ситуации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 64-70.
18. Подкорытов В.С., Кузьминов В.Н., Шепель А.Г. Больные с непсихотическими психическими расстройствами в современном обществе (данные социологического анкетирования) // Медицинские исследования. 2001. В. 1. С. 31.
19. Портнова А. А. Индигенный конфликт: неблагоприятный тип отсроченного массового реагирования на тяжелый эмоциональный стресс. Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2006. 106(2). С. 13-16.
20. Серебрянская Л. Я. Факторы стигматизации психически больных: Автореф. дис ... канд. психол. наук. М. 2005. 21 с.
21. Тюменкова Г.В., Бедина И.А. Проблемы стигматизации лиц, перенесших чрезвычайную ситуацию. Материалы международной конференции «Психиатрия чрезвычайных ситуаций». М. 2006. С.74-75.
22. Чрезвычайные ситуации, характерные для региона (муниципального образования), присущие им опасности для населения и возможные способы защиты от них работников организации: Методические материалы. Иркутск: ИГУПС, 2016, 26 с.
23. Allison-Bolger V.Y. The original sin of madness – or how psychiatrists can stigmatize their patients. International Journal of Clinical Practice. 1999; 53(8): 627-630.
24. Byrne P. Psychiatric stigma: past, passing and to come. J. R. Soc. Med. 1997; 90(11): 618-621.
25. Barney L.J., Griffiths K.M., Jorm A.F., Christensen H. Stigma about depression and its

- impact on help-seeking intentions. *Aust N Z J Psychiatry*. 2006; 40(1): 51–54
26. *Dain N.* Reflections on antipsychiatry and stigma in the history of American psychiatry. *Hosp. Community Psychiatry*. 1994; 45(10): 1010-1014
 27. *Freddy J.R., Donkervoet J.C.* Traumatic stress: An overview 17 of the field. In *Freddy J.R. & Hobfoll S.E. (Eds.), Traumatic stress. From theory to practice*. New York: Plenum, 1995: 3-28
 28. *Gilbert P.* Stigmatisation as a survival strategy: shame, stigma and the family: «skeletons in the cupboard and the role of shame». *Every Family in the Land: Understanding Prejudice and Discrimination against People with Mental Illness* ed by A. Crisp. Royal Society of Medicine; Rev. ed. London, 2003: 123-143.
 29. *Henderson C., Evans-Lacko S., Thornicroft G.* Mental Illness Stigma. Help Seeking, and Public Health Programs. *Am J Public Health*. 2013 May; 103(5): 777–780. doi: 10.2105/AJPH.2012.301056
 30. *Kessler R.C.* Posttraumatic stress disorder the burden to the individual and to society. *J. Clin. Psychiatry*. 2000; 61: 4-12
 31. *Link B.G.* Stigma: many mechanisms require multifaceted responses. *Epidemiol. Psychiatr. Soc.* 2001; 10 (1): 8-11
 32. *Sartorius N.* Fighting stigma: theory and practice. *The Image of Madness*; ed. by Guimon J., Fisher W., Sartorius N. Basle: AC press, 1999: 96-105.
 33. *Sirey J.A., Bruce M.L., Alexopoulos G.S. et al.* Perceived stigma as a predictor of treatment discontinuation in young and older outpatients with depression. *Am J Psychiatry*. 2001; 158(3): 479–481
 34. *Taylor S.E.* Adjustment of threatening events: A theory of cognitive adaptation. *American Psychologist*. 1983: 1161-1173
 35. *Thornicroft G.* Stigma and discrimination limit access to mental health care. *Epidemiol Psychiatr Soc.* 2008; 17(1): 14–19
 36. *Yule W., Williams R.* Post-traumatic stress reactions in children. *Journal of Traumatic Stress*. 1990.; 3 (2): 279-295

Factors that contribute to the stigmatization of victims in emergency situations

Gurin I. V., PhD (Medicine), senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations of the Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (igr.gurin@rambler.ru)

Zakharova N. M., PhD (Medicine), senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations of Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (natali_oslo@mail.ru)

The technique of studying of processes of stigmatization of victims in emergency is insufficiently developed now and is based on results of practical observations of certain experts and methodical adaptations. Surveying features of internal and external stigmatization which is traumatic for victims and leads to weighting of experiences, negative development of the cognitive scheme "I-in-the-event", its dynamics, the authors define them as the adverse prognostic moments in a psychotherapy of the studied category of persons. In the article there is made an attempt of survey systematization of a series of social and demographic and environmental factors which have to be known to the expert working with the victim in emergency that in due time and precisely to diagnose character of consequences of a psychological trauma, to prognosticate the course of post-stressful disorders and to plan psychocorrective influence. There are selected the characteristics of victims in emergency (an invalidism and traumatization, age, gender factors, education level) having significant effect on stigmatization development. The author analyses some of the problems arising during a psychotherapy of patients with stigma, defines the factors increasing probability of a delay with the request for the specialized help or refusal of therapy.

Key words: emergency situation, external and internal stigmatization of victims, factors of development of post-stressful disorders, aftertreatment of victims in emergency.

References

1. Asanbaeva, Je.M. Kognitivnye priznaki fenomena stigmatizacii v psihologii u predstavitelej razlichnyh populjacionnyh grupp Kyrgyzskoj respubliky. Diss. kand. med.nauk. [Cognitive characteristics of the phenomenon of stigmatization in psychiatry from the representatives of various population groups in the Kyrgyz Republic. Ph.D. (Medicine) Thesis]. Bishkek, 2009. 161 p.

2. Ababkov V.A., Perre M., Plansherel B. Sistematischeskoe issledovanie semejnogo stressa i kopinga [Systematic study of family stress and coping] // *Obozrenie psichiatrii i med. psihologii im. Behtereva* [Review of psychiatry and psychology]. 1998. no. 2. pp. 4-8.
3. Brazevich S.S., Sidorova A.Ju. Invalidnost': problemy preodolenija stigmatizacii i stanovlenija tolerantnogo soznaniya. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. Vol. 1.; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8192> (Accessed 1.10.2017)
4. Vasserman L.I., Iovlev B.V., Isaeva E.R., Trifonova E.A., Shhelkova O.Ju., Novozhilova M.Ju., Vuks A.Ja. Metodika dlja psihologicheskoj diagnostiki sposobov sovladanija so stressom i problemnymi dlja lichnosti situacijami. Posobie dlja vrachej i medicinskih psihologov [Disability: problems of stigma and the formation of a tolerant consciousness]. Saint-Petersbourg: Publ. NIPNI im. V.M. Behtereva, 2009. 40 p.
5. Gofman I. Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoi identichnost'yu. Chast' 1. Stigma i sotsial'naya identichnost'. Chast' 2. Kontrol' nad informatsiei i sotsial'naya identichnost' [Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Part 1. Stigma and social identity. Part 2. Information control and social identity]. 1963.
6. Gurin I.V. Klinicheskaja dinamika i terapija posttravmaticheskikh stressovyh rasstrojstv u postradavshih s ozhogami. Avtoref. dis. kan. med. nauk. [Clinical dynamics and treatment of post-traumatic stress disorder in burn victims. Ph.D. (Medicine) Thesis]. Moscow, 1996, 13p.
7. Gurovich I.Ja. Vzaimodejstvie obshhemedicinskoj i psichiatricheskoj pomoshhi i stigma psichiatricheskikh rasstrojstv. [Interaction of General medical and mental health care and stigma of psychiatric disorders] // Rossiiskii meditsinskii zhurnal [Russian medical journal] 2001. Vol. 25. pp. 1202.
8. Dmitrieva T.B., Polozhegiy B.S. Kul'tural'nye i jetnicheskie problemy psihicheskogo zdorov'ja [Cultural and ethnic mental health issues]. Moscow, 1996. 198 p.
9. Dmitrieva, T.B. Al'jans prava i miloserdija. O probleme prav cheloveka v psichiatrii [the Alliance of law and mercy. On the issue of human rights in psychiatry]. Moscow: Publ. Nauka, 2001. 156 p.
10. Enikolopov S.N. Stigmatisazija i problema psihicheskogo zdorovia. Medizinskaia (klinicheskaja) psihologija: tradicii i perspektivi (k 85-letiju Yu.F. Poliyakova). [Stigma and the problem of mental health / Medical (clinical) psychology: traditions and prospects (To the 85th anniversary of Yury Fedorovich Polyakov)] Moscow: Publ. Moskovskiy gorodskoy psihologo-pedagogicheskij universitet, 2013; pp. 109-121.
11. Zaharova N.M., Baeva A.S., Gurin I.V., Shkurko V.V. Formirovanie fenomena stigmatizacii v otnoshenii lic, postradavshih pri chrezvychajnyh situacijah u predstavitelej razlichnyh social'nyh grupp. «Psihologija i pravo» [Formation of the phenomenon of stigmatization against individuals affected in emergencies from representatives of various social groups. Psychology and law psyandlaw.ru], 2017; 7(1): 193-205. doi: 10.17759/psylaw.2017070116, ISSN-online: 2222-5196 ISSN

12. Kabanov M.M., Burkovsky G.V. Reductsiya stigmatizatsii i diskriminatsii psihicheski bolnih [Reduction of stigma and discrimination of mentally ill] // *Obozrenie psikiatrii i med. Psihologii im. V.M. Behtereva [Review of psychiatry and medical psychology]*. 2000. no.1. pp. 3-9.
13. Kekelidze Z.I., Bedina I.A., Tyumenkova G.V. Reintegratsiya v sozium liz, postradavshih v chrezvichaynih situatsiyah. Psihiatria chrezvichaynih situatsiy [Clinical and social factors of the stigmatization of persons affected during emergency situations]. In Kekelidze Z.I. (ed). Moscow, 2011; Vol. 2. pp. 311-321.
14. Kekelidze Z.I., Bedina I.A., Shport S.V., Baeva A.S., Alkeeva-Kosticheva E.A. Sidorov-Moiseev I.I. Tsekin V.P. Kliniko-sotsialnie faktori stigmatizatsii lits, postradavshih pri chrezvichaynih situatsiyah. Metodicheskie rekomendatsii [Clinical and social factors of the stigmatization of persons affected during emergency situations]. Moscow: Publ. FGBU «FMITSPN» Minzdrava Rossii. 2015. 20 p.
15. Mihajlova I.I., Sudakov S.A., Enikolopov S.N., Mjasoedov S.N. Primenenie klasternogo analiza dlja opisaniya fenomena samostigmatizatsii [Use of cluster analysis to describe the phenomenon of self-stigmatization of the mentally ill] // *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova [Journal of neurology and psychiatry. S. S. Korsakov]*. 2004. Vol. 7(104). pp. 61-65.
16. Mihajlova I.I., Jastrebov V.S., Enikolopov S.N. Kliniko-psihologicheskie i social'nye faktory, vlijajushhie na stigmatizatsiju psihicheski bol'nyh raznyh nozologicheskikh grupp [Clinical, psychological and social factors that affect stigmatization of mentally patients of different nosological groups] // *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of neurology and psychiatry. S. S. Korsakov]*. 2002. Vol. 7(102). pp. 58-65.
17. Onishhenko N.V. Osobennosti psihojemotsional'nogo sostojaniya postradavshih, perezhivshih poterju rebenka vsledstvie chrezvychajnoj situatsii. Filosofija. Psihologija. Sociologija [Features of psycho-emotional state of the victims, suffered the loss of a child due to emergency] // *Vestnik Permskogo universiteta [Vestnik of Perm University]*. 2014. Vol. 4(20). pp. 64-70.
18. Podkorytov V.S., Kuz'minov V.N., Shepel' A.G. Bol'nye s nepsihoticheskimi psihicheskimi rasstrojstvami v sovremennom obshhestve (dannye sociologicheskogo anketirovanija) [Patients with non-psychotic mental disorders in modern society (the data of sociological survey)] // *Medicinskie issledovanija [Medical research]*. 2001. Vol. 1. pp. 31.
19. Portnova A.A. Indigennyj konflikt: neblagopriyatnyj tip otsrochennogo massovogo reagirovaniya na tyageliy emotsionalnyj stress [An indigenous conflict as an unfavorable type of delayed mass reaction to severe emotional stress] // *Gurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of neurology and psychiatry. S. S. Korsakov.]*. 2006. Vol. 106(2). pp.13-16.
20. Serebrijskaja, L. Ja. Faktory stigmatizatsii psihicheski bol'nyh: avtoref. dis. kand. psihol. nauk [Factors of stigmatization of the mentally ill. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2005. 21 p.

21. Tyumenkova G.V., Bedina I.A. Problemi stigmatizatsii lits, perenessih chrezvichaynyu situaziyu. Materiali megdunarodnoy konferentsii «Psihatriya chrezvichaynih situaziyah» [Problems of stigmatization of persons who have suffered an emergency]. Moscow, 2006. pp. 74-75.
22. Chrezvychajnye situacii, harakternye dlja regiona (municipal'nogo obrazovanija), prisushhie im opasnosti dlja naselenija i vozmozhnye sposoby zashhity ot nih rabotnikov organizacii: Metodicheskie materialy [Emergency, typical of the region (municipality), the inherent danger to the population and possible ways of protection of employees of the organization: Methodical materials]. Irkutsk: Publ. IGUPS, 2016. 26 p.
23. Allison-Bolger, V.Y. The original sin of madness – or how psychiatrists can stigmatize their patients. *International Journal of Clinical Practice*. 1999. 53(8): 627-630.
24. Byrne, P. Psychiatric stigma: past, passing and to come. *J. R. Soc. Med.* 1997. 90(11): 618-621.
25. Barney LJ, Griffiths KM, Jorm AF, Christensen H. Stigma about depression and its impact on help-seeking intentions. *Aust N Z J Psychiatry*. 2006 ;40(1): 51–54
26. Dain, N. Reflections on antipsychiatry and stigma in the history of American psychiatry. *Hosp. Community Psychiatry*. 1994; 45(10). pp. 1010-1014.
27. Freddy J.R., Donkervoet J.C. Traumatic stress: An overview 17 of the field. In Freddy J.R. & Hobfoll S.E. (Eds.), *Traumatic stress. From theory to practice*. New York: Plenum, 1995. pp.3-28.
28. Gilbert P. Stigmatisation as a survival strategy: shame, stigma and the family: «skeletons in the cupboard and the role of shame». *Every Family in the Land: Understanding Prejudice and Discrimination against People with Mental Illness*. Royal Society of Medicine; ed. A. Crisp. Rev. ed. London, 2003. pp. 123-143.
29. Henderson C., Evans-Lacko S., Thornicroft G. Mental Illness Stigma, Help Seeking, and Public Health Programs. *Am J Public Health*. 2013 May; 103(5): 777–780. Published online 2013 May. doi: 10.2105/AJPH.2012.301056. PMID: PMC3698814
30. Kessler R.C. Posttraumatic stress disorder the burden to the individual and to society. *J. Clin. Psychiatry*. 2000. V. 61; pp. 4-12.
31. Link, B. G. Stigma: many mechanisms require multifaceted responses. *Epidemiol. Psychiatr. Soc.* 2001. 10(1): 8-11.
32. Sartorius N. Fighting stigma: theory and practiceю *The Image of Madness*. Ed. by Guimon J., Fisher W., Sartorius N. Basle: AC press, 1999. pp. 96-105.
33. Sirey J.A., Bruce M.L., Alexopoulos G.S. et al. Perceived stigma as a predictor of treatment discontinuation in young and older outpatients with depression. *Am J Psychiatry*. 2001; 158(3): 479–481

34. Taylor S.E. Adjustment of threatening events: A theory of cognitive adaptation. American Psychologist. 1983. pp. 1161-1173
35. Thornicroft G. Stigma and discrimination limit access to mental health care. Epidemiol Psychiatr Soc. 2008; 17(1) :14–19
36. Yule W., Williams R. Post-traumatic stress reactions in children. Journal of Traumatic Stress. 1990. 3 (2): 279-295

Социально-психологические характеристики руководителей современной школы: роль эмоционального интеллекта в построении модели эффективного руководителя

Миронова С.Г., аспирант кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет (sveta-mir1981@mail.ru)

В статье приводятся данные исследования выраженности эмоционального интеллекта у руководителей школ. Эмоциональный интеллект, как одна из социально-психологических характеристик личности, показал наиболее тесную связь с компонентами отношения руководителей школ к своим подчиненным. В свою очередь данные компоненты отношения, по нашему мнению, представляют собой современную модель руководителя школы. Был обследован 101 руководитель школы из Московской области в возрасте от 26 до 65 лет (из них мужчины 8,9%; должность директора школы занимают 57 человек, должность заместителя директора школы по учебно-воспитательной работе – 44 человека) комплексом из шести методик. Одна из методик – Авторская анкета, изучающая социально-психологические характеристики личности и компоненты отношения руководителей школ к подчиненным-учителям. Остальные: опросник ЭМИН Д.В. Люсина, позволяющий выявлять уровень эмоционального интеллекта, шкала личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина, диагностика Макиавеллизма личности В.В. Знакова, шкала измерения уровня общительности личности Л.Н. Лутошкина, диагностика склонности к стрессам Дж. Джексона. На основании полученных результатов делается вывод о том, что важнейшей социально-психологической характеристикой личности руководителя выступает его эмоциональный интеллект, позволяющий руководителю не только понимать собственные и чужие эмоции, успешно управлять ими, но также способствующий умению вызывать определенные чувства у окружающих людей. Модель отношения руководителей образовательных учреждений к сотрудникам включает в себя три компонента: эмоциональный, поведенческий и когнитивный. Высказывается предположение, что такие социально-психологические характеристики личности, как эмоциональный интеллект, манипулятивность, общительность, тревожность и стрессоустойчивость, имеют тесную связь со всеми компонентами отношения руководителей школ к своим подчиненным.

Ключевые слова: руководитель школы, эмоциональный интеллект,

общительность, тревожность, манипулятивность, стрессоустойчивость.

Для цитаты:

Миронова С.Г. Социально-психологические характеристики руководителей современной школы: роль эмоционального интеллекта в построении модели эффективного руководителя. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 71-82.
doi: 10.17759/psylaw.207070306

For citation:

Mironova S.G. Socio-psychological characteristics of the leaders of today's schools: the role of emotional intelligence in building a model of an effective leader. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp.71-82.
doi: 10.17759/psylaw.2017070306

Введение

Коренные изменения в обществе привели к модернизации всей системы образования, в связи с чем возникает потребность в качественно новом руководителе школы, соответствующем реалиям и требованиям сегодняшнего дня [1; 4]. В настоящее время руководитель образовательного учреждения рассматривается как ключевая фигура всего учебного процесса. Именно руководитель принимает решения и несет ответственность, как за стабильность деятельности, так и за внедрение в конкретном учреждении новых идей, и именно руководитель мобилизует весь педагогический коллектив на реализацию педагогических инноваций [9]. В исследованиях отечественных психологов долгое время делался акцент на выявлении определенного числа когнитивных качеств, т. е. способностей, которые позволяли бы руководителям принимать эффективные управленческие решения [5; 7; 10]. Долгое время в фокусе интереса педагогов и психологов находились профессионально-важные качества руководителей школ и колледжей, позволяющие эффективно осуществлять возложенные на них обязанности [11]. Современному руководителю образовательного учреждения приходится работать в условиях, когда основной акцент в его деятельности переносится от педагогической составляющей к менеджменту. На первый план здесь выдвигаются не социально-психологические качества или когнитивные особенности личности руководителя сами по себе, а их проявления во взаимодействии с трудовым коллективом, с подчиненными-учителями, что является основой продуктивной, отлаженной работы всего педагогического состава [2].

Актуальность изучаемой темы определила **цель** нашего исследования: изучение социально-психологических характеристик личности руководителя школы как факторов отношения руководителей к коллективу учителей. Исходя из поставленной цели, мы предполагаем реализацию следующих задач: 1) изучение компонентов отношения руководителей школ к подчиненным; 2) исследование социально-психологических характеристик личности руководителей школ; 3) выявление взаимосвязи компонентов отношения к сотрудникам руководителей школ с такими социально-психологическими характеристиками, как: эмоциональный интеллект, тревожность, стрессоустойчивость, общительность и манипулятивность.

Объектом исследования выступили руководители образовательного учреждения. В исследовании приняли участие 101 руководитель школы из Московской области в возрасте от 26 до 65 лет, из них мужчины – 8,9%; должность директора школы занимают 57 человек, остальные 44 человека – заместители директора по учебно-воспитательной работе. Стаж работы в должности руководителя варьировал от 10 месяцев до 30 лет.

Предметом исследования являлось изучение роли эмоционального интеллекта в построении модели эффективного руководителя.

Методы и методики исследования

В работе использовались следующие методы: опрос (в форме анкетирования), математическая обработка данных (описательная статистика, корреляционный анализ Пирсона, **при уровне значимости $p=0,01$ для всей выборки).

Были использованы следующие методики: 1) Авторская анкета, изучающая социально-психологические характеристики личности и компоненты отношения руководителей школ к подчиненным-учителям; 2) Опросник ЭМИН Д.В. Люсина, позволяющий выявлять уровень эмоционального интеллекта; 3) Шкала личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина; 4) Диагностика Макиавеллизма личности В.В. Знакова; 5) Шкала измерения уровня общительности личности Л.Н. Лутошкина; 6) Диагностика склонности к стрессам Дж. Джексона.

Основные результаты исследования

В данной работе мы опираемся на концепцию психологических отношений личности, предложенную В.Н. Мясищевым [8], который выделял в структуре отношения три аспекта: когнитивный, поведенческий и эмоциональный. Эмоциональный компонент отношения характеризует степень эмоциональности руководителя при взаимодействии с подчиненными, взаимопонимание руководителей школ с педагогами, удовлетворенность руководителей работой в целом и взаимоотношениями с коллективом. Когнитивный компонент отношения раскрывает влияние социальных и социально-психологических характеристик подчиненных на принятие руководителем решения, касающегося деятельности подчиненных. Поведенческий компонент отношения рассматривается в нашей работе с точки зрения представлений руководителя о субординационных (формальных) и неформальных связях с подчиненными.

Общение, согласно Б.Ф. Ломову [6], есть субъект-субъектное взаимодействие. На характер общения руководителя с подчиненными существенное влияние оказывает уровень общительности руководителей. Социально-психологическое качество «общительность» базируется на такой индивидуально-психологической особенности личности, как экстраверсия/интроверсия. Поэтому экстравертированность/интровертированность личности была взята нами в качестве второго в числе факторов отношения руководителей к подчиненным. Третьей переменной, по нашему мнению, оказывающей воздействие на особенности психологического отношения руководителя к сотрудникам, является манипулятивность личности, через которую, по нашему мнению, проявляется объектное отношение высокостатусного субъекта по отношению к своим подчиненным.

В тесной связи с эмоциональным интеллектом и характеристиками общительности находится стрессоустойчивость личности. В общении с подчиненными стрессоустойчивость проявляется через сдержанность и корректность руководителя в конфликтных ситуациях, которыми так богата школьная жизнь. Тревожность, так же как и стрессоустойчивость не является социально-психологической характеристикой, но средний уровень тревожности является необходимым условием проявления ответственности, т. е. такая социально-психологическая характеристика руководителя, как «ответственность», базируется на индивидуально-психологической характеристике «личностная тревожность». Таким образом, мы изучали личностную тревожность руководителей школ, связывая ее с уровнем их ответственности.

В нашем исследовании *эмоциональный компонент отношения* руководителей школ к педагогическому коллективу представлен оценкой взаимоотношения с подчиненными.

Как показало исследование, руководители образовательных учреждений не склонны к переменам в настроении в течение рабочего дня: только один из десяти участников опроса признался, что для него характерно преимущественное или даже постоянное изменение эмоционального состояния в течение рабочего дня. Подавляющее большинство (89,9%) респондентов разделилось на две подгруппы: несколько большая часть руководителей (48,5% выборки) считают, что их настроение чаще всего зависит от обстоятельств, а меньшая подгруппа (41,6%) отмечают, что настроение в течение рабочего дня является устойчивым. Оценка частоты изменения настроения в течение рабочего дня имеет тесные взаимосвязи с эмоциональным интеллектом, манипулятивностью личности и личностной тревожностью. Корреляционный анализ показал, что руководители с высокой манипулятивностью (0,323) и выраженной личностной тревожностью (0,236) чаще склонны к изменению настроения в течение дня. Таким руководителям также с трудом удается понимать свои (-0,290) и чужие эмоции (-0,264) и управлять эмоциями своих подчиненных (-0,244).

Основная часть руководителей школ считают, что они могут держать под контролем свои эмоции, не позволяя им влиять на оценку деятельности подчиненных: пятая часть заместителей и директоров школ (21,8%) уверены, что эмоции редко влияют на оценку подчиненных-учителей. Как показало исследование, руководители, проявляющие эмоции при оценке своих сотрудников, обладают высокой манипулятивностью личности (0,234), личностной тревожностью (0,466) и стрессоустойчивостью личности (0,264). Обратная взаимосвязь степени эмоциональности оценивания учителей руководителями школ выявлена со всеми переменными эмоционального интеллекта: умением понимать свои и чужие эмоции, управлять своими и чужими эмоциями, контролировать у себя проявление экспрессии. Как оказалось, у руководителей образовательных учреждений, обладающих высоким уровнем эмоционального интеллекта, эмоции крайне редко оказывают влияние на оценку подчиненного-учителя.

Более половины руководителей школ признались, что эмоции чаще не влияют на оценку подчиненного, при этом треть опрошенных (35,6%) сочли, что они лишь иногда открыты в проявлении эмоций в общении с коллективом учителей. Более склонны к открытости в проявлении эмоций при общении с подчиненными руководители-экстраверты (0,217), обладающие высоким уровнем контроля экспрессии (0,364).

Высокий самоконтроль экспрессии, обнаруженный у директоров школ, подтверждается их самооценкой частоты изменения первого негативного впечатления. Значительная часть респондентов (69,3%) заявили, что в процессе управления бывает по-разному, четверть руководителей (24,8%) чаще всего меняют свое первое негативное впечатление на противоположное. Как показали результаты, первоначально негативные эмоции, вызываемые подчиненными у руководителей школ, очень редко сказываются на дальнейших взаимоотношениях.

Наиболее эмоционально негибкими оказались руководители с высокой манипулятивностью (-0,230). Мы считаем, что такое качество свойственно тем руководителям, которые в своей управленческой деятельности используют негативное впечатление о сотруднике с целью оказания на него психологического давления.

В целом, практически все руководители утверждают, что удовлетворены взаимоотношениями с коллективом (92,1%), незначительная часть (7,9%) респондентов не могут дать определенный ответ на вопрос наличия желания изменить взаимоотношения с подчиненными-учителями. Руководители школ, испытывающие удовлетворение от взаимоотношений с коллективом, как оказалось, отличаются низким эмоциональным интеллектом. Такие руководители не могут в достаточной мере понимать как свои (-0,221), так и чужие эмоции (-0,330), а также управлять своими (-0,265) и чужими эмоциями (-0,352).

Большая часть респондентов (64,4%) считают, что вполне довольны работой своего коллектива (на шкале отмечены 5 и 6 баллов), 8,9% руководителей поставили на шкале 7 баллов, что свидетельствует о крайней степени удовлетворенности работой коллектива. Чаще не удовлетворены работой коллектива 5% респондентов, крайне недовольных работой коллектива не выявлено, средний балл по группе составил 5,11. Руководители, удовлетворенные работой своего коллектива, как правило, не отличаются высокой манипулятивностью личности (-0,244) и личностной тревожностью (-0,285). Следует заметить, что педагоги-руководители, оценивающие работу своего коллектива как вполне благоприятную для совместной деятельности, отличаются высоким уровнем понимания чужих эмоций (0,291), а также управления как чужими (0,209), так и своими (0,272) эмоциями.

Следует заметить, что руководители образовательных учреждений в достаточной мере доверяют своим подчиненным и уверены, что именно такие взаимоотношения должны быть между руководителем и его сотрудниками. При этом наблюдается расхождение между оценками реального и оптимального доверия подчиненным у руководителей школ: оценка оптимального доверия несколько ниже реальной оценки. Высоким уровнем доверия к сотрудникам отличаются руководители с низкой личностной тревожностью (-0,231) и ярко выраженным эмоциональным интеллектом, проявляющимся в высоком уровне умений управлять как своими (0,236), так и чужими эмоциями (0,203), а также понимать чужие эмоции (0,337).

Эмоциональный компонент отношения и социально-психологические характеристики личности обнаружили множество тесных взаимосвязей. Наибольшее количество связано с переменными эмоционального интеллекта. Высокий эмоциональный интеллект свойственен руководителям с устойчивым настроением в течение рабочего дня. Выраженная манипулятивность чаще характерна для эмоционально негибких

руководителей школ, склонных к частой смене настроения в течение рабочего дня и редко удовлетворенных работой своего коллектива.

Высокая личностная тревожность руководителей образовательных учреждений также способствует частой смене настроения в течение рабочего дня. Тревожные руководители с высокой стрессоустойчивостью характеризуются отсутствием потребности в изменении взаимоотношений со своими сотрудниками, несмотря на низкий уровень доверия подчиненным.

Руководители-экстраверты, обладающие высоким уровнем контроля экспрессии, чаще остальных респондентов склонны к открытому проявлению эмоций при общении с подчиненными.

Поведенческий компонент отношения выражен в предпочтениях руководителя при выборе стратегии взаимодействия с подчиненными. Анализ длительности принятия решений показал, что подавляющее большинство руководителей школ (63,4%) не дают однозначного ответа на вопрос, как долго они принимают управленческие решения. Руководители образовательных учреждений, склонные к длительному обдумыванию управленческих решений, связанных с оценкой деятельности сотрудника, обладают высоким уровнем понимания как чужих (0,357), так и своих эмоций (0,284), а также эффективно могут управлять чужими эмоциями (0,260).

Групповая характеристика предпочтений в принятии решений по поводу опозданий подчиненных показала, что мнения большинства схожи: 37,6% уверены, что сначала нужно вникнуть в ситуацию, а потом принимать решение, 27,7% руководителей утверждают, что в принятии решения необходимо всегда ориентироваться исключительно на человека. Практически треть группы (25,7%) склоняются к мысли, что принимать то или иное решение нужно в зависимости от ситуации. Значительная часть руководителей, как выяснилось, готовы идти навстречу своим сотрудникам даже в таких неоднозначных ситуациях, как опоздания на работу.

При оценке ориентации руководителей на скорость или правильность в принятии решений подавляющее большинство руководителей (61,4%) считают, что при решении кадровых вопросов одинаково важным является и правильность решения управленческой задачи, и время, затраченное на ее решение. Педагоги-руководители, чаще предпочитающие ориентироваться на скорость в принятии решений, обладают более высокой стрессоустойчивостью (-0,378) и более эффективно могут управлять своими эмоциями (-0,299), чем руководители, ориентированные на правильность решения управленческой задачи.

Подавляющее число руководителей (71,3%) считают, что они довольно быстро вникают в проблемы своих подчиненных. Быстрота понимания проблемы, как оказалось, свойственна руководителям с низкой стрессоустойчивостью личности в вопросах касающихся управленческой деятельности (-0,222). Большая часть руководителей (83,2%) полагают, что все, происходящее в коллективе касается их непосредственно. Именно поэтому, с точки зрения более половины руководителей школ, вмешиваться в конфликты между сотрудниками необходимо (58,4%), третья часть группы управленцев (30,7%) считают, что вмешиваться нет необходимости. Чаще вмешиваются во внутренние конфликты своих сотрудников руководители, которые держат под контролем свои эмоции

(0,232). Скорее всего, эмоциональная сдержанность позволяет руководителям успешно выступать в роли посредника в конфликте и таким образом способствовать его разрешению.

Поведенческий компонент отношения и социально-психологические характеристики личности руководителей обнаружили множество тесных взаимосвязей. Наибольшее количество связано с переменными эмоционального интеллекта. Высокий эмоциональный интеллект чаще свойственен неконфликтным руководителям, предпочитающих риск в принятии решений. В целом такие педагоги-руководители ориентированы на быстроту в принятии решений, но в вопросах, касающихся оценки деятельности подчиненных, с трудом переключаются с роли начальника на роль подчиненного.

Руководители-экстраверты, наоборот, при необходимости без труда могут переключаться с роли начальника на роль коллеги. Руководители образовательных учреждений, обладающие высокой стрессоустойчивостью чаще склонны к длительному обдумыванию управленческих решений при решении кадровых вопросов, предпочитают риск на рабочем месте. В процессе принятия решений не считают необходимым учитывать мнение только компетентных в данном вопросе сотрудников, скорее ориентированы на близких по духу подчиненных, при решении управленческой задачи скорее ценят правильность, нежели потраченное время.

Высокая личностная тревожность наблюдается чаще у руководителей, склонных к конфликтам с подчиненными.

Когнитивный компонент отношения руководителей образовательных учреждений к учителям выражается в представлении руководителя о характеристиках подчиненных как факторах принятия управленческого решения.

Анализ представлений руководителя о характеристиках подчиненных как факторах принятия решения по распределению рабочего задания показал, что педагоги-руководители чаще всего учитывают такие переменные, как: уровень взаимопонимания с сотрудником (21,8%), уровень конфликтности сотрудника (17,8%) и степень загруженности работой (16,8%). В меньшей степени данная группа руководителей берет во внимание такие переменные как: настроение в настоящий момент (45,5%), симпатия или антипатия к сотруднику (33,7%), пол сотрудника и лояльность сотрудника к руководителю (31,7%).

Руководители, не учитывающие симпатию или антипатию к сотруднику при распределении рабочего задания, обладают высоким уровнем понимания чужих эмоций (-0,263) и управления своими эмоциями (-0,236). Респонденты, не учитывающие лояльность сотрудника к себе как к руководителю, при распределении рабочего задания своим подчиненным могут эффективно управлять как чужими (-0,303), так и своими эмоциями (-0,24), а также понимать свои эмоции (-0,282). Высокоразвит контроль экспрессии у тех руководителей школ, которые не учитывают ни лояльность сотрудника к себе как к руководителю (-0,22), ни свое настроение в настоящий момент (-0,264). Педагоги-руководители, принимающие во внимание уровень конфликтности сотрудника, при распределении рабочего задания проявляют выраженную манипулятивность (0,201).

Анализ представлений руководителя о характеристиках подчиненных как факторах принятия решения в процессе наказания показал, что руководители школ чаще учитывают

такие переменные, как дисциплинированность и исполнительность сотрудника (40,6%), а также качество его работы (33,7%). Реже всего при наказании сотрудника учитываются его пол (70,3%), лояльность сотрудника к руководителю (51,5 %) и симпатия или антипатия к сотруднику (42,6%).

Руководители, способные управлять своими эмоциями, как правило, при наказании сотрудников реже учитывают эмоции (-0,312), которые вызвал поступок сотрудника, и интенсивность его труда (-0,234). Педагоги-руководители, редко учитывающие свои эмоции, вызванные поступком подчиненного, не отличаются высокой личностной тревожностью (0,237). Руководители, не считающие важным учитывать симпатию или антипатию к подчиненному при наказании сотрудников, обладают умением как понимать (-0,206), так и управлять (-0,201) чужими эмоциями. Лояльность сотрудника к себе как к руководителю при наказании подчиненных обычно не учитывают те педагоги-руководители, у которых высокоразвито умение управлять чужими эмоциями (-0,316), и понимание своих эмоций (-0,26).

Анализ представлений руководителя о характеристиках подчиненных как факторах принятия решения при распределении премии показал, что подавляющее число руководителей при распределении премии прежде всего учитывают качество работы своего сотрудника (71,3%), его дисциплинированность и исполнительность (57,4%), а также интенсивность его труда (51,5%). Чаще всего не влияют на данное решение такие переменные, как пол (86,1%) и возраст сотрудника (72,3%), лояльность сотрудника к руководителю (67,3 %) и симпатия или антипатия к сотруднику (61,4%). Руководители, наделенные способностью управлять своими эмоциями (-0,267) при премировании своих подчиненных, как выяснилось, не учитывают лишь симпатию или антипатию к сотруднику. Дисциплинированность и исполнительность сотрудника чаще не берут во внимание руководители-экстраверты (-0,222).

Уровень собственной успешности в качестве руководителя большинство респондентов считают достаточно высоким. На шкале отметили 4 балла 31,7%; 5–7 баллов указали 59,5% руководителей школ. Примерно на таком же уровне руководители оценивают удовлетворенность своей работой: 4 балла отметили 22,8% респондентов, 5–7 баллов – 68,3% руководителей. Данные результаты свидетельствуют о достаточно высокой оценке собственной успешности и удовлетворенности своей работой.

Когнитивный компонент отношения и социально-психологические характеристики личности руководителей обнаружили множество тесных взаимосвязей. Наибольшее количество связано с переменными эмоционального интеллекта. Высокий эмоциональный интеллект чаще наблюдается у руководителей, которые не считают важным учитывать в принятии решений по поводу распределения рабочего задания симпатию или антипатию к сотруднику, свое настроение в настоящий момент, а также лояльность сотрудника к себе как к руководителю. В принятии решений по поводу наказания подчиненных педагоги-руководители редко учитывают свои эмоции, которые вызвал поступок подчиненного, малозначима оказалось интенсивность труда сотрудника, симпатия или антипатия к сотруднику, а также лояльность сотрудника к себе как к руководителю. В принятии решений по поводу премирования подчиненных руководителями не учитывается лишь уровень симпатии к сотруднику.

Как выяснилось, руководители с выраженной манипулятивностью в процессе принятия решений по поводу распределения рабочего задания склонны учитывать уровень конфликтности сотрудника.

Высокая личностная тревожность характерна для тех руководителей, которые учитывают в принятии решения по поводу наказания подчиненных эмоции, которые вызвал у них поступок педагога.

Руководители-экстраверты в принятии решений по поводу премирования подчиненных не считают важным брать во внимание дисциплинированность и исполнительность сотрудника.

Вывод. В управленческой деятельности руководителей образовательных учреждений три компонента отношения представлены неравномерно. В большинстве случаев педагог-руководитель рассматривает проблему в коллективе через призму своих установок и убеждений, которые появляются у него под влиянием одного, наиболее выраженного, компонента отношения.

Социально-психологические характеристики личности руководителя школы были рассмотрены нами как факторы, обуславливающие отношение руководителей к подчиненным-учителям. Это отношение проявляется, прежде всего, в специфике управленческого общения. Эмоциональный интеллект является основным фактором эмоционального, поведенческого и когнитивного компонента отношения руководителей школ к подчиненным. Учитывая специфику управления учебным учреждением, где, как правило, преобладает женский коллектив и большинство руководителей также являются женщинами, мы считаем, что в основе отношения руководителя школы к подчиненным-учителям находится эмоциональный компонент. Подтверждение того, что женщинам в процессе управленческой деятельности в большей мере, в отличие от мужчин, свойственно реагировать на ситуацию эмоционально, независимо от уровня важности данной ситуации, можно встретить в работах Л.Ф. Вязниковой и Д. Гоулмана [2; 3]. Эмоциональный интеллект, как одна из вышеперечисленных социально-психологических характеристик личности, обнаруживает наибольшее количество связей со всеми компонентами отношения. Определенная их выраженность у руководителя может способствовать как позитивному, так и негативному отношению руководителя школы к учителям, что приводит, соответственно, либо к гармоничному, либо, наоборот, к дисгармоничному развитию взаимоотношений в школьном коллективе.

Литература

1. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Авдеев Е.С., Сафуанов Ф.С., Коноплева И.Н. Эффективный директор школы в представлениях руководителей образовательных учреждений [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 4. С. 250–258. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65828.shtml*
2. *Вязникова Л.Ф. Психологические основания профессиональной переподготовки руководителей системы образования: время перемен: монография. М.: МПСИ-Х: ХГПУ, 2002. 281 с.*

3. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект: монография / Пер. с англ. А.П. Исаевой. М.: АСТ; Хранитель, 2008. 478 с.
4. *Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., Авдеев Е.С., Бовина И.Б.* Профессионализм в деятельности директора школы: особенности обыденных представлений в группах директоров, учителей и родителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 1–13. doi:10.17759/psylaw.2016060301
5. *Корнилова Т.В.* Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 99–109.
6. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии: монография / Под общ. ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1996. 384 с.
7. *Мангутов И.С. Уманский Л.И.* Организатор и организационная деятельность. Л.: ЛГУ, 1975. 312 с.
8. *Мясищев В.Н.* Психология отношений: монография / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1998. 368 с.
9. *Филинкова Е.Б.* Мотивация принятия решения руководителями школы о переходе на следующий уровень управления // Сибирский психологический журнал. 2012. № 45. С. 73–85.
10. *Хребина С.В.* Организационная психология образования: Феноменология и концепция развития. Пятигорск: Изд-во «Пятигорский государственный лингвистический университет», 2007. 288 с.
11. *Шакуров Р.Х.* Директор школы и педагогический коллектив: социально-психологический аспект. Киев: Радянська школа, 1978. 208 с.

Socio-psychological characteristics of the leaders of today's schools: the role of emotional intelligence in building a model of an effective leader

Mironova S. G., Postgraduate student, Moscow state regional University (sveta-mir1981@mail.ru)

The article presents the data of study of expression of emotional intelligence in school leaders. Emotional intelligence, as one of the socio-psychological characteristics of personality, showed the closest relationship with the components of attitude of heads of schools towards his subordinates. In turn, these components of the relationship, in our opinion, represent a modern model of the head of school. The study surveyed 101 head of school from the Moscow region in age from 26 to 65 years males - 8.9 per cent; the Director of schools is 57, the position of Deputy Director of school on teaching and educational work of 44 people, a complex of six methods. One of which is the Author's questionnaire, the study of socio-psychological personality characteristics and components of attitude of heads of schools to subordinates-teachers. The rest EMIN questionnaire D. V. Lyusina, allowing to identify the level of emotional intelligence, the scale of personal anxiety CH. D. Spielberger, L. Y. Hanin, diagnosis of Machiavellianism personality of V. V. Znakov, the scale measure the level of sociability of the individual L.N. Lutoshkina, diagnosis of the tendency to stress G. Jackson. On the basis of obtained results it is concluded that the most important socio-psychological characteristics of personality is the emotional intelligence that allows a supervisor not only to understand their own and others' emotions, to manage them successfully, but also contribute to the ability to arouse certain feelings in the people around them. Model the relationship of the heads of educational institutions to the staff, includes three components: emotional, behavioral and cognitive. It is suggested that such socio-psychological characteristics of personality as emotional intelligence, manipulative, sociability, anxiety and stress have a close relationship with all components of the attitude of heads of schools for their employees.

Key words: head of school, emotional intelligence, sociability, anxiety, manipulation, stress stability.

References

1. Bovina I. B., Dvoryanchikov N.V., Avdeev E. S., Safuanov F. S., Konopleva I. N. Effective school director in representations of heads of educational institutions. Jelektronnyj resurc // Psichologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2013. No. 4. P. 250-258. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65828.shtml

2. Vyaznikova L. F. Psychological foundations of professional training of heads of an education system: time for a change // Vyaznikova L. F.. Monograph. Moscow: MPSI - X: HDPY, 2002. 281 p.
3. Golman D. Emotional intelligence / Daniel Holman. Monograph. per. from English. A. P. Isaeva. Moscow: AST Moskva: Khranitel, 2008. 478 p.
4. Dvoryanchikov N.V., Budycin S. V., Avdeev E. S., Bovina I. B. Professionalism in the work of the Director of the school: characteristics of ordinary representations of groups of principals, teachers and parents. [Elektronnyi resurce] // *Psikhologiya i pravo*. 2016. Volume 6. No. 3. p. 1-13. doi:10.17759/psylaw.2016060301
5. Kornilova T. V. Diagnosis of "personality factors" decision-making // *Questions of psychology*. 1994. No. 6, p. 99-109
6. Lomov B. F. Consistency in psychology. // Monograph / Under the General editorship of V. A. Barabanschikova, D. N. Zavalishin and V. A. Ponomarenko. M.: Publishing house "Institute of practical psychology", 1996. 384 p.
7. Mangutov I. S. Umansky, L. I., the Organizer and organizational activities. Leningrad: Leningrad state University, 1975. 312 p.
8. Myasishev V. N. Psychology of relations // Monograph / Under the General editorship of A. A. Volumes. M.: Publishing house "Institute of practical psychology", 1998. 368 p.
9. Filinkova, E. B. Motivation decision-making by school leaders on transition to the next level of management // *Siberian psychological journal*. 2012. No. 45. P. 73-85.
10. Hrabina S. V. Organizational psychology of education: Phenomenology and concept development. Pyatigorsk.: Publishing house "Pyatigorsk state linguistic University". 2007. 288 p.
11. Shakurov R. H. The Director of the school and the teaching staff: a socio – psychological aspect. Kiev: Radjanska school, 1978. 208 p.

Особенности регуляции деятельности у сотрудников следственных органов (клинико- психологический, нейропсихологический и гендерный аспекты)

Московская М.С., аспирант факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (*mariya_moskovskaya@bk.ru*)

Котельникова Д.А., лаборант-исследователь лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России (*kot.darya.94@mail.ru*)

Дубинский А.А., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России (*aleksandr-dubinskij@yandex.ru*)

Статья посвящена исследованию особенностей регуляции деятельности у сотрудников следственных органов с различным уровнем профессионального стресса, с учетом стажа профессиональной деятельности, а также гендерной принадлежности. Рассматриваются нейропсихологические корреляты дизрегуляции деятельности у сотрудников следственных органов. Гипотезой исследования стало предположение о том, что при высоком уровне профессионального стресса у сотрудников следственных органов будет снижена способность к таким компонентам регуляции, как контроль за выполнением деятельности. Исследованы 45 сотрудников следственных органов (из них – 28 мужчин и 17 женщин в возрасте от 19 до 38 лет; средний возраст – 28 лет) со стажем работы от 1 года до 15 лет. Методический комплекс включал: тест на профессиональный стресс Т.Д. Азарных, И.М. Тыртышниковой, симптоматический опросник SCL-90-R и ряд нейропсихологических методик (графическая проба, кубики Никитиной, копирование фигур Тейлора и Рея-Остерицца, проба Озерецкого, пробы на исследование оперативной памяти).

Выявлено, что у мужчин снижен контроль за выполнением деятельности. У лиц с умеренным уровнем профессионального стресса отмечено наличие симптомов дисфории, с низким уровнем – выраженный дискомфорт в процессе межличностного общения. У лиц со стажем более 5 лет отмечено выраженное

чувство страха, снижение интереса к жизни, что говорит о признаках профессиональной деформации, у сотрудников со стажем менее 5 лет – преобладание соматических симптомов. Полученные результаты дополняют эмпирические данные исследований, направленных на изучение стресс-реагирования у сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: сотрудники следственных органов, нейропсихологические корреляты регуляции деятельности, профессиональный стресс.

Для цитаты:

Московская М.С., Котельникова Д.А., Дубинский А.А. Особенности регуляции деятельности у сотрудников следственных органов (клинико-психологический, нейропсихологический и гендерный аспекты). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 83-96. doi: 10.17759/psylaw.207070307

For citation:

Moskovskaya M.S., Kotelnikova D.A., Dubinsky A.A. Features of the regulation of the activity among interrogators (clinical and psychological, neuropsychological and gender aspects). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp.83-96. doi: 10.17759/psylaw.2017070307

Введение

Профессия следователя относится к группе «критических» по показателю выраженности профессионального стресса. Повседневную профессиональную деятельность сотрудников Отделов внутренних дел (ОВД) отличает: дефицит времени; интеллектуальные перегрузки, связанные с избытком или недостатком необходимой информации; противодействие заинтересованных лиц; высокая служебная и моральная ответственность за принимаемые решения; постоянное взаимодействие с криминальными лицами.

Высокая эмоциональная напряженность труда предъявляет высокие требования к регуляторным ресурсам специалиста, требует определенной нейрофизиологической организации деятельности следователя. Работник должен обладать такими нервно-психическими качествами, как: высокая нервно-психическая чувствительность к внешним воздействиям; оптимальное соотношение реактивности и активности; эмоциональная устойчивость; пластичность психических процессов; умеренная эмоциональная возбудимость в опасных ситуациях; сопротивляемость внешним и внутренним условиям, препятствующим осуществлению начатой деятельности; устойчивость к нервно-психическому перенапряжению. Вышеперечисленные физические и эмоциональные факторы позволяют говорить о том, что деятельность следователя протекает в экстремальных условиях вследствие наличия стресс-факторов, воздействие которых может привести к возникновению профессионального стресса [16].

Изучение феноменологии стресса, в том числе выделение и классификация стрессогенных факторов, а также клинико-психологических проявлений стресса,

охватывает не одно десятилетие [2; 12; 13]. С того момента, как впервые была доказана важная роль стресса и его деструктивное влияние для здоровья и деятельности человека, биологи, физиологи, психиатры, психологи всесторонне занимались изучением данной проблемы [15; 18; 19].

Исследование проявлений стресса у сотрудников ОВД и его влияния на нервно-психическое здоровье специалистов показало, что из 9305 обследованных у 26,9% респондентов отмечалась непатологическая психическая дезадаптация, у 8,8% – патологическая психическая адаптация, у 9,6% – болезненные состояния [1].

Способность к произвольной опосредованной регуляции поведения является необходимым условием адаптации к деятельности с физическими и психическими перегрузками. Незрелые профессионально важные стилевые особенности саморегуляции – предиктор острого стресса. Способность к саморегуляции в условиях интенсивного профессионального стресса является важным условием профпригодности и профессиональной надежности специалистов опасных профессий [9].

Изучение саморегуляции у специалистов опасных профессий позволяет сделать выводы об особенностях стресс-реагирования и профессиональной надежности [4; 6; 14].

В рамках зарубежных исследований изучаются гендерные различия в восприятии стрессового напряжения у сотрудников полиции. Масштабное исследование американских ученых М. Gächter и соавт. (2011) 704 офицеров-мужчин и 396 офицеров-женщин, проведенное в рамках изучения влияния гендерных различий стрессогенных факторов в деятельности сотрудников полиции, показало, что женщины-полицейские в отношении показателей физического напряжения, соматизации, а также показателей здоровья демонстрируют более высокий уровень стрессового напряжения по сравнению с полицейскими-мужчинами [17].

По данным исследования D. Maran и соавт. (2015), направленного на выявление гендерных различий в восприятии факторов и выраженности профессионального стресса у итальянских полицейских, было выявлено, что женщины, работающие в оперативных службах полиции в значительно большей степени уязвимы к организационным и оперативным стрессорам, чем мужчины. В то время как среди сотрудников органов внутренних дел мужчины оказались более восприимчивы к организационным факторам стресса [21].

Согласно результатам еще одного итальянского исследования D. Maran и соавт. (2014), сотрудники полиции – женщины во всех оперативных службах подвержены наибольшему риску психологического стресса по сравнению с их коллегами мужчинами, а также демонстрируют более высокий уровень соматизации [20].

Анализ накопленного за рубежом научного и прикладного опыта указывает на необходимость более пристального внимания к изучению вопроса о влиянии гендерных различий на восприятие стрессогенных факторов и выраженность профессионального стресса у сотрудников правоохранительных органов.

В нейропсихологической парадигме большое внимание уделяется разработке проблемы психической организации регуляции высших психических функций.

Произвольная регуляция выступает в качестве одной из форм динамической организации психической деятельности. С точки зрения деятельностного подхода к пониманию природы психических функций, описанного А.Р. Лурией, регуляция осуществляет управление поведением человека и выступает как важный компонент психической деятельности.

Отмечается, что на третьей стадии развития стресса (стадии «истощения») наблюдаются нарушения деятельности механизмов регуляции и возникновение дезадаптации, что может существенно сказаться на продуктивности труда [8]. Включение в нейропсихологический анализ ряда интегративных показателей саморегуляции представляется важным в связи с тем, что регуляция выступает связующим звеном в организации деятельности, обеспечивая произвольность сложных форм психической деятельности посредством контроля за выполнением программы, за окончательным результатом деятельности и управлением поведением.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости клинико-психологических и нейропсихологических исследований, направленных на выявление особенностей стресс-реагирования и регуляции деятельности у сотрудников следственных органов с различным уровнем профессионального стресса, с учетом стажа профессиональной деятельности, а также гендерной принадлежности.

Гипотеза: при высоком уровне профессионального стресса у сотрудников следственных органов будет снижена способность к таким компонентам регуляции, как контроль за выполнением деятельности и ее окончательным результатом.

Цель исследования – выявление клинико-психологических характеристик профессионального стресса и нейропсихологических особенностей регуляции деятельности у сотрудников следственных органов в зависимости от гендерной принадлежности и стажа работы.

Программа исследования

Процедура проведения.

Выборку исследования составили 45 человек (28 мужчин и 17 женщин). Все обследованные имели высшее юридическое образование и работали по специальности следователь, стаж работы – от 1 года до 15 лет. Исследование проводилось на базе Люблинского районного суда, отделов Министерства внутренних дел России по районам Куркино, Покровское-Стрешнево, Северное Тушино, Строгино с января по март 2017 г.

Критериями исключения были леворукость и наличие черепно-мозговых травм в анамнезе.

Методический аппарат включал следующие методы исследования:

- психологические (тест на определение профессионального стресса Т.Д. Азарных, И.М. Тыртышникова);
- клинико-психологические (симптоматический опросник SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised), позволяющий определить выраженность следующих

симптоматических шкал: «соматизация», «обсессивность/компульсивность», «интерперсональная сензитивность (межличностная тревожность)», «депрессивность», «тревожность», «враждебность», «фобии», «паранойяльность», «психотизм». В методику включены также интегральные шкалы: «общий симптоматический индекс», «индекс проявления симптоматики» и «индекс выраженности дистресса»;

- нейропсихологические (графическая проба, кубики Никитиной, копирование фигур Тейлора и Рея–Остерицца, проба Озерецкого, пробы на исследование оперативной памяти).

Результаты, полученные при проведении нейропсихологических проб, были переведены в балльную систему, основанную на критериях оценивания Т.В. Ахутиной. Регуляция деятельности оценивалась по двум параметрам: «контроль за выполнением деятельности» и «контроль за окончательным результатом», с опорой на деятельностный подход к пониманию природы психических функций.

Общий балл по каждому параметру складывался из полученных баллов при выполнении нейропсихологических проб: «контроль за выполнением деятельности» – графическая проба, копирование фигуры Рея–Остерицца (копирование по памяти), проба Озерецкого, проба, направленная на изучение оперативной памяти; «контроль за окончательным результатом» – кубики Никитиной, копирование фигуры Тейлора (копирование с образца). Таким образом, за снижение способности «контроля за выполнением деятельности» принималось значение свыше 4 баллов, «контроля за окончательным результатом» – свыше 2 баллов. Баллы ранжировались с учетом возможности допущения единичных ошибок при выполнении проб.

Статистическую обработку полученных данных проводили в программе IBM SPSS Statistics 23.0 при помощи дескриптивного анализа (квартили), критерия независимости χ^2 и критерия U Манна–Уитни.

Результаты исследования

Сравнительный анализ сотрудников в зависимости от гендерной принадлежности.

Был проведен анализ внутригрупповых различий между группами мужчин и женщин по критерию Манна–Уитни, который показал наличие статистически значимых различий по следующим параметрам: «графическая проба» ($p=0,020$); «фигура Рея–Остерицца» ($p=0,015$); «контроль за выполнением деятельности» ($p=0,012$).

При анализе медиан исследуемых переменных в группах мужчин и женщин было обнаружено, что в группе женщин 25% обследуемых имели умеренный уровень профессионального стресса, в то время как в группе мужчин умеренный уровень профессионального стресса наблюдался у 50%. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что мужчины в большей степени подвержены влиянию стрессогенных факторов.

По данным «Симптоматического опросника» SCL-90-R, у 25% обследуемых из обеих групп наблюдалось превышение нормативных показателей по следующим шкалам: «соматизация» (SOM), «обсессивность/компульсивность» (O/C), «межличностная сензитивность» (INT), «депрессия» (DEP), «враждебность» (HOS), «фобическая тревожность» (PHOB), «психотизм» (PSY), «общий индекс тяжести симптомов» (GSI). При этом, женщины в большей степени были склонны к нарушениям телесной дисфункции, наличию мыслей и действий, которые переживаются как чуждые собственному Я, проявлению симптомов дисфории, чувствам собственной неполноценности и потере интереса к жизни (выраженность шкал: «соматизация», «обсессивность/компульсивность», «межличностная сензитивность», «депрессия»).

В группе мужчин более выраженными оказались показатели по шкалам: «фобическая тревожность», «психотизм» и «общий индекс тяжести симптомов». Мужчины в большей мере были склонны к проявлению страха, изолированному стилю жизни, интенсивному переживанию дистресса. В обеих группах в равной степени выражен показатель по шкале «враждебность» (HOS). Для 25% испытуемых из группы женщин и из группы мужчин характерно проявление негативного аффективного состояния злости и раздражительности. Полученные данные по шкалам «тревожность» (ANX) и «паранойяльные тенденции» (PAR) превышают нормативные показатели только в группе мужчин. Для 25% мужчин были характерны проявления тревожности, напряжения, враждебности и подозрительности.

Значимых различий в группе мужчин по переменным «уровень профессионального стресса» и «стаж» выявлено не было.

Сравнительный анализ сотрудников с низким и умеренным уровнем профессионального стресса.

Было выявлено, что сотрудники следственных органов обладают низким или умеренным уровнем профессионального стресса.

Данные нейропсихологических проб свидетельствуют о том, что в группе лиц с умеренным уровнем профессионального стресса более выражено снижение контроля за выполнением деятельности. Среднее значение этого показателя выше в группе следователей с низким уровнем профессионального стресса. Анализ выполнения нейропсихологических проб не выявил статистически значимых различий по показателям «контроль за выполнением деятельности» и «контроль за окончательным результатом» между группами с низким и умеренным уровнем профессионального стресса, группами мужчин и женщин и группами сотрудников со стажем работы менее и более 5 лет.

При сравнении медиан исследуемых переменных в группах было обнаружено следующее. Превышение нормативных показателей по шкалам «тревожность», «психотизм» и «общий индекс тяжести симптомов» выявлено у 25% испытуемых в обеих группах. При этом изолированный стиль жизни в равной степени характерен для респондентов обеих групп. У сотрудников с умеренным уровнем профессионального стресса в большей степени выражена тревожность, чувство опасности и интенсивность переживаемого дистресса. Для этой же группы в большей мере характерна враждебность и раздражительность (25% испытуемых с низким уровнем профессионального стресса, 50% – с умеренным). Превышение нормативных показателей по шкалам «обсессивность/компульсивность»

(50%), «межличностная сензитивность» (50%), «депрессия» (25%) наблюдалось только в группе сотрудников с умеренным уровнем профессионального стресса.

Статистический анализ внутригрупповых различий между группами сотрудников с низким и умеренным уровнем профессионального стресса показал наличие значимых различий по параметру «межличностная сензитивность» (INT).

Сравнительный анализ данных в группах сотрудников со стажем менее 5 лет и более 5 лет.

Данные нейропсихологических проб позволяют сделать вывод о том, что в группе лиц, работающих более 5 лет, наблюдается выраженное снижение способности «контроля за выполнением деятельности», однако среднее значение по параметру «контроль за окончательным результатом» в этой группе выше.

При анализе медиан исследуемых переменных в группах сотрудников со стажем менее 5 лет и более 5 лет было обнаружено следующее. Данные опросника «общий уровень профессионального стресса» показывали наличие умеренного уровня профессионального стресса у 25% испытуемых в обеих группах. В большей степени влиянию стрессогенных факторов были подвержены сотрудники со стажем работы менее 5 лет. По данным «Симптоматического опросника» SCL-90, у 25% испытуемых из обеих групп наблюдалось превышение нормативных показателей по шкалам: «соматизация», «депрессия», «фобическая тревожность», «психотизм», «общий индекс тяжести симптомов».

Для 25% испытуемых в обеих группах был свойственен изолированный стиль жизни, выраженная интенсивность переживаемого дистресса. Более чем у 50% респондентов в обеих группах наблюдалось превышение нормативного показателя по шкале «обсессивность/компульсивность». Превышение нормативных показателей по шкале «враждебность» выявлено у 25% сотрудников со стажем менее 5 лет и у 50% – со стажем более 5 лет. Для второй группы в большей мере было характерно проявление «гнева» и «раздражительности». У 25% сотрудников с большим стажем работы выявлено превышение нормативного показателя по шкале «межличностная сензитивность». У сотрудников со стажем менее 5 лет – тревожность, напряжение, враждебность и подозрительность (у 25%).

Статистический анализ внутригрупповых различий по критерию Манна–Уитни между группами сотрудников со стажем менее и более 5 лет показал наличие статистически значимых различий по переменной «соматизация» (SOM) ($p=0,012$).

Анализ результатов

Посредством сравнительного анализа сотрудников следственных органов в зависимости от гендерной принадлежности было выявлено, что в группе мужчин отмечалось более выраженное снижение способности к контролю за выполнением деятельности. Также для них в большей степени были характерны трудности при переключении с одного элемента на другой, при запоминании программы и сличении с образцом.

Сравнительный анализ сотрудников следственных органов с низким и умеренным уровнем профессионального стресса показал, что для группы с умеренным уровнем

профессионального стресса в большей мере была характерна общая выраженность психопатологической симптоматики. Для них были свойственны наличие непреодолимых для собственного Я мыслей и действий, чувства неполноценности и безнадежности, симптомов дисфории и потеря жизненной энергии.

Группе сотрудников с низким уровнем профессионального стресса были присущи чувство беспокойства и заметный дискомфорт в процессе межличностного взаимодействия, обостренное чувство осознания собственного Я и негативные ожидания относительно межличностного взаимодействия и коммуникаций с другими людьми.

Обнаруженное снижение способности к таким компонентам регуляции деятельности, как «контроль за выполнением деятельности» и «контроль за окончательным результатом», не детерминировано профессиональным стрессом умеренной степени выраженности. Это позволяет отнести обследованных с умеренной степенью выраженности профессионального стресса лишь к «группе риска» дизрегуляции деятельности. На наш взгляд, это связано с тем, что нарушение регуляции деятельности происходит только на 3 этапе развития стресса – этапе «истощения». При умеренном и низком уровне профессионального стресса снижение регуляторных способностей в большей мере обусловлено снижением работоспособности и повышенной утомляемостью.

Сравнительный анализ сотрудников со стажем менее 5 лет и более 5 лет показал, что в профессиональной деятельности у специалистов со стажем более 5 лет обнаруживались первые признаки профессиональной деформации. Сотрудников со стажем более 5 лет отличали бóльшая выраженность проявлений иррационального, неадекватного чувства страха, отсутствие интереса к жизни. У четверти сотрудников с большим стажем работы отмечено наличие чувства личностной неадекватности и неполноценности.

Специалистов со стажем менее 5 лет отличали бóльшая выраженность отражающих дистресс симптомов, связанных с ощущением телесной дисфункции, а также непрерывные, «чуждые» для собственного Я мысли.

Заключение

В работе был проведен анализ взаимосвязи между уровнем профессионального стресса и такими компонентами регуляции, как контроль за выполнением деятельности и ее окончательным результатом у сотрудников следственных органов. Выявлены симптоматические проявления дистресса и первичные признаки профессиональной деформации. Новым и требующим дальнейшей эмпирической проверки является факт большей выраженности симптоматического дистресса и общей психопатологической симптоматики у специалистов.

Полученные результаты дополняют эмпирические данные исследований, направленных на изучение стресс-реагирования у сотрудников правоохранительных органов [3; 5; 7; 8; 10; 11; 13] в части понимания нейропсихологических коррелятов регуляции поведения. Получены результаты о гендерной специфичности первичных нейропсихологических признаков дизрегуляции. Дальнейшей экспериментальной проверки заслуживает такая выявленная закономерность, как недетерминированность профессиональным стрессом умеренной степени выраженности снижения способности к

таким компонентам регуляции деятельности, как «контроль за выполнением деятельности» и «контроль за окончательным результатом».

Результаты исследования позволяют определить мишени коррекционной работы со следователями, направленной на развитие способности к регуляции деятельности.

Литература

1. Антонова Н.А. Социально-психологические факторы нервно-психической дезадаптации сотрудников силовых структур: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб, 2009. 24 с.
2. Бабанов С.А. Профессиональный стресс, или Профессиональные поражения эмоциональной сферы // Русский медицинский журнал. 2014. №. 22 (4). С. 266–271.
3. Бабурин С.В. Совладающее поведение и профессиональный стресс в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 1 (42). С. 7–12.
4. Кабанова Т.Н., Плешакова Е.А., Дубинский А.А., Васильченко А.С. Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 89–105. doi: 10.17759/psylaw.207070108
5. Кобозев И.Ю. Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел и его психопрофилактика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 26 с.
6. Ковалева М.Е., Булыгина В.Г. Психофизиологические особенности регуляции эмоциональных реакций у специалистов опасных профессий [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 53–67. doi: 10.17759/psylaw.207070105
7. Коваленко Л.Э. Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел // Евразийский научный журнал. 2016. № 12. С. 305–306.
8. Леонова А.Б. Стресс-резистентность и структурная организация процессов саморегуляции деятельности // Психология саморегуляции в XXI в. М.: Нестор-История, 2011. С. 354–374.
9. Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения (ССПМ): руководство по использованию. М.: Когито-Центр, 2004. 44 с.
10. Муртазов А.М. Профессиональный стресс и психосоматические заболевания у сотрудников правоохранительных органов // Медицина труда и промышленная экология. 2014. № 5. С. 41–44.
11. Пономаренко Е.Н. Психологические особенности копинг поведения следственных работников МВД России: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 26 с.

12. Руководство по социальной психиатрии: учебн. пособие для системы послевузовского образования врачей / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.С. Положего. М., 2009. 544 с.
13. Рыбников В.Ю., Ашанина Е.Н. Психологические механизмы копинг-поведения специалистов экстремальных профессий // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 2. С. 46–50.
14. Рыбников В.Ю., Дубинский А.А., Булыгина В.Г. Индивидуально-психологические предикторы адаптации и дезадаптации специалистов экстремального профиля деятельности // Экология человека. 2017. № 3. С. 3–9.
15. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 254 с.
16. Шихова А.П. Профессиональный стресс в деятельности сотрудников специализированных подразделений дознания органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 23 с.
17. Gächter M., Savage D.A., Torgler B. Gender Variations of Physiological and Psychological Strain amongst Police Officers // Gend. Issues. 2011. Vol. 28. P. 66–93. doi: 10.1007/s12147-011-9100-9 704
18. Hong K., Bergquist K., Sinha R. Gender Differences in Response to Emotional Stress: An Assessment across Subjective, Behavioral and Physiological Domains and Relations to Alcohol Craving // Alcoholism: Clinical & Experimental Research. July 2008. P. 12–16.
19. Kroes W.H., Margolis B., Hurrell J.J. Job stress in police administrators // Journal of Police Science and Administration. 1974. Vol. 2. P. 145–155.
20. Maran D., Varetto A., Zedda M. Stress among Italian male and female patrol police officers: a quali-quantitative survey // Policing: An International Journal of Police Strategies & Management. 2014. Vol. 37. № 4. P. 875–890. doi: /10.1108/PIJPSM-05-2014-0056
21. Maran D., Varetto A., Zedda M. Occupational stress, anxiety and coping strategies in police officers // Occupational Medicine. 2015. Vol. 65. № 6. P. 447–466.

Features of the regulation of the activity among interrogators (clinical and psychological, neuropsychological and gender aspects)

Moskovskaya M.S., Postgraduate at the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (mariya_moskovskaya@bk.ru)

Kotelnikova D.A., Laboratory assistant, the Laboratory of Mental Hygiene and Psychoprophylaxis, V. Serbsky NMRCPN (kot.darya.94@mail.ru)

Dubinsky A.A., Junior researcher, the Laboratory of Mental Hygiene and Psychoprophylaxis, V. Serbsky NMRCPN (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

The article is devoted to the study of the features of the regulation of the activity of interrogators with different levels of professional stress, taking into account the duration of professional activity and gender. Neuropsychological correlates of dysregulation of activity among interrogators are described. It was assumed that the interrogators with a high level of professional stress would have the reduced ability of control over the activity. The material of the empirical study of 45 interrogators (28 men and 17 women at the age from 19 to 38 years, the average age is 28 years) with an experience of work from one year to 15 years is presented. The diagnostic complex included: «The scale of professional stress» Azarnyh T.D. and Tyrtysnikov I.M., Symptom Check List-90-Revised and a number of neuropsychological techniques (graphical test, Nikitina pattern cubes, Taylor and Rey-Osterrieth complex figure test, test of Ozereckiy (Fist-Rib-palm), test for the study of working memory).

It was revealed that men had lower control over the activity. People with moderate levels of occupational stress had the presence of symptoms of dysphoria. People with a low level occupational stress marked discomfort in the process of interpersonal communication. People with experience of more than 5 years have a pronounced sense of fear, a decrease in interest in life, which indicates signs of professional deformity. Employees with less than 5 years of experience showed the prevalence of somatic symptoms. The obtained results supplement the empirical data of researches aimed to study the stress response among law enforcement officers.

Key words: interrogators, neuropsychological correlates regulation of activity, professional stress.

References

1. Antonova N.A. *Sotsial'no-psikhologicheskie faktory nervno-psikhicheskoi dezadaptatsii sotrudnikov silovykh struktur. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Socio-psychological factors of neuropsychic disadaptation of employees of power structures. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Saint-Petersburg, 2009. 24 p.
2. Babanov S.A. Professional'nyi stress, ili professional'nye porazheniya emotsional'noi sfery [Professional stress, or professional affections of the emotional sphere]. *Russkiy meditsinskiy zhurnal [Russian Journal of Medicine]*, 2014, no. 22 (4), pp. 266–271. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Baburin S.V. Sovladayushchee povedenie i professional'nyi stress v deyatel'nosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy [Coping behavior and professional stress in the activities of the penitentiary system staff]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute]*, 2017, no. 1(42), pp. 7–12. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Kabanova T.N., Pleshakova E.A., Dubinsky A.A., Vasilchenko A.S. Osobennosti samoregulyatsii u spetsialistov ekstremal'nogo profilya professional'noi deyatel'nosti [Peculiarities of selfregulation of extreme profile specialists] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017, no. 1 (7), pp. 89–105. doi: 10.17759/psylaw.2017070108. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85415_full.shtml (дата обращения: 12.07.2017) (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Kobozev I.Yu. *Professional'nyi stress rukovoditelei organov vnutrennikh del i ego psikhoprofilaktika. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Professional stress of heads of law enforcement bodies and its psycho-prophylaxis. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Saint-Petersburg, 2011. 26 p.
6. Kovaleva M.E., Bulygina V.G. Psikhofiziologicheskie osobennosti regulyatsii emotsional'nykh reaktsii u spetsialistov opasnykh professii [Physiological characteristics of regulation of emotional responses among specialists of extreme profile] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017, no. 1 (7), pp. 53–67. doi: 10.17759/psylaw.207070105. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85404.shtml> (дата обращения: 12.07.2017) (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Kovalenko L.E. Professional'nyi stress rukovoditelei organov vnutrennikh del [Professional stress of heads of law enforcement bodies]. *Evraziyskiy nauchnyy zhurnal [The Eurasian scientific journal]*, 2016, no. 12, pp. 305–306. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Leonova A.B. Stress-rezistentnost' i strukturnaya organizatsiya protsessov samoregulyatsii deyatel'nosti [Stress-resistance and the structural organization of self-regulation of activities]. In *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI v. [Psychology of self-regulation in the 21st century]*. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2011, pp. 354–374.

9. Morosanova V.I. Stil' samoregulyatsii povedeniya (SSPM): rukovodstvo po ispol'zovaniyu [Style self-control behavior: a guide to use]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2004. 44 p.
10. Murtazov A.M. Professional'nyi stress i psikhosomaticheskie zabolevaniya u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Professional stress and psychosomatic diseases among law enforcement officers]. *Meditcina truda i promyshlennaya ekologiya [Occupational medicine and industrial ecology]*, 2014, no. 5, pp. 41–44 (In Russ., abstr. in Engl.)
11. Ponomarenko E.N. *Psikhologicheskie osobennosti koping povedeniya sledstvennykh rabotnikov MVD Rossii. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Psychological features copying the behavior of investigators of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Saint-Petersburg, 2006. 26 p.
12. Rukovodstvo po sotsial'noi psikhiatrii [Manual on social psychiatry]. In Dmitrieva T.B., Polozhyi B.S. (ed.) *Uchebnoe posobie dlya sistemy poslevuzovskogo obrazovaniya vrachei [Textbook for the post-graduate education of doctors]*. Moscow, 2009. 544 p.
13. Rybnikov V.Yu., Ashanina E.N. Psikhologicheskie mekhanizmy koping-povedeniya spetsialistov ekstremal'nykh professii [Psychological mechanisms of coping behavior of specialists of extreme professions]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psycho-pedagogy in law enforcement agencies]*, 2009, no. 2, pp. 46–50. (In Russ., abstr. in Engl.)
14. Rybnikov V.Yu., Dubinsky A.A., Bulygina V.G. Individual'no-psikhologicheskie prediktory adaptatsii i dezadaptatsii spetsialistov ekstremal'nogo profilya deyatel'nosti [Individual Psychological Predictors of the Adaptation and Disadaptation among Specialists of Extreme Profile]. *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*, 2017, no. 3. pp. 3–9.
15. Sel'e G. Ocherki ob adaptatsionnom sindrome [Essays on the Adaptation Syndrome]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoy literatury Publ., 1960. 254 p. (In Russ.)
16. Shikhova A.P. *Professional'nyi stress v deyatel'nosti sotrudnikov spetsializirovannykh podrazdelenii doznaniya organov vnutrennikh del. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Professional stress in the activities of employees of specialized units of inquiry of law enforcement bodies. Ph. D. (Psychology) Thesis]*. Saint-Petersburg, 2009. 23 p.
17. Gächter M., Savage D.A., Torgler B. Gender Variations of Physiological and Psychological Strain among Police Officers. *Gen. Issues*, 2011, no. 28, pp. 66–93. doi: 10.1007/s12147-011-9100-9 704
18. Hong K., Bergquist K., Sinha R. Gender Differences in Response to Emotional Stress: An Assessment across Subjective, Behavioral and Physiological Domains and Relations to Alcohol Craving. *Proceedings of the Conference "Alcoholism: Clinical & Experimental Research"*, July 2008, pp. 12–16.
19. Kroes W.H., Margolis B., Hurrell J.J. Job stress in police administrators. *Journal of Police Science and Administration*, 1974, no. 2, pp. 381–387.

Московская М.С., Котельникова Д.А., Дубинский А.А. Особенности регуляции деятельности у сотрудников следственных органов (клинико-психологический, нейропсихологический и гендерный аспекты). *Психология и право psyandlaw.ru* 2017. Том 7. №3. С. 83-96.

Moskovskaya M.S., Kotelnikova D.A., Dubinsky A.A. Features of the regulation of the activity among interrogators (clinical and psychological, neuropsychological and gender aspects). *Psychology and law psyandlaw.ru* 2017. Vol. 7. no.3. pp. 83-96.

20. Maran D., Varetto A., Zedda M. Stress among Italian male and female patrol police officers: a quali-quantitative survey. *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*, 2014, no. 4 (37), pp 875–890. doi: /10.1108/PIJPSM-05-2014-0056
21. Maran D., Varetto A., Zedda M. Occupational stress, anxiety and coping strategies in police officers. *Occupational Medicine*, 2015, no. 6 (65), pp. 447–466.

Ксенофобия и девиантное поведение у подростков и молодежи: обзор отечественных исследований

Гурина О.Д., главный эксперт отдела психологических исследований ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (godgur@yandex.ru)

В статье приводятся основные результаты отечественных исследований за 2012–2016 гг., посвященных изучению ксенофобии, экстремизма, в том числе как девиантного поведения среди подростков. В описанных исследованиях основное внимание уделяется изучению педагогических и психологических факторов формирования экстремистского поведения у подростков и молодежи. Приведены результаты исследований П.Н. Казберова, А.В. Новикова (2015; 2016), Е.Н. Скулкиной (2015); М.Г. Стадникова, А.А. Щеглова (2014); О. Е Хухлаева, В. М Миназовой, О С. Павловой, Е В. Зыкова (2015) и др., описывающие индивидуально-психологические и личностные особенности лиц, совершивших правонарушения экстремистской направленности и/или имеющих склонность к ксенофобским установкам. Основная задача исследований – выявить факторы, препятствующие или способствующие формированию экстремистского поведения среди подростков и молодежи с целью разработки адекватных мер профилактического воздействия.

Ключевые слова: ксенофобские установки, девиантное поведение, подростки, молодежь, профилактика экстремизма и терроризма.

Для цитаты:

Гурина О.Д. Ксенофобия и девиантное поведение у подростков и молодежи: обзор отечественных исследований. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 97-109. doi: 10.17759/psylaw.207070308

For citation:

Gurina O.D. Peculiarities of self-regulation of extreme profile specialists. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp. 97-109. doi: 10.17759/psylaw.2017070308

На фоне обострившихся социально-политических конфликтов, угроз терроризма, увеличения миграционных потоков усиливаются ксенофобские и националистические настроения. В целях профилактики и борьбы с ксенофобскими проявлениями формируются

различного рода программы как на международном, так и на местных уровнях. В основном такие программы рассчитаны на работу с молодежью, подростками как наиболее уязвимой в этом отношении частью населения.

Последние исследовательские работы в области отечественной психологии на тему ксенофобии преимущественно затрагивают проблемы, связанные именно с проявлениями ксенофобии среди молодежи и подростков. Цель статьи – осветить круг вопросов, которым посвящены отечественные научные работы по данной проблематике.

Ксенофобия представляет, на наш взгляд, одну из форм девиантного поведения. Девиантное поведение понимается в широком смысле как поведение, которое не соответствует общепринятым или официальным нормам поведения [5]. В этом понимании ксенофобия представляет собой поведение, характеризующееся негативными установками личности по отношению к лицам «чужой» группы. Формы проявлений ксенофобии различны, в зависимости от степени выраженности негативных установок личности и их реализации в поведении, т. е. от предубеждений до совершения преступлений экстремистского характера.

Ксенофобское поведение среди подростков может включать следующие проявления: агрессивное поведение по отношению к мигрантам, приезжим иной национальности, вероисповедания; включенность в асоциальные группировки, распространяющие идеи нацизма, фашизма; демонстрация враждебных убеждений в отношении каких-либо групп лиц, например, с помощью использования соответствующей символики, призывов к насильственным действиям и др.

Отечественные исследования по ксенофобии, в первую очередь, нацелены на выявление факторов, способствующих и препятствующих проявлениям ксенофобии среди подростков и молодежи. Среди таких основных факторов воздействия можно выделить следующие [11]:

- индивидуальные – факторы, связанные с генетическими, физическими и психофизиологическими особенностями индивида;
- педагогические – факторы, связанные с проблемами школьного и семейного воспитания;
- психологические – факторы, связанные с особенностями взаимодействия индивида с близким окружением (семья, школа и т. п.), со способностью к саморегуляции, с отношениями к ценностям и нормам общества;
- социальные – факторы, связанные с экономическими, политическими и иными условиями общества, в котором находится индивид.

На личность может оказывать воздействие сочетание различных факторов, что осложняет для исследователей понимание глубины и степени влияния каждого из них. С другой стороны, это позволяет оценивать явление с различных сторон, выделяя наиболее значимые факторы в той или иной ситуации. Таким образом, важными в исследовании ксенофобии являются, в том числе, ситуационные факторы, которые дают возможность выстроить различные модели ксенофобского, девиантного поведения.

Обращаясь к отечественным исследованиям, стоит отметить, что в них большее внимание уделяется педагогическим и психологическим факторам. Основными группами для изучения выступают подростки и молодежь с ксенофобскими установками [1; 2; 6; 18; 19; 20], а также осужденные, отбывающие наказание в колонии в связи с совершением экстремистских и террористических действий [7; 8; 12; 16; 21].

Социально-демографические особенности лиц с ксенофобскими установками, а также лиц, совершивших действия экстремистского и/или террористического характера, обладают общими чертами. Так, для указанных групп лиц свойственно воспитание в неполной семье, раннее употребление алкоголя, наркотиков, совершение правонарушений в прошлом [7; 17; 21]. В целом, у них выражена общая тенденция к девиантному поведению [21].

Взаимоотношения с окружением у лиц, склонных к ксенофобии, строятся на основе враждебности, стремления к замкнутости. Для них характерна низкая эмпатия, уплощенность эмоций [20; 21].

Исследователи отмечают у таких молодых людей склонность к следованию за авторитетом, зависимость от групповой идеологической концепции, замещение личных интересов интересами и ценностями сообщества, к которому они себя относят [6; 16].

Наиболее часто лицам, вовлеченным в экстремистскую деятельность, приписывают агрессию в поведении, агрессивность, враждебность [10]. Ряд исследований на эмпирическом материале действительно показывает, что для лиц с ксенофобским поведением и установками характерны высокий уровень враждебности [8; 28], агрессивности [10; 20; 21; 22; 28]. Так, в исследовании Е.Н. Скулкиной (2015), показано, что для несовершеннолетних с ксенофобскими установками характерен высокий уровень агрессивности как личностной черты. У таких подростков высоки показатели физической, косвенной и вербальной агрессии. Автор объясняет это тем, что агрессия является наиболее доступной и простой формой компенсации возрастной самоидентификации. П.Н. Казберов, А.В. Новиков, Д.Н. Слабкая (2016) в своем исследовании установили, что показатель индекса агрессивности у осужденных за экстремизм и терроризм находится в рамках нормы, при этом показатель индекса враждебности превышает норму в два раза. По мнению авторов, осужденные в пенитенциарных учреждениях не могут открыто проявлять агрессивность, на это указывает преобладание такого механизма защиты, как реактивное образование. Истинное отрицательное отношение к ситуации отбывания наказания проявляется у них во враждебности.

Стоит отметить, что указанные индивидуально-психологические особенности – агрессивность, враждебность – нередко проявляются в совокупности с другими характеристиками и не всегда являются доминирующими в личности исследуемых лиц. Помимо агрессивного поведения лиц, склонных к ксенофобии, исследователи также выделяют такие индивидуально-психологические особенности, как ригидность, тревожность, низкая эмпатия, замкнутость [12; 20; 21; 28].

Нередко в отечественных исследованиях, посвященных экстремизму, ксенофобии среди молодежи и подростков, затрагивается проблема самоотношения. В исследовании Е.Н. Юрасовой (2014) отмечается, что ксенофобы имеют размытое представление о себе, характеризуются неадекватной самооценкой. По мнению Е.Н. Юрасовой, они ощущают себя неспособными вызывать уважение у окружающих, получать от них поддержку и одобрение,

а вызывающими лишь осуждение и порицание. В связи с этим они не умеют организовывать свои отношения с другими людьми и прогнозировать последствия, к которым приведет их взаимодействие с окружающими.

При изучении осужденных, совершивших экстремистские преступления, П.Н. Казберов, А.В. Новиков, Д.Н. Слабкая (2016) определяют их как лиц с неустойчивым эмоциональным состоянием, склонных к аффективному реагированию, вспыльчивости, раздражительности и пониженному самообладанию.

Важным моментом в понимании личности, склонной к ксенофобии, вовлеченной в экстремистскую деятельность, является система ценностей, на что обращают внимание большинство исследователей. Так, для таких лиц свойственно наличие сверхценных идей, характеризующихся восприятием мира, четко разделенного на «своих» и «чужих» и имеющего «образ врага» [6; 12; 18; 20; 21; 22; 23; 25]. Подобные идеи формируют асоциальность, нигилизм по отношению к существующим моральным нормам (например, неприятие толерантных отношений). По мнению Е.Н. Скулкиной (2015), у несовершеннолетних лиц с ксенофобскими установками все те, кто отличаются от них по национальности, воспринимаются как «совсем чужие». По отношению к ним доминирует позиция «совсем бы не пустил в нашу страну». Таким образом, у подростка формируется ксенофобный настрой, который открыто проявляется во враждебном отношении и агрессивных действиях по отношению к людям, отличным по национальному признаку.

В некоторых исследованиях затрагивается вопрос о психическом здоровье лиц, совершивших экстремистские и террористические действия. Так, в исследовании Р.В. Кулешова (2016) отмечается, что субъектами экстремистской и террористической преступности могут быть лица, страдающие тяжелыми психическими расстройствами. Среди них могут быть и психически здоровые лица, но имеющие расстройства, не исключающие вменяемости, различные акцентуации характера, способствующие прогрессированию внутриличностного конфликта. В рамках исследования М.Г. Стадникова, А.А. Щеглова (2014) определенные соотношения в целевой структуре личности и структуре самооценки (амбивалентность самооценки, нарушения социальной идентичности), рассматриваемые с позиций концепции Б.С. Братуся (1988), свидетельствуют о наличии у лиц, совершивших преступления экстремистского характера, признаков расстройств личности по типу психопатии, осложненной неврозом. П.Н. Казберов (2015) отмечает присутствие у лиц, отбывающих наказание за совершение преступлений экстремистского характера, признаков психического инфантилизма, которые выражаются в противоречивости личности осужденных, импульсивности, незрелости, социальной дезадаптивности, неумении контролировать свои действия в сочетании с повышенной самоуверенностью и стремлением к самореализации.

Изучение ксенофобии затрагивает достаточно широкий круг явлений, в том числе предубеждения, которые являются одной из составляющей ксенофобии. Так, в исследовании И.З. Кезиковой (2015) в рамках исследования этнических стереотипов восприятия евреев и армян среди школьников, было установлено, что чем выше уровень умственного развития (использована методика ШТУР) у школьников, тем более позитивными и неопределенными являются такие стереотипы. У подростков с низким уровнем умственного развития выражены негативные стереотипы восприятия по отношению ко всем выделенным национальностям (армянам, евреям, цыганам), кроме своей собственной национальности. Таким образом, исследователь предполагает, что через формирование неоднозначного, насыщенного разноплановой информацией образа

представителей других этносов можно снизить негативное влияние межэтнических стереотипов.

Ксенофобское поведение может быть связано с такой личностной особенностью, как этническая идентичность. Так, в исследовании этнонациональных установок у чеченской молодежи, проведенного О.Е. Хухлаевым, В.М. Миназовой, О.С. Павловой, Е.В. Зыковым (2015), были сделаны выводы о том, что у указанной группы молодежи существует значимая связь между этнической идентичностью и этнонациональными установками. Было показано, что, с одной стороны, этническая идентичность влияет на ощущение гордости за свою национальную принадлежность и связи с людьми «своей национальности». При этом, с другой стороны, она связана с неприятием других национальностей.

Одним из факторов, приводящих к формированию ксенофобского поведения и совершению экстремистских действий, по мнению А.А. Харченко, О.В. Заслонкиной, О.Н. Дровниковой (2015), является социальное аутсайдерство среди молодежи. Адаптационное аутсайдерство выражается, по их мнению, в приспособлении молодежи к дискомфортным в социальном отношении жизненным условиям, утрате стимулов к саморазвитию и преобразованию социальной реальности в своих интересах.

Первичной основой зарождения ксенофобии и экстремизма в молодежной среде, по мнению Л. А. Апанасюк (2014), выступают средовые предпосылки: экономическое неравенство, падение престижа власти, размывание системы духовных ценностей. Эти факторы формируют благоприятную среду для последующего вызревания установок и поведения конфликтного ориентирования. В исследовании Т.А. Аристарховой (2014) отмечены следующие причины возникновения и распространения экстремистских проявлений в молодежной среде: обострение социальной напряженности (например, проблемы уровня и качества образования, социальное неравенство и др.); криминализация ряда сфер общественной жизни (в том числе, вовлечение молодых людей в криминал и др.); изменение ценностных ориентаций (влияние зарубежных, религиозных организаций, сект; отрицание норм и конституционных обязанностей).

В настоящих условиях, характеризующихся неопределенностью, неустойчивостью социально-политической ситуации, экстремистские тенденции в сознании молодежи могут быть вызваны процессами культурной глобализации, считает Т.С. Рябинская (2016). Молодежь реагирует на них особенно остро, поскольку одновременно с процессами унификации глобального пространства культуры усиливается реакция со стороны локальных культур, которые продуцируют идентичности этнического и регионального сепаратизма. Это происходит в результате недостаточной сформированности гражданской идентичности, а также стирания гражданских идентичностей в процессе культурной глобализации.

В рамках исследования социальных факторов интересна работа О.М. Шевченко (2013), в которой проведен анализ проявлений этнорелигиозной ксенофобии в виде азиатофобии, исламофобии, юдофобии, полонофобии, кавказофобии. В результате был сделан вывод о том, что формирование указанных фобий было обусловлено совокупностью культурно-исторических, социально-политических, социально-экономических факторов в развитии российского общества в период с IX до начала XX вв. Таким образом, ксенофобия, по мнению исследователя, в истории России выступала адаптивно-защитным механизмом этнорелигиозной идентичности, эффективным способом интеграции и мобилизации

общества в периоды кризисов или внешней угрозы, а также политической технологией, использующей «образы чужих» для манипуляции массовым сознанием.

Особая опасность ксенофобии связана с современным молодежным экстремизмом, который характеризуется возрастающей организованностью, сплоченностью группировок, формированием в них идеологических, аналитических и боевых структур, усилением мер конспирации, применением для распространения своей идеологии новейших информационных и коммуникационных технологий [2].

В качестве эффективных мер профилактического воздействия исследователи отмечают следующие:

- формирование сообщества людей, ориентированных на гуманистические ценности, занятых общей деятельностью или просто «живущих рядом» [6; 13];
- включение подростков в коллективную деятельность, организация досуга [3; 10];
- борьба с распространением СМИ материалов экстремистского характера [3];
- повышение эффективности системы информационно-психологического противодействия терроризму и экстремизму [19];
- реализация специальных программ поддержки молодежи, направленных на повышение гражданской ответственности и активности, содействующих расширению возможностей выбора, способом самореализации в области трудоустройства [13; 25].

Таким образом, обзор отечественных исследований по вопросу психологии ксенофобии и экстремизма среди подростков и молодежи показал, что в России проводится достаточно много исследований по изучению данного феномена. Авторы предлагают различные формы психокоррекционных, профилактических мероприятий, направленных на формирование личностных конструктов, сдерживающих совершение противоправных действий экстремистского характера. При этом, на наш взгляд, в отечественной практике сохраняется необходимость более глубокого изучения ситуационных факторов и моделей, способствующих совершению экстремистских правонарушений среди подростков и молодежи.

Литература

1. *Апанасюк Л.А.* Средовые предпосылки возникновения ксенофобии в студенческой среде // Регионология. 2014. № 1 (86). С. 123–127.
2. *Аристархова П.А.* Основные черты и особенности молодежного экстремизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1–2. С. 32–37.
3. *Блинова К.И.* Некоторые особенности в детерминации экстремистской деятельности несовершеннолетних // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом» (Ставрополь, 25–26 сентября 2015 г.). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. С. 191–193.

4. *Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Алексеев С.А.* Особенности социального и социокультурного статусов молодежи, формирующих предрасположенность к вовлечению в экстремистскую деятельность // Вестник Казанского Технологического университета. 2012. Т. 15. №. 3. С. 245–247.
5. *Змановская Е.В.* Девиантология: учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений. 2–е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
6. *Инсарова Н.Г.* Факторы личности и среды при формировании экстремистских установок у молодежи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_1_Inсарова.pdf (дата обращения: 28.04.2017).
7. *Казберов П.Н., Новиков А.В.* Социально-психологический портрет лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 4 (155). С. 6–9.
8. *Казберов П.Н., Новиков А.В., Слабкая Д.Н.* Характеристики агрессивности, враждебности и самоотношения лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4. № 7. С. 46–50.
9. *Кезикова И.З.* Этнические стереотипы старших школьников // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 1. С. 54–63.
10. *Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А.* Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_1_Kirсанov_Davydov_Zavalskij_Skrib.pdf (дата обращения: 28.04.2017).
11. *Клейберг Ю.А.* Психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов. М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001. 160 с.
12. *Кулешов Р.В.* Психолого-криминалистические особенности субъектов преступлений экстремистской и террористической направленности как объект научного изучения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1. С. 38–40.
13. *Лукаш А.И., Долгова Н.А.* О мерах по профилактике ксенофобии в молодежной среде (на примере НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса») // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. 16 (143). Т. 18. С. 163–165.
14. *Мартынова И.Р.* Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. № 3. URL:

http://psyjournals.ru/files/82924/psyandlaw_2016_3_Martinova.pdf (дата обращения: 28.04.2017).

15. Мешкова Н.В. Исследование личностных и ситуативных особенностей межгрупповой предубежденности // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 73–87.
16. Мухаметова А.А., Татлыбаева И.М., Узембаева Г.И. Характеристика личности преступника экстремистской деятельности // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Вопросы эволюции и правовой мысли человека» (Уфа, 10 декабря 2014 г.). Уфа: Аэтерна, 2014. С. 26–28.
17. Реан А.А. Подростковая субкультура – зона потенциальных рисков // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 5–10.
18. Рябинская Т.С. Молодежный экстремизм: сущность, специфика, социальный контекст // Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «Социально-экономические институты и процессы в современном обществе» (Новочеркасск, 17–18 мая 2016 г.). Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2016. С. 233–238.
19. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 137–145.
20. Скулкина Е.Н. Индивидуально-психологические детерминанты формирования социальных установок ксенофобии у подростков // Психпедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1(60). С. 58–60.
21. Стадников М.Г., Щеглов А.А. Проблема исследования социально-психологических особенностей лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления по идеологическим мотивам [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_1_Shheglov.pdf (дата обращения: 28.04.2017).
22. Федотова Е.С. Особенности психокоррекционной работы с лицами, осужденными за экстремистскую и террористическую деятельность // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 114–117.
23. Хакимова С.В. Теоретические подходы к изучению явления ксенофобии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61): в 3 ч. Ч. III. С. 189–191.
24. Харченко А.А., Заслонкина О.В., Дровникова О.Н. Экстремизм и ксенофобия как протестный механизм социального аутсайдерства молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 92–100.
25. Хомяченкова О.А. К вопросу о молодежном экстремизме в России и его

предупреждение // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Современная Юриспруденция: Актуальные вопросы и перспективы развития» (Уфа, 10 сентября 2015 г.). Уфа: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 60–62.

26. Хухлаев О.Е., Миназова В.М., Павлова О.С., Зыков Е.В. Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 23–40.
27. Шевченко О.М. Ксенофобия в истории России: факторы формирования и доминирующие виды // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 322–326.
28. Юрасова Е.Н. Психология ксенофобии // Актуальные проблемы науки: ИГУМО и ИТ как исследовательский центр. 2014. № 17. С. 154–157.

Xenophobia and deviant behavior in adolescents and young people: a review of Russian studies

Gurina O. D., chief expert, Department of psychological studies of state budgetary institution of Moscow "Moscow research center" (godgur@yandex.ru)

The article presents the main results of domestic research for the years 2013– 2016. Research are dedicated to the study of xenophobia and extremism as a kind of adolescents' deviant behavior. This research focuses on the study of pedagogical and psychological factors of formation of extremist behaviour in adolescents and youth. The results of studies by P.N. Kasberov, A. V. Novikov (2015; 2016), E.N. Skulkina (2015); M.G. Stadnikov, A.A. Shcheglov (2014); O.E Huhlaev, V.M Minasova, O.S. Pavlova, V.E Zykov (2015), etc., describe individual characteristics of perpetrators of offences of an extremist nature and/or being prone to xenophobic attitudes. The objective of the research is to identify factors impeding or contributing to the formation of extremist behavior in adolescents and youth in order to develop adequate preventive measures.

Key words: xenophobic attitudes, deviant behavior, adolescents, youth, prevention of extremism and terrorism.

References

1. Apanasyuk L.A. Sredovye predposylki vzniknoveniya ksenofobii v studencheskoi srede [Environmental predictors of xenophobia in students]. *Regionologiya [Regionology]*, 2014. no 1 (86). pp. 123– 127.
2. Aristarkhova P.A. Osnovnye cherty i osobennosti molodezhnogo ekstremizma [Main characteristics and features of youth extremism]. *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki [Izvestia of the Tula State University. Economic and legal sciences]*, 2014. № 1– 2. pp. 32– 37.
3. Blinova K.I. Nekotorye osobennosti v determinatsii ekstremistskoi deyatel'nosti nesovershennoletnikh [Some peculiarities in determination of the extremist activities of minors]. *Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno– prakticheskoi konferentsii «Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom»* (g. Stavropol', 25– 26 sentyabrya 2015 g.) [Collection of articles all– Russian scientific– practical conference "Problems of the theory and practice of struggle against extremism and terrorism"]. Stavropol': Severo–Kavkazskii federal'nyi universitet, 2015. pp. 191– 193.
4. Zinurova R.I., Tuzikov A.R., Alekseev S.A. Osobennosti sotsial'nogo i sotsiokul'turnogo statusov molodezhi, formiruyushchikh predraspolzhennost' k вовлечению v ekstremistskuyu deyatel'nost'[Peculiarities of the social and socio– cultural status of youth, which form a predisposition to involvement in extremist activities]. *Vestnik*

Kazanskogo Tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of the Kazan Technological University], 2012. T. 15. №. 3. pp. 245– 247.

5. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Deviantology]. 2- e izd., ispr. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2004. 288 p.
6. Insarova N.G. Faktory lichnosti i sredy pri formirovanii ekstremistskikh ustanovok u molodezhi [Elektronnyi resurs] [Personality and environmental factors in the formation of extremist orientation youth]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological science and Education psyedu.ru]*, 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_1_Insarova.pdf (Accessed 28.04.2017). <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2014060110>. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Kazberov P.N., Novikov A.V. Sotsial'no– psikhologicheskii portret lits, osuzhdennykh za ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' [Socio– psychological portrait of persons convicted of extremist and terrorist activities]. *Vedomosti ugolovno– ispolnitel'noi sistemy [Bulletin of the penitentiary system]*, 2015. № 4 (155). pp. 6–9.
8. Kazberov P.N., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Kharakteristiki agressivnosti, vrazhdebnosti i samootnosheniya lits, osuzhdennykh za ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' [Characteristics of aggressiveness, hostility and self– attitude of persons convicted of extremist and terrorist activities]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya [Successes of modern science and education]*, 2016. T. 4. № 7. pp. 46– 50.
9. Kezikova I.Z. Etnicheskie stereotipy starshikh shkol'nikov [Ethnic stereotypes of older students]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowledge]*, 2015. № 1. pp. 54– 63.
10. Kirsanov A.I., Davydov D.G., Zaval'skii A.V., Skribtsova N.A. Ekstremizm v molodezhnoi srede i ego profilaktika v obrazovatel'noi organizatsii (po rezul'tatam ekspertnogo oprosa) [Elektronnyi resurs] [Extremism among young people and its prevention in the educational organization (based on the results of an expert poll)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological science and education psyedu.ru]*, 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_1_Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.pdf (Accessed 28.04.2017). <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2014060111>. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Kleiberg Yu.A. Psikhologiya deviantnogo povedeniya: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Psychology of deviant behavior]. Moscow: TTs Sfera, pri uchastii «Yurait– M», 2001. 160 p.
12. Kuleshov R.V. Psikhologo– kriminalisticheskie osobennosti sub"ektov prestuplenii ekstremistskoi i terroristicheskoi napravlenosti kak ob"ekt nauchnogo izucheniya [Psychological– criminalistic features of subjects of crimes of extremist and terrorist orientation as an object of scientific study]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psycho– pedagogy in law enforcement agencies]*, 2016. № 1. pp. 38– 40.

13. Lukash A.I., Dolgova N.A. O merakh po profilaktike ksenofobii v molodezhnoi srede (na primere NOU VPO «Volgogradskii institut biznesa») [On measures to prevent xenophobia among youth (on the example of the Volgograd Institute of Business)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Volgograd State Technical University]*, 2014. 16 (143). T. 18. pp. 163– 165.
14. Martynova I.R. Kliniko– psikhologicheskie faktory riska agressivnogo povedeniya u nesovershennoletnikh s delinkventnym povedeniem, ne dostigshikh vozrasta ugolovnoi otvetstvennosti [Elektronnyi resurs] [Clinical and psychological risk factors for aggressive behavior in minors with delinquent behavior, have not reached the age of criminal responsibility]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2016. № 3. URL: http://psyjournals.ru/files/82924/psyandlaw_2016_3_Martinova.pdf (Accessed 28.04.2017). <http://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2016060307>. (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Meshkova N.V. Issledovanie lichnostnykh i situativnykh osobennostei mezhgruppovoi predubezhdennosti [Study of personal and situational features of intergroup prejudice]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*, 2012. № 1. pp. 73–87.
16. Mukhametova A.A., Tatlybaeva I.M., Uzembaeva G.I. Kharakteristika lichnosti prestupnika ekstremistskoi deyatelnosti [Characteristics of the perpetrator of extremist activity]. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno– prakticheskoi konferentsii «Voprosy evolyutsii i pravovoi mysli cheloveka» (g. Ufa, 10 dekabrya 2014 g.) [Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference "Problems of Human Evolution and Legal Thought"]*. Ufa: Aeterna, 2014. pp. 26– 28.
17. Rean A.A. Podrozkovaya subkul'tura – zona potentsial'nykh riskov [Teenage subculture – a zone of potential risks]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2012. № 4. pp. 5–10.
18. Ryabinskaya T.S. Molodezhnyi ekstremizm: sushchnost', spetsifika, sotsial'nyi kontekst [Youth extremism: essence, specificity, social context]. *Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno– prakticheskoi konferentsii «Sotsial'no– ekonomicheskie instituty i protsessy v sovremennom obshchestve» (g. Novocherkassk, 17– 18 maya 2016 g.) [Collection of scientific articles on the materials of the international scientific and practical conference "Socio– economic institutions and processes in modern society"]*. Novocherkassk: Yuzhno– Rossiiskii gosudarstvennyi politekhnicheskii universitet (NPI) imeni M. I. Platova, 2016. pp. 233– 238.
19. Sedykh N.S. Sotsial'no– psikhologicheskie osobennosti propagandy ekstremizma i terrorizma posredstvom internet [Socio– psychological features of propaganda of extremism and terrorism through the Internet]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*, 2013. № 2. pp. 137–145.
20. Skulkina E.N. Individual'no– psikhologicheskie determinanty formirovaniya sotsial'nykh ustanovok ksenofobii u podrozkov [Individually– psychological determinants of the formation of social attitudes of xenophobia in adolescents]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psycho– pedagogy in law enforcement agencies]*, 2015. № 1(60). pp. 58– 60.

21. Stadnikov M.G., Shcheglov A.A. Problema issledovaniya sotsial'no- psikhologicheskikh osobennostei lits, sovershivshikh tyazhkie i osobo tyazhkie prestupleniya po ideologicheskim motivam [Elektronnyi resurs] [The problem of research on the socio-psychological characteristics of persons who have committed serious and heinous crimes of violence for ideological reasons]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological science and education psyedu.ru], 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_1_Shcheglov.pdf (Accessed 28.04.2017). <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2014060128>. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Fedotova E.S. Osobennosti psikhokorreksionnoi raboty s litsami, osuzhdennymi za ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' [Features of psychocorrectional work with persons convicted of extremist and terrorist activities]. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal* [International penitentiary journal], 2015. № 1. pp. 114– 117.
23. Khakimova S.V. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu yavleniya ksenofobii [Theoretical approaches to the study of the phenomenon of xenophobia]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2015. № 11 (61): v trekh chastyakh. Ch. III. pp. 189– 191.
24. Kharchenko A.A., Zaslonkina O.V., Drovnikova O.N. Ekstremizm i ksenofobiya kak protestnyi mekhanizm sotsial'nogo autsajderstva molodezhi [Extremism and xenophobia as a protest mechanism of social outsidership of youth]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Srednerussky vestnik social sciences], 2015. № 2. pp. 92– 100.
25. Khomyachenkova O.A. K voprosu o molodezhnom ekstremizme v Rossii i ego preduprezhdenie [On the issue of youth extremism in Russia and its prevention]. *Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno- prakticheskoi konferentsii «Sovremennaya Yurisprudentsiya: Aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya»* (g. Ufa, 10 sentyabrya 2015 g.) [Collection of scientific papers on the results of international scientific- practical conference "Modern Jurisprudence: Current issues and prospects of development"]. Ufa: Innovatsionnyi tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki, 2015. pp. 60– 62.
26. Khukhlaev O.E., Minazova V.M., Pavlova O.S., Zykov E.V. Sotsial'naya identichnost' i etnonatsional'nye ustanovki studencheskoi molodezhi Chechni [Social Identity and Ethnonational Institutions of Student Youth in Chechnya]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015. T. 6. № 4. pp. 23– 40.
27. Shevchenko O.M. Ksenofobiya v istorii Rossii: faktory formirovaniya i dominiruyushchie vidy [Xenophobia in the history of Russia: factors of formation and dominant species]. *Istoricheskaya i sotsial'no- obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio- educational thought], 2013. № 5 (21). pp. 322– 326.
28. Yurasova E.N. Psikhologiya ksenofobii [Psychology of xenophobia]. *Aktual'nye problemy nauki: IGUMO i IT kak issledovatel'skii tsentr* [Actual problems of science: IGUMO and IT as a research center], 2014. № 17. pp. 154– 157.

Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек¹

Качаева М. А., доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (*mkachaeva@mail.ru*)

Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России; профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (*edozortseva@mail.ru*)

Нуцкова Е. В., научный сотрудник, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (*nuckova@gmail.com*)

Статья посвящена теоретическому анализу последствий домашнего насилия в отношении женщин и девочек. В первой части работы со ссылками на научные источники и статистические сведения обосновывается актуальность и практическая значимость изучения данной проблемы. Описаны социодемографические и психологические особенности семей, в которых применяются различные виды насилия. Дается обзор отечественных и зарубежных подходов и исследований, в фокусе которых находятся клинические, психологические и социальные последствия перенесенного домашнего насилия. Выявлены особенности проявления, факторы и динамика отсроченных последствий внутрисемейного насилия у женщин и девочек. Показано многообразие возникающих посттравматических реакций. Делается вывод о высокой латентности преступлений внутри семьи и трудностях выявления последствий данного вида правонарушений. Указывается на необходимость междисциплинарного сотрудничества для повышения эффективности профилактики и реабилитации жертв внутрисемейного насилия.

Ключевые слова: внутрисемейное насилие, сексуальное насилие, домашнее насилие, партнерское насилие, женщины-жертвы, девочки-жертвы.

Для цитаты:

Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 110-126.

¹ Исследование поддержано проектом РФФИ №16-06-00314

doi: 10.17759/psylaw.207073109

For citation:

Kachaeva M.A., Dozortseva E.G., Nuckova E.V. The long-term effects of domestic violence against women and girls. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017(7), no. 3. pp. 110-126.
doi: 10.17759/psylaw.2017070309

Введение

Домашнее или внутрисемейное насилие это отклоняющееся поведение включающее насилие или злоупотребление, применяемое одним членом семьи в отношении другого (в официальном браке или партнерстве). К нему относят насилие внутри пары, насилие над детьми со стороны взрослых, насилие среди детей. Домашнее насилие может включать, помимо физической и сексуальной агрессии, психологическое и экономическое давление. В современной России внутрисемейное насилие становится одной из самых распространенных форм криминального поведения. По данным Министерства внутренних дел РФ, 40% всех насильственных преступлений совершаются в семье. При этом наблюдается выраженный гендерный характер насилия. Около 70% жертв преступных посягательств в интимных или семейных отношениях – женщины и девочки. По результатам опроса Росстата, проведенного в 2013 г., почти 80% женщин хоть раз в жизни сталкивалось с проявлениями психологического насилия со стороны мужа, а каждая пятая опрошенная страдала от физической агрессии, при этом за медицинской или правовой помощью обратилось только 12%. Начиная с 2014 г., отмечается увеличение числа несовершеннолетних жертв криминального насилия. За период 2012–2015 гг. почти в 2 раза увеличилось количество преступлений против половой неприкосновенности детей и подростков. Из почти 11 тысяч потерпевших 690 несовершеннолетних пострадало от сексуальных действий со стороны близких и членов семей [6]. Кроме негативного влияния, оказываемого на актуальное состояние потерпевших, домашнее насилие имеет долгосрочные медицинские и социоэкономические последствия.

Социодемографические и психологические характеристики семей, в которых применяется домашнее насилие

Изучение семей, в которых женщины и девочки подвергаются различным видам криминального насилия, показывает, что существуют общие социодемографические и психологические характеристики, способствующие возникновению ситуации применения противоправных действий. Психологические особенности семей, применяющих в отношении своих детей жестокое обращение, характеризуются высоким уровнем супружеской конфликтности и низкой педагогической компетентностью. Родители, проявляющие криминальную агрессию, импульсивны, страдают различными видами психических расстройств, ранее сами подвергались жесткому обращению. К социодемографическим характеристикам можно отнести: низкий социальный статус семьи, нахождение одного из родителей в местах лишения свободы, статус беженцев, безработицу обоих или одного из родителей, отсутствие одного из родителей или наличие отчима/мачехи, зависимость одного из членов семьи от употребления ПАВ [2; 15; 42; 49; 60; 62].

Ситуацию применения домашнего насилия можно рассматривать как глубокое нарушение функционирования всей семейной системы [1; 41; 44]. Подобная дисфункциональность выступает как единственно доступный способ поддержания семьей ее существования, сохранения целостности и предотвращения распада. Внутрисемейное насилие осуществляет стабилизирующую (снижение напряжения и сохранение семьи) и контролирующую (доминирование и контроль одного члена семьи над другим) функции. Домашнее насилие в большом числе случаев наблюдается в семьях с очень жесткими внешними границами и внутрисемейным слиянием [9; 16; 30; 43; 47].

Клинико-психологические последствия домашнего насилия в отношении женщин и девочек

Изучение особенностей и последствий взаимодействия жертвы и насильника проводилось в основном в рамках виктимологических исследований.

В 1979 г. исследователем L. Walker была разработана теория «цикла насилия», объясняющая возникновение и динамику насилия в партнерских отношениях. Теория «цикла насилия» включает несколько этапов.

1. Эскалация конфликта. На этом этапе можно наблюдать отдельные приступы раздражительности и агрессии в вербальной форме. Жертва старается оправдать поведение насильника и всячески задобрить его. Насильник объясняет свое поведение тем, что жертва сама его провоцирует.

2. Насильственный инцидент. Агрессия приобретает открытые формы. Физическое и сексуальное насилие сопровождается обвинениями, угрозами, яростью и вспышками гнева.

3. Примирение. Конфликт затухает, и на этом этапе насильник испытывает подобие вины.

4. «Медовый месяц». Отношения насильника и жертвы возвращаются к первоначальным. Поведение агрессора становится заботливым и нежным, жертва, в свою очередь, забывает о насилии и надеется, что цикл не повторится.

Повторение всех четырех этапов становится закономерностью взаимоотношений жертвы и насильника, с течением времени применяемые агрессивные действия становятся все более интенсивными и повторяются через все более короткие промежутки времени [71].

В.А. Van der Kolk (1996) указывает на то, что пережившие насилие и пренебрежение женщины и девочки склонны к формированию так называемой травматической привязанности к своим обидчикам. Именно травматическая привязанность является причиной, по которой жертвы склонны искать оправдание своим обидчикам и редко обращаются за помощью [70].

Изучение особенностей взаимодействия жертвы с агрессором проходит в рамках виктимологических исследований. Выделяют виктимность как личностную черту и виктимное поведение как приобретенную характеристику. Как отечественные, так и зарубежные авторы указывают на то, что риск повторно подвергнуться сексуальному

насилию в два раза выше для людей ставших жертвами сексуального насилия в детском возрасте [24; 27; 28; 56; 65; 68].

Не все жертвы жестокого обращения, демонстрируют какие-либо последствия пережитого. Примерно у одной трети потерпевших не отмечается отсроченных психологических последствий. На процесс адаптации и совладания влияют как внутренние, личностные, характеристики, так и характеристики среды [4; 22; 36; 37; 45; 52; 61; 62].

При этом сексуальное насилие, перенесенное в детстве называют основным неспецифичным фактором риска для возникновения психопатологии. Среди женщин с пограничным личностным расстройством 67% имели опыт жестокого обращения в детстве [17; 25; 50; 59].

При выявлении и описании развивающихся вследствие пережитого сексуального насилия психических расстройств чаще всего используют динамический подход, при котором прослеживается этапность в их формировании. В криминальной ситуации у большинства потерпевших возникает острая реакция на стресс (F43.0); в посткриминальной и следственной ситуациях наиболее часто – депрессивные реакции (F43.2), фобические тревожные расстройства (F40), посттравматическое стрессовое расстройство (F43.1), смешанное расстройство эмоций и поведения (F43.25) [3; 5; 10; 23]. По разным данным, дети, пережившие жестокое обращение, длящееся больше года, от 20 до 73% случаев страдали посттравматическим личностным расстройством [29; 31; 38; 40; 51].

Все психологические последствия криминального насилия можно разделить на непосредственные (ближайшие) и отсроченные.

К непосредственным психологическим последствиям относят следующие явления: чувства страха, изоляции, гнева, вины и стыда, ощущение предательства. Жертва может брать ответственность за ситуацию насилия на себя.

К отсроченным последствиям относятся следующие феномены

- Депрессия, тревога, нарушения сна.
- Низкая самооценка.
- Чувство собственной «испорченности», т. е. негативный образ тела из-за переживаемого чувства вины (особенно при телесных повреждениях, физической боли, соматических заболеваниях).
- Чувственная диссоциация.
- Социальная изоляция.
- Проблемы во взаимоотношениях, такие как невозможность установления доверительных отношений, низкие социальные навыки, закрытость в общении.
- Саморазрушающее поведение, такое как употребление психоактивных веществ или попытки самоубийства.

- Проблемы в сексуальной сфере, такие как ранняя сексуализация, страх перед сексом или близостью, беспорядочные половые связи и т. д.
- Преобладающие чувства гнева, вины или потерянности.
- Флэшбэки или/и панические атаки [7; 8; 13; 20; 21; 32; 33; 34; 46;48].

В последнее время можно наблюдать интерес исследователей к проблеме влияния пережитого насилия и злоупотребления на когнитивные способности потерпевших. Масштабное исследование, включающее обследование как несовершеннолетних, так и взрослых испытуемых, имеющих опыт неблагоприятного детства, показало, что любой вид насилия действует как триггер, запускающий изменения в физиологических и нейробиологических процессах и приводящий к стойким нарушениям в структурах мозга. Для взрослых, которые в детстве были жертвами длительного жестокого обращения, характерен значительно меньший объем серого вещества мозга, а вследствие этого когнитивный и аффективный дефект [58]. В ходе исследований, посвященных гендерным различиям в психофизиологических реакциях на стрессовые события, проведенных в Стэнфордском Университете США, было обнаружено, что у девочек с диагностированным посттравматическим стрессовым расстройством, по сравнению с мальчиками с тем же диагнозом и здоровыми девочками, объем передней островковой круговой борозды меньше и по объему, и по площади [57]. К.А. Agnew-Blais и А. Danese (2016) в своем исследовании подтвердили результаты предыдущих исследований, свидетельствующих о том, что детский опыт внутрисемейного насилия влияет на нейробиологические процессы в мозге; помимо этого, они провели зависимость между этими изменениями, развитием биполярного аффективного расстройства и суицидальным поведением [39].

Исследования взрослых испытуемых, перенесших насилие в детском и подростковом возрасте, показали, что в будущем для них характерны проблемы с обучением, низкий социально-экономический статус и отсутствие работы, ревиктимизация, проблемы с воспитанием собственных детей [12; 18; 26; 66; 69; 72]. Жесткое обращение, пережитое в детстве, как со стороны членов семьи, так и сверстников, является прогностическим фактором проявления насилия бывшей жертвы по отношению к своему партнеру или детям. Среди правонарушителей-рецидивистов также высок процент людей, подвергшихся насилию или жестокому обращению [11; 14; 19; 35; 63; 53; 54; 55; 67].

Заключение

Можно заключить, что внутрисемейное или домашнее насилие, без сомнения, является травматическим событием, которое может вызвать негативные психологические реакции, психогенные состояния, а в особо тяжелых случаях приводит к аномальному развитию личности. Очевидно, что наиболее полный и глубокий анализ психического состояния жертвы возможен только с привлечением ряда специалистов: психиатров, психологов, сексологов, врачей общего профиля.

Развитие новых методов и критериев диагностики и экспертной оценки последствий пережитого домашнего насилия имеет значение для решения вопросов, возникающих в рамках судебно-следственных действий, для реабилитации пострадавших, а также для профилактики ревиктимизации жертв преступных посягательств.

Литература

1. *Абрамов Н.К.* Семья и проблемы «внутрисемейной» жестокости // Агрессия и жестокость. СПб.: Питер, 2005. С. 104–109.
2. *Алексеева И.А., Новосельский И.Г.* Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. 2-е изд. М.: Генезис, 2010. 272 с.
3. *Бадмаева В.Д.* Клиника и судебно-психиатрическое значение психогенных расстройств у детей и подростков – жертв сексуального насилия: дисс. ...канд. мед. наук. М., 2003. 266 с.
4. *Бадмаева В.Д.* Последствия сексуального насилия у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2009. Т. 109. № 12. С. 34–37.
5. *Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В.* Психические расстройства у детей и подростков, возникающие в результате преступлений сексуального характера (клинические и клинико-психологические аспекты) // Российский психиатрический журнал. 2014. № 3. С. 33–40.
6. *Бастрыкин А.И.* Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.
7. *Васильченко Г.С.* Общая сексопатология. М.: Медицина, 1977. 488 с.
8. *Гаямова С.Ю.* Особенности самосознания подростков, подвергающихся жестокому обращению в семье: дисс. ...канд. психол. наук. М., 2012. 200 с.
9. *Григович И.Н.* Синдром жестокого обращения с ребенком. Диагностика. Помощь. Предупреждение. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2012. 184 с.
10. *Гурьева В.А., Морозова Н.Б.* Острые аффективные реакции у несовершеннолетних с психогенным развитием личности (клиника, диагностика, судебно-психиатрическая оценка): метод. рекомендации. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 1990. 16 с.
11. *Дозорцева Е.Г.* Соматическая психотерапия травмы у девиантных девочек-подростков // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1. С. 81–91.
12. *Дозорцева Е.Г.* Психологическая травма у подростков с проблемами в поведении. Диагностика и коррекция. М.: Генезис, 2007. 128 с.
13. *Дозорцева Е.Г.* Психическая травма и социальное функционирование девочек-подростков с делинквентным поведением // Российский психиатрический журнал. 2006. № 4. С.12–16.
14. Защита детей от насилия и жестокого обращения: рабочая книга / Под ред. Е.Н. Волковой, Т.Н. Балашовой. Н. Новгород: Изд-во ООО «Папирус», 2004. 165 с.

15. *Здравомыслова Е.М.* Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания // Человек и семья: Мат-лы науч.-практич. конф. М.: Социальная педагогика, 2000. С. 18–25.
16. *Зырина А.И., Индейкина Т.Л.* Предотвращение жестокого обращения с детьми в семье: метод. пособие. Пермь: Ресурс, 2009. 109 с.
17. *Ильина С.В.* Эмоциональный опыт насилия и пограничная личностная организация при расстройствах личности: дис... канд. психол. наук. М., 2000. 241 с.
18. *Качаева М.М., Дозорцева Е.Г., Качнова Н.А., Русина В.В.* Особенности психических расстройств и психологических проблем у осужденных девочек-подростков, перенесших насилие и совершивших агрессивные правонарушения // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология. Вып.6 / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2009. С.123–137.
19. *Качаева М.М., Русина В.В., Сатьянова Л.С.* Клинико-социальные факторы риска и судебно-психиатрическая оценка психического состояния женщин, жестоко обращавшихся со своими детьми («избивающие матери») // Российский психиатрический журнал. 2011. № 2. С. 25–30.
20. *Каюда Г.П., Луковцева З.В., Гаямова С.Ю.* Жестокое обращение с несовершеннолетними: идентификация и оценка психологических последствий: метод. пособие. М.: Спутник+, 2007. 49 с.
21. *Каменсков М.Ю., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В.* Комплексная оценка тяжести вреда здоровью потерпевших: современное состояние проблемы // Российский психиатрический журнал. 2015. № 3. С. 4–12.
22. *Ковалев В.В.* Психиатрия детского и подросткового возраста. М.: Медицина. 1979. 608 с.
23. *Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В.* Комплексная психолого-психиатрическая оценка психического состояния и основы социально-медицинского сопровождения детей, пострадавших от сексуального насилия: метод. рекомендации // Психическое здоровье. 2013.Т. 11. № 10 (89). С. 3–10.
24. *Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
25. *Марголина И.А., Проселкова М.Е., Козловская Г.В.* Психические нарушения у детей раннего возраста, подвергшихся жестокому обращению // Журн. неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2002. Т. 102. № 5. С. 54–56.
26. *Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р.* Основы сексологии. М.: Мир, 1998. 721 с.
27. *Морозова Н.Б.* Психические расстройства у несовершеннолетних – жертв сексуального насилия (клиника, возрастные особенности, судебно-психиатрическое значение): дисс. ... д-ра. мед. наук. М., 1999. 339 с.

28. Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности малолетних и несовершеннолетних давать показания (Психол. аспект): дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995. 205 с.
29. Психология посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. Практическое руководство / Под ред. Н.В. Тарабриной. М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.
30. Синягина Н.Ю. Жестокость в современных семьях // Беспризорник. 2003. № 2. С. 21–24.
31. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
32. Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Догадина М.А. Онтогенетические механизмы формирования способности к восприятию гендерных качеств у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // Российский Психиатрический Журнал. 1999. № 2. С. 13–18.
33. Трубицина Л.В. Процесс травмы. М.: Смысл, 2005. 218 с.
34. Фурманов И.А., Фурманова Н.В. Психология депривированного ребенка. М.: ВЛАДОС, 2004. 319 с.
35. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей. М.: Владос, 2003. 272 с.
36. Цыганков Б.Д., Тюнева А.И., Былим А.И. Психические расстройства у жертв насилия и их медико-психологическая коррекция. М.: Медицина, 2006. 174 с.
37. Шигашов Д.Ю. Реабилитация детей и подростков, пострадавших от сексуального насилия. СПб.: Наука и техника, 2010. 240 с.
38. Шостакович Б.В., Парфентьева О.В. Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних потерпевших: метод. рекомендации. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 1977. 15с.
39. Agnew-Blais J., Danese A. Childhood maltreatment and unfavorable clinical outcomes in bipolar disorder: a systematic review and meta-analysis // The Lancet Psychiatry. 2016. Vol. 3. P. 342–349.
40. Alexander P.C., Teti L., Anderson C.L. Childhood sexual abuse history and role reversal in parenting // Child Abuse Negl. 2000. Vol. 24. P. 829–38.
41. Alexander P.C. and Lupfer S.L. Family characteristics and long-term consequences associated with sexual abuse // Archives of Sexual Behavior. 1987. Vol. 16. P. 235–245.
42. Banyard V. Childhood maltreatment and the mental health of low-income women // American Journal of Orthopsychiatry. 1999. Vol. 69. P. 161–171.
43. Cigno K. Helping to prevent abuse: A behavioral approach with families // V European

Conference on Child Abuse and Neglect. 1995. P. 14.

44. *Cyr M, Wright J, McDuff P, Perron A.* Intrafamilial sexual abuse: brother-sister incest does not differ from father-daughter and stepfather-stepdaughter incest // *Child Abuse and Neglect.* 2002. Vol. 26 (9). 957–73.
45. *Claussen A.H., Crittenden P.M.* Physical and psychological maltreatment: Relations among types of maltreatment // *Child Abuse and Neglect.* 1991. Vol. 15. № 1/2. P. 5–18.
46. *Everson M., Hunter W., Runyon D., Edelsohn G. and Coulter M.* Maternal support following disclosure of incest // *American Journal of Orthopsychiatry.* 1989. Vol. 59 (2). P. 197–207.
47. *Felitti V.J., Anda R.F., Nordenberg D., Williamson D.F., Spitz A.M., Edwards V. et al.* Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults: The adverse childhood experiences (ACE) study // *American Journal of Preventive Medicine.* 1998. Vol. 14(4). P. 245–258.
48. *Finkelhor D.* Early and long-term effects of child sexual abuse: An update // *Professional psychology.* 1990. Vol. 21. P. 325–330.
49. *Finkelhor D., Ormrod R. et al.* Re-victimization patterns in a national longitudinal sample of children and youth. // *Child Abuse and Neglect.* 2007. Vol. 31. P. 479-502.
50. *Garnefski, N., & Diekstra, R. F. (1997).* Child sexual abuse and emotional and behavioral problems in adolescence: Gender differences. *Journal of American Academy of Child & Adolescent Psychiatry, 36 , 323-9.*
51. *Helzer J.E., Robins L.N., McEvoy L.* Posttraumatic stress disorder in the general population // *New England Journal of Medicine.* 1987. V. 317. P. 1630-1634.
52. *Herrenkohl E., Herrenkohl R. and Egolf B.* Resilient early school-age children from maltreating homes: Outcomes in late adolescence // *American Journal of Orthopsychiatry.* 1994. Vol. 64 (2). P.301–309.
53. *Hooper C.A., Koprowska J.* The vulnerabilities of children whose parents have been sexually abused in childhood – towards a new framework // *British Journal of Social Work.* 2004. Vol. 34. P. 65–180.
54. *Kempe C.H. et al.* The Battered Child Syndrome // *Journal of the American Medical Association.* 1962. Vol. 181. P. 17–24.
55. *Kempe R., Kempe C.H.* The common secret: sexual abuse of children and adolescent. N.Y.: W.H. Freeman, 1983. 428 p.
56. *Kendall-Tackett K.A., Williams L.M., Finkelhor D.* Impact of sexual abuse on children: A review and synthesis of recent empirical studies // *Psychological Bulletin.* 1993. № 113.
57. *Klabunde M., Weems C.F., Raman M.* The moderating effects of sex on insula subvison structure in youth with posttraumatic stress symptoms // *Depression and Anxiety.*

2016. Vol. 34. P. 51–58.

58. Lim L., Radua J., Rubia K. Gray matter abnormalities in childhood maltreatment: a voxel-wise meta-analysis // *American Journal of Psychiatry*. 2014. Vol. 8. № 171. P. 1–10.
59. *Mannarino A.P., Cohen J.A. and Gregor M.* Emotional and behavioral difficulties in sexually abused girls // *Journal of Interpersonal Violence*. 1989. Vol. 4. P. 437–451.
60. *Paradise J.E., Roset L., Sleeper L.A., Nathanson M.* Behavior, family function, school performance and predictors of persistent disturbance in sexually abused children // *Pediatrics*. 1994. Vol. 93. P. 452–459.
61. *Putnam F.* Ten year research update review: child sexual abuse // *Journal of the American Academy of Child Adolescent Psychiatry*. 2003. Vol. 42. P. 269–278.
62. *Ray K.C., Jackson J.L., Townsley R.M.* Family environments of victims of intrafamilial and extrafamilial child sexual abuse // *Journal of Family Violence*. 1991. Vol. 6. P. 365–374.
63. *Russel D.* The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // *Child Abuse & Negl.* 1983. Vol. 7. P. 133–146.
64. *Seto M.C., Babehishin K.M., Pullman L.E.* The puzzle of intrafamilial child sexual abuse: A meta-analysis comparing intrafamilial and extrafamilial offenders with child victims // *Clinical psychology review*. 2015. Vol. 39. P. 42-57.
65. *Simon V.A., Feiring C., Kobielski McElroy S.* Making meaning of traumatic events: youths' strategies for processing childhood sexual abuse are associated with psychosocial adjustment // *Child Maltreatment*. 2010. Vol 15. № 3. P. 229–241.
66. *Simpson T.L.* Concomitance between childhood sexual and physical abuse and substance use problems. A review / T.L. Simpson, W.R. Miller // *Clin. Psychol. Rev.* 2002. Vol. 22. № 1. P. 27–77.
67. *Steel B.F., Pollock C.B.* A Psychiatric study of parents who abuse infants and small children // R.E. Helfer, C.H. Kempe (Eds.). *The battered child*. Chicago: University of Chicago Press, 1968. 560 p.
68. Tsai M., Wagner N. Therapy groups for women sexually molested as children // *Achives of Sexually Behaviour*. 1978. Vol. 7. P. 417–429.
69. Ullman S.E., Brecklin L.R. Sexual assault history and suicidal behavior in a national sample of women // *Suicide and life threatening behavior*. 2002. Vol. 32. P. 117–130.
70. *Van der Kolk B.A., McFarlane A.C., Weisaeth L. (editors).* *Traumatic Stress: the effects of overwhelming experience on mind, body and society*. New York: Guilford Press, 1996. 367 p.
71. *Walker L.E.* *The battered woman*. N.Y.: Harper and Row, 1979. 469 p.
72. *Zielinski D.* Child maltreatment and adult socioeconomic well-being // *Child Abuse and Neglect*. 2009. Vol. 33. P. 666–678.

The long-term effects of domestic violence against women and girls²

Kachaeva M.A., Doctor of Medical Sciences, Professor, Chief researcher, V. Serbsky NMCRCPN (mkachaeva@mail.ru)

Dozortseva E.G., Doctor of Psychology, Professor, head of Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V. Serbsky NMCRCPN, Professor, Chair for Legal, Forensic Psychology and Law of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (edozortseva@mail.ru)

Nutskova E.V., Researcher, V. Serbsky NMCRCPN (nuckova@gmail.com)

The article is devoted to theoretical analysis of the impact of domestic violence against women and girls. In the first part of the work with reference to scientific sources and statistical data substantiates the urgency and practical significance to study this problem. Described the sociodemographic and psychological characteristics of families that use various kinds of violence. Provides an overview of domestic and foreign approaches and research focused on clinical, psychological and social consequences of domestic violence. The peculiarities of manifestation, the factors and dynamics of the delayed effects of domestic violence in women and girls. Showing the diversity arising post-traumatic reactions. The conclusion about the high latency of crimes within the family and the difficulties of identifying the effects of this type of offences. Indicates the need for interdisciplinary cooperation to improve the effectiveness of the prevention and rehabilitation of victims of domestic violence.

Key words: domestic violence, sexual abuse, partner violence, women-victims of domestic violence, girls-victims of domestic violence.

References

1. Abramov N.K. Sem'ja i problemy «vnutrisemejnoj» zhestokosti [Family and the problem of "domestic" violence] // *Agressija i zhestokost' [Aggression and violence]*. Saint-Petersbourg: Publ. Piter, 2005. pp. 104–109.
2. Alekseeva I.A., Novosel'skij I.G. Zhestokoe obrashhenie s rebenkom. Prichiny. Posledstvija. Pomoshh' [Cruelty to a child. Reasons. Consequences. Help]. Moscow: Publ. Genezis, 2010. 272 p.
3. Badmaeva V.D. Klinika i sudebno-psihiatricheskoe znachenie psihogennyh rasstrojstv u detej i podrostkov – zhertv seksual'nogo nasilija: Diss. ...kand. med. nauk. [Clinic and forensic psychiatric significance of psychogenic disorders in children and adolescents victims of sexual violence. Ph. D. (Medicine) Thesis] Moscow, 2003. 266 p.

² *The study is supported by project of RFBR №16-06-00314*

4. Badmaeva V.D. Posledstviya seksual'nogo nasiliya u detei i podrostkov [The consequences of sexual violence in children and adolescents]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of neurology and psychiatry named after S. S. Korsakov]. 2009. no. 12. pp. 34-37. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Badmaeva V.D., Dozorceva E.G., Chibisova I.A., Nuckova E.V. Psihicheskie rasstrojstva u detej i podrostkov, vznikajushhie v rezul'tate prestuplenij seksual'nogo haraktera (klinicheskie i kliniko-psihologicheskie aspekty) [Mental disorders in children and adolescents arising from sexual offences (clinical and clinical-psychological aspect)] // *Rossiiskij psichiatricheskij zhurnal*. [Russian journal of psychiatry] 2014. no. 3. pp. 33-40. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Bastrykin A.I. Prestuplenija protiv nesovershennoletnih v internet-prostranstve: k voprosu o viktimologicheskoj profilaktike i ugovovno-pravovoj ocenke [Crimes against minors in the Internet space: the question of victimological prevention and criminal justice] // *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal* [Russian criminological journal]. 2017. Vol. 11. no. 1. pp. 5-12. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Vasil'chenko G.S. Obshhaja seksopatologija [Common sexual pathology]. Moscow: Publ. Medicina, 1977. 488 p.
8. Gajamova S.Ju. Osobennosti samosoznaniya podrostkov, podvergajushhihsja zhestokomu obrashheniju v sem'e: Diss. ...kand. psihol. nauk. [Features of consciousness of adolescents who are abused in the family. Ph.D. (Psychology) Thesis] Moscow, 2012. 200 p.
9. Grigovich I.N. Sindrom zhestokogo obrashhenija s rebenkom. Diagnostika. Pomoshh'. Preduprezhdenie [The syndrome of cruel treatment with the child. Diagnosis. Help. Warning]. Moscow: Publ. Nacional'nyj fond zashhity detej ot zhestokogo obrashhenija, 2012. 184 p.
10. Gur'eva V.A., Morozova N.B. Ostrye affektivnye reakcii u nesovershennoletnih s psihogennym razvitiem lichnosti (klinika, diagnostika, sudebno-psichiatricheskaja ocenka): metod.rekomendacii [Acute affective responses in juveniles with psychogenic personality development (clinic, diagnostics, forensic-psychiatric assessment)]. Moscow: Publ. GNC SSP im. V.P. Serbskogo, 1990. 16 p.
11. Dozorceva E.G. Somaticheskaja psihoterapija travmy u deviantnyh devochek-podrostkov [Somatic psychotherapy trauma in deviant adolescent girls] // *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal* [Moscow psychotherapeutic magazine]. 2003. no. 1. pp. 81-91.
12. Dozortseva E.G. Psikhologicheskaya travma u podrostkov s problemami v povedenii. Diagnostika i korrektsiya [Psychological trauma in adolescents with behavior problems. Diagnosis and correction]. Moscow: Publ. «Genezis», 2007. 128 p.
13. Dozortseva E.G. Psikhicheskaya travma i sotsial'noe funkcionirovanie devochek-podrostkov s delinkventnym povedeniem [Mental trauma and the social functioning of adolescents with delinquent behavior] // *Rossiiskii psichiatricheskikh zhurnal* [Russian journal of psychiatry]. 2006. no. 4. pp.12-16. (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Zashhita detej ot nasilija i zhestokogo obrashhenija: rabochaja kniga / Pod red. E.N. Volkovoj, T.N. Balashovoj. N. [The protection of children from violence and abuse: workbook. In Volkova E.N., Balashova T.N. (ed.)]. Novgorod: Publ. OOO «Papyrus», 2004. 165 p.
15. Zdravomyslova E.M. Nasilie v sem'e i krizis tradicionnoj koncepcii vospitanija. Chelovek i sem'ja [Domestic violence and the crisis of the traditional concept of education]. Mat-ly nauch.-praktich. konf. "Chelovek I semya". [Proceedings of scientific-practical conference "Man and family"] Moscow: Publ. Social'naja pedagogika, 2000. pp. 18–25.
16. Zyrina A.I., Indejkina T.L. Predotvrashhenie zhestokogo obrashhenija s det'mi v sem'e: metod. Posobie [The prevention of cruelty to children in the family]. Perm': Publ. Resurs, 2009. 109 p.
17. Il'ina S.V. Jemocional'nyj opyt nasilija i pogranichnaja lichnostnaja organizacija pri rasstrojstvah lichnosti: Diss... kand. psihol. nauk [The emotional experience of the violence and borderline personality organization in personality disorders. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2000. 241 p.
18. Kachaeva M.M., Dozortseva E.G., Kachnova N.A., Rusina V.V. Osobennosti psikhicheskikh rasstrojstv i psikhologicheskikh problem u osuzhdennykh devochek-podrostkov, perenesshikh nasilie i sovershivshikh agressivnye pravonarusheniya [Features of mental disorders and psychological problems in convicted adolescent girls who have suffered violence and have committed aggressive offenses] // Sudebnaya psikhatriya. Penitentsiarnaya psikhatriya i psikhologiya [Forensic psychiatry. Penitentiary psychiatry and psychology]. In Dmitrieva T.B. (ed.) Moscow: Publ. FGU «GNT SSP Roszdrava», 2009. no.6. pp.123-137.
19. Kachaeva M.M., Rusina V.V., Sat'yanova L.S. Kliniko-sotsial'nye faktory riska i sudebno-psikhiatricheskaya otsenka psikhicheskogo sostoyaniya zhenshchin, zhestoko obrashchavshikhsya so svoimi det'mi («izbivayushchie materi») Clinical and social risk factors and forensic psychiatric assessment of the mental state of women, treated brutally with their children ("mother-beating"). *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian journal of psychiatry]*. 2011. №2. pp. 25-30. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Kajuda G.P., Lukovceva Z.V., Gajamova S.Ju. Zhestokoe obrashhenie s nesovershennoletnimi: identifikacija i ocenka psihologicheskikh posledstvij: metod. Posobie [The abuse of minors: identification and assessment of psychological consequences. Methodical manual]. Moscow: Publ. Sputnik+, 2007. 49 p.
21. Kamenskov M.Ju., Badmaeva V.D., Dozorceva E.G., Chibisova I.A., Nuckova E.V. Kompleksnaja ocenka tjazhesti vreda zdorov'ju poterpevshih: sovremennoe sostojanie problemy [A comprehensive assessment of the severity of the injury victims: modern state of problem] // *Rossiiskij psikhiatricheskij zhurnal [Russian journal of psychiatry]*. 2015. no. 3. pp. 4–12. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Kovalev V.V. Psihatrija detskogo i podrostkovogo vozrasta [Psychiatry of childhood and adolescence]. Moscow: Publ. Medicina. 1979. 608 p.
23. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozorceva E.G., Oshevskij D.S., Chibisova I.A., Nuckova E.V. Kompleksnaja psihologo-psikhiatricheskaja ocenka psihicheskogo sostojanija i osnovy social'no-medicinskogo soprovozhdenija detej, postradavshih ot seksual'nogo nasilija: metod. rekomendacii [Comprehensive psychological and psychiatric assessment

- of mental status and the Foundation for social and medical support of children victims of sexual violence: method. recommendations] // *Psihicheskoe zdorov'e* [Mental health]. 2013. Vol. 11. no. 10. pp. 3-10
24. Malkina-Pykh I.G. *Psikhologiya povedeniya zhertvy* [The psychology of the victim's conduct]. Moscow: Publ. Eksmo, 2006. 1008 p.
 25. Margolina I.A., Proselkova M.E., Kozlovskaja G.V. *Psihicheskie narusheniya u detej rannego vozrasta, podverghshisja zhestokomu obrashheniju* [Mental disorders in children of early age, victims of abuse] // *Zhurn. nevrologii i psihiatrii imeni S.S. Korsakova* [Journ. of neurology and psychiatry named after S. S. Korsakov]. 2002. Vol. 102. no. 5. pp. 54–56. (In Russ., abstr. in Engl.).
 26. Masters U., Dzhonson V., Kolodni R. *Osnovy seksologii* [Basics of sexology]. Moscow: Publ. Mir, 1998. 721 p.
 27. Morozova N.B. *Psihicheskie rasstrojstva u nesovershennoletnih – zhertv seksual'nogo nasiliya (klinika, vozrastnye osobennosti, sudebno-psihiatricheskoe znachenie)*. Diss. ... d-ra. med. Nauk [Mental disorders in minors – victims of sexual violence (the clinic, age particularities, judicial-psychiatric value). Dr. Sci. (Medicine) diss.]. Moscow, 1999. 339 p.
 28. Morozova M.V. *Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza sposobnosti maloletnih i nesovershennoletnih davat' pokazaniya (Psihol. aspekt): diss. ... kand. psihol. nauk* [Complex judicial psihologo-psychiatric examination of minors and minors ' ability to testify (the Course of studies. aspect). Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1995. 205 p.
 29. *Psihologija posttravmaticheskogo stressa*. Ch. 1. *Teorija i metody. Prakticheskoe rukovodstvo* [Psychology post-traumatic stress. Part 1. Theory and methods. A practical guide] In Tarabrina N.V. (ed.). Moscow: Publ. Kogito-Centr, 2007. 208 p.
 30. Sinjagina N.Ju. *Zhestokost' v sovremennyh sem'jah* [Cruelty in modern families] // *Besprizornik [Waif]*. 2003. no. 2. pp. 21–24.
 31. Tarabrina N.V. *Praktikum po psihologii posttravmaticheskogo stressa* [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. Saint-Petersbourg: Publ. Piter, 2001. 272 p.
 32. Tkachenko A.A., Dvorjanchikov N.V., Dogadina M.A. *Ontogeneticheskie mehanizmy formirovaniya sposobnosti k vosprijatiju gendernyh kachestv u nesovershennoletnih zhertv seksual'nogo nasiliya* [Ontogenetic mechanisms of formation of ability to perceive the gender of juvenile sexual assault victims] // *Rossijskij Psihiatricheskij Zhurnal [Russian Journal of psychiatry]*. 1999. no. 2. pp. 13–18. (In Russ., abstr. in Engl.).
 33. Trubicina L.V. *Process travmy* [The process of injury]. Moscow: Publ. Smysl, 2005. 218 p.
 34. Furmanov I.A., Furmanova N.V. *Psikhologiya deprivirovannogo rebenka* [Psychology deprivileging child]. Moscow: Publ. VLADOS, 2004. 319 p.
 35. Celujko V.M. *Psikhologija neblagopoluchnoj sem'i: kniga dlja pedagogov i roditelej* [The psychology of the dysfunctional family: a book for teachers and parents]. Moscow: Publ. Vlados, 2003. 272 p.

36. Tsygankov B.D., Tyuneva A.I., Bylim A.I. Psikhicheskie rasstroistva u zhertv nasiliya i ikh mediko-psikhologicheskaya korrektsiya [Mental disorders in victims of violence and their medical and psychological correction]. Moscow: Publ. Meditsina, 2006. 174 p.
37. Shigashov D.Ju. Reabilitacija detej i podrostkov, postradavshih ot seksual'nogo nasilija [Rehabilitation of children and adolescents victims of sexual violence]. Saint-Petersbourg.: Publ. Nauka i tehnika, 2010. 240 p.
38. Shostakovich B.V., Parfent'eva O.V. Sudebno-psihiatricheskaja jekspertiza nesovershennoletnih poterpevshih: metod. Rekomendacii [Forensic psychiatric examination of the minor victims]. Moscow: Publ. GNC SSP im. V.P. Serbskogo, 1977. 15p.
39. Agnew-Blais J., Danese A. Childhood maltreatment and unfavorable clinical outcomes in bipolar disorder: a systematic review and meta-analysis // The Lancet Psychiatry. 2016. Vol. 3. P. 342–349.
40. Alexander P.C., Teti L., Anderson C.L. Childhood sexual abuse history and role reversal in parenting // Child Abuse Negl. 2000. Vol. 24. P. 829–38.
41. Alexander P.C. and Lupfer S.L. Family characteristics and long-term consequences associated with sexual abuse // Archives of Sexual Behavior. 1987. Vol. 16. P. 235–245.
42. Banyard V. Childhood maltreatment and the mental health of low-income women // American Journal of Orthopsychiatry. 1999. Vol. 69. P. 161–171.
43. Cigno K. Helping to prevent abuse: A behavior approach with families // V European Conference on Child Abuse and Neglect. 1995. P. 14.
44. Cyr M, Wright J, McDuff P, Perron A. Intrafamilial sexual abuse: brother-sister incest does not differ from father-daughter and stepfather-stepdaughter incest // Child Abuse and Neglect. 2002. Vol. 26 (9). 957–73.
45. Claussen A.H., Crittenden P.M. Physical and psychological maltreatment: Relations among types of maltreatment // Child Abuse and Neglect. 1991. Vol. 15. № 1/2. P. 5–18.
46. Everson M., Hunter W., Runyon D., Edelsohn G. and Coulter M. Maternal support following disclosure of incest // American Journal of Orthopsychiatry. 1989. Vol. 59 (2). P. 197–207.
47. Felitti V.J., Anda R.F., Nordenberg D., Williamson D.F., Spitz A.M., Edwards V. et al. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading cause of death in adults: The adverse childhood experiences (ACE) study // American Journal of Preventive Medicine. 1998. Vol. 14(4). P. 245–258.
48. Finkelhor D. Early and long-term effects of child sexual abuse: An update // Professional psychology. 1990. Vol. 21. P. 325–330.
49. Finkelhor D., Ormrod R. et al. Re-victimization patterns in a national longitudinal sample of children and youth. // Child Abuse and Neglect. 2007. Vol. 31. P. 479-502.
50. Garnefski, N., & Diekstra, R. F. (1997). Child sexual abuse and emotional and behavioral problems in adolescence: Gender differences. Journal of American Academy of Child & Adolescent Psychiatry, 36 , 323-9.
51. Helzer J.E., Robins L.N., McEvoy L. Posttraumatic stress disorder in the general population // New England Journal of Medicine. 1987. V. 317. P. 1630-1634.

52. Herrenkohl E., Herrenkohl R. and Egolf B. Resilient early school-age children from maltreating homes: Outcomes in late adolescence // American Journal of Orthopsychiatry. 1994. Vol. 64 (2). P.301–309.
53. Hooper C.A., Koprowska J. The vulnerabilities of children whose parents have been sexually abused in childhood – towards a new framework // British Journal of Social Work. 2004. Vol. 34. P. 65–180.
54. Kempe C.H. et al. The Battered Child Syndrome // Journal of the American Medical Association. 1962. Vol. 181. P. 17–24.
55. Kempe R., Kempe C.H. The common secret: sexual abuse of children and adolescent. N.Y.: W.H. Freeman, 1983. 428 p.
56. Kendall-Tackett K.A., Williams L.M., Finkelhor D. Impact of sexual abuse on children: A review and synthesis of recent empirical studies // Psychological Bulletin. 1993. № 113.
57. Klabunde M., Weems C.F., Raman M. The moderating effects of sex on insula subvision structure in youth with posttraumatic stress symptoms // Depression and Anxiety. 2016. Vol. 34. P. 51–58.
58. Lim L., Radua J., Rubia K. Gray matter abnormalities in childhood maltreatment: a voxel-wise meta-analysis // American Journal of Psychiatry. 2014. Vol. 8. № 171. P. 1–10.
59. Mannarino A.P., Cohen J.A. and Gregor M. Emotional and behavioral difficulties in sexually abused girls // Journal of Interpersonal Violence. 1989. Vol. 4. P. 437–451.
60. Paradise J.E., Roset L., Sleeper L.A., Nathanson M. Behavior, family function, school performance and predictors of persistent disturbance in sexually abused children // Pediatrics. 1994. Vol. 93. P. 452–459.
61. Putnam F. Ten year research update review: child sexual abuse // Journal of the American Academy of Child Adolescent Psychiatry. 2003. Vol. 42. P. 269–278.
62. Ray K.C., Jackson J.L., Townsley R.M. Family environments of victims of intrafamilial and extrafamilial child sexual abuse // Journal of Family Violence. 1991. Vol. 6. P. 365–374.
63. Russel D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // Child Abuse & Negl. 1983. Vol. 7. P. 133–146.
64. Seto M.C., Babehishin K.M., Pullman L.E. The puzzle of intrafamilial child sexual abuse: A meta-analysis comparing intrafamilial and extrafamilial offenders with child victims // Clinical psychology review. 2015. Vol. 39. P. 42-57.
65. Simon V.A., Feiring C., Kobielski McElroy S. Making meaning of traumatic events: youths' strategies for processing childhood sexual abuse are associated with psychosocial adjustment // Child Maltreatment. 2010. Vol 15. № 3. P. 229–241.
66. Simpson T.L. Concomitance between childhood sexual and physical abuse and substance use problems. A review / T.L. Simpson, W.R. Miller // Clin. Psychol. Rev. 2002. Vol. 22. № 1. P. 27–77.
67. Steel B.F., Pollock C.B. A Psychiatric study of parents who abuse infants and small children // R.E. Helfer, C.H. Kempe (Eds.). The battered child. Chicago: University Of Chicago Press, 1968. 560 p.
68. Tsai M., Wagner N. Therapy groups for women sexually molested as children // Archives of Sexually Behaviour. 1978. Vol. 7. P. 417–429.

69. Ullman S.E., Brecklin L.R. Sexual assault history and suicidal behavior in a national sample of women // *Suicide and life threatening behavior*. 2002. Vol. 32. P. 117–130.
70. Van der Kolk B.A., McFarlane A.C., Weisaeth L. (editors). *Traumatic Stress: the effects of overwhelming experience on mind, body and society*. New York: Guilford Press, 1996. 367 p.
71. Walker L.E. *The battered woman*. N.Y.: Harper and Row, 1979. 469 p.
72. Zielinski D. Child maltreatment and adult socioeconomic well-being // *Child Abuse and Neglect*. 2009. Vol. 33. P. 666–678.

Динамика развития моральных суждений у кадетов

Корчагина О.В., магистрант кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (*korchaginaov93@gmail.com*)

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, доцент кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (*oshevsky@serbsky.ru*)

В статье представлены результаты эмпирического исследования динамики развития уровня моральных суждений у кадетов. Исследование проведено на базе ОГБОУ «Смоленский Фельдмаршала Кутузова кадетский корпус». Материалом послужили результаты обследования двух групп подростков, обучающихся в кадетском корпусе, представляющих младший и старший подростковый возраст. В выборки вошли следующие испытуемые: кадеты, только поступившие в кадетский корпус ($n=30$); кадеты, завершающие свое обучение ($n=30$). В качестве методик использовалось специально разработанное полуструктурированное интервью, моделирующее ситуации морального выбора. У кадетов выявлена положительная динамика в развитии моральных суждений и большая дифференцированность в оценках. Старших кадетов отличает тенденция к формированию более высокого – просоциального – уровня развития моральных суждений. Отмечено, что при проведении воспитательной работы усилия должны быть направлены на помощь воспитанникам в адаптации к новым социальным условиям, интеграции в кадетский коллектив.

Ключевые слова: военная психология, кадеты, моральные суждения, моральное сознание, развитие.

Для цитаты:

Корчагина О.В., Ошевский Д.С. Динамика развития моральных суждений у кадетов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). №3. С. 127-137. doi: 10.17759/psylaw.207070310

For citation:

Korchagina O.V., Oshevsky D.S. Dynamics of moral judgments of the cadets. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp. 127-137. doi: 10.17759/psylaw.2017070310

Введение

В России действует Федеральная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 201–2020 годы» [11]. Наиболее эффективно реализующими это направление работы являются общеобразовательные учреждения – кадетские школы и корпуса. В Федеральной программе подчеркивается, что внимание следует уделять не только военной подготовке, но и в развитию морально-нравственного потенциала будущих офицеров.

Исходя из данных современной военной психологии, наряду с формированием у военнослужащих профессиональных компетенций, большое значение имеет психологическая составляющая, включающая в себя адаптационную и коррекционную работу [4; 6]. Для кадетских корпусов, как и для военных учреждений, основополагающим правилом является соблюдение устава и поддержание дисциплины. Необходимым условием для этого становится усвоение внутренних норм и правил. Все это, в свою очередь, требует достаточного уровня морального развития.

Исследованию морального и нравственного развития посвящено достаточно большое количество научных трудов, как в зарубежной, так и в отечественной психологии [1-3; 5; 7-10; 12-15].

Анализ литературы показывает, что, как это ни парадоксально, эмпирических работ по изучению морального сознания, проведенных в русле военной психологии, крайне мало. Подростки, обучающиеся в кадетских школах и корпусах, в этом плане практически не исследовались. Вместе с тем определение особенностей их морального развития позволило бы очертить проблемные моменты, при необходимости проводить коррекционную и развивающую работу. Кроме того, выявленные закономерности также представляют ценность для юридической психологии. Выявленные на нормативной выборке возрастно-динамические особенности будут способствовать пониманию отклоняющегося развития у несовершеннолетних с различными видами социального неблагополучия, а, следовательно, ранней профилактике отклоняющихся форм поведения. Перечисленными обстоятельствами обусловлена актуальность проведенного исследования. Его целью стало выявление возрастной динамики моральных суждений у подростков-кадетов в период обучения в кадетском корпусе.

Материал, методы и дизайн исследования

Исследование проведено на базе Областного государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Смоленский Фельдмаршала Кутузова кадетский корпус». Материалом послужили результаты обследования двух групп подростков, обучающихся в кадетском корпусе, представляющих младший подростковый и старший подростковый возраст. В выборки вошли следующие испытуемые:

- кадеты, только поступившие в кадетский корпус – ученики 5-х классов (n=30) – гр. №1;
- кадеты, завершающие свое обучение в кадетском корпусе, – ученики 10–11-х классов (n=30) – гр. №2.

Средний возраст испытуемых: гр.№1 = 11,2 ± 0,5 лет, гр. №2 = 16,3 ± 0,7 лет.

При поступлении в кадетский корпус проводятся вступительные испытания, учитывающие как физическую, так и интеллектуальную подготовку подростков. Кадеты, обучающиеся в данном заведении, имеют высокий уровень ответственности. Каждый из них несет службу дневального, участвует в строевой и военной подготовке.

Для оценки уровня развития моральных суждений у кадетов было разработано полуструктурированное интервью. Методологической основой послужила концепция Л. Колберга о трехуровневом развитии моральных суждений (преконвенциональный, конвенциональный, постконвенциональный уровни) [1; 15], а также концепция Б.С. Братуся о стадиях формирования морального сознания [2].

Подобный метод анализа использовался в ряде психологических работ для качественной и количественной оценки уровня развития моральных суждений на разных группах испытуемых [3; 7].

Интервью представляет собой беседу по трем ситуациям, касающимся морально-нравственных и правовых аспектов обучения в кадетском корпусе. Ситуации, сформулированные в виде вопросов, представлены ниже.

- *При каких обстоятельствах можно нарушить правила несения службы дневальным?*
- *При каких обстоятельствах можно допустить нарушение кадетами, обучающимися в кадетском корпусе, правил внутреннего распорядка, «уход в самоволку»?*
- *При каких обстоятельствах при переводе с мирного на военное время возможно отказаться от участия в боевых действиях? По каким причинам это было бы допустимо?*

Ситуации подобраны с учетом возможности оценки дифференцированности моральных суждений у кадетов. Первая и вторая ситуации касаются правил поведения в кадетском корпусе. Причем вторая ситуация предполагает более серьезное взыскание в случае нарушения уставных норм. Третья ситуация описывает возможность отказа от участия в боевых действиях, что противоречит принятой присяге.

Интервью проводилось индивидуально с каждым кадетом. После вводной беседы задавались вопросы, которые начинались со слов «При каких обстоятельствах можно...». Испытуемый, в свою очередь, предлагал возможные варианты ответов, при которых допустимым или недопустимым, по его мнению, является нарушение тех или иных правил.

Качественная оценка ответов и отнесение их к определенной категории проводилась в соответствии с четырьмя уровнями развития моральных суждений [2; 7; 8]:

- эгоцентрического, если подросток ориентировался на свои желания и потребности;
- группоцентрического, если кадет руководствовался интересами ближайшего значимого окружения и референтной группы;

- просоциального, если ответ содержал ориентацию на общечеловеческие ценности;
- эсхатологического, если воспитанник в качестве аргументов приводил духовные ценности.

Количество ответов фиксировалось в индивидуальном протоколе, а затем переносилось в электронную карту обследования. Оценка общего уровня развития моральных суждений подсчитывалась путем суммирования результатов по каждой из трех ситуаций.

Для более полного изучения особенностей морально-нравственного развития кадетов проводился количественный и качественный анализ.

Верификация данных проводилась с помощью математико-статистических методов в программе Statistica 6.0 rus.

Результаты эмпирического исследования

Сравнительный анализ количественных показателей полуструктурированного интервью выявил ряд значимых различий в исследуемых группах (табл. 1).

Обнаружено, что кадеты, обучающиеся в пятых классах, в большинстве своем демонстрируют способность обосновывать ситуации, касающиеся правил несения службы в рамках кадетского корпуса, исходя из более низкого – эгоцентрического – уровня развития моральных суждений. Это значимо ($p < 0,05$) отличает их от кадетов, обучающихся в 10-11-х классах, для которых характерно в некоторых ситуациях преобладание группоцентрического и просоциального уровней. Эта особенность может быть связана с возрастными характеристиками первой группы. В младшем подростковом возрасте личностный эгоцентризм еще не преодолен и способность рассуждать с позиции другого человека развита недостаточно [10]. Кроме того, не исключено, что на характер моральных суждений оказывают влияние адаптационные процессы. Кадеты младшего возраста до поступления в корпус проживали дома с родителями, и новая обстановка, а именно необходимость подчинять свои интересы интересам других учеников, у них недостаточно сформирована.

Таблица

Уровень моральных суждений кадетов в зависимости от возраста (по данным полуструктурированного интервью)

Уровень моральных суждений по ситуациям	Группы		p (U-критерий Манна-Уитни)
	Младшие кадеты	Старшие кадеты	
Эгоцентрический, ситуация №1	1,77	1,03	0,001
Эгоцентрический, ситуация № 2	1,37	0,7	0,05
Эгоцентрический ситуация № 3	1,28	0,47	0,001
Эгоцентрический, интегративный показатель по всем ситуациям	4,4	2,2	0,001
Группоцентрический, ситуация №1	0,33	0,27	0,97
Группоцентрический, ситуация №2	0,53	0,53	0,73
Группоцентрический, ситуация №3	0,57	0,37	0,12
Группоцентрический, интегративный показатель по всем ситуациям	1,27	1,17	0,72
Просоциальный, ситуация №1	0,17	0,33	0,09
Просоциальный, ситуация №2	0,1	0,4	0,05
Просоциальный, ситуация №3	0,7	0,5	0,05
Просоциальный, интегративный показатель по всем ситуациям	0,9	1,2	0,77
Духовный, ситуация №1	0,00	0,03	0,32
Духовный, ситуация №2	0,00	0,00	1,00
Духовный, ситуация №3	0,07	0,13	0,39
Духовный, интегративный показатель по всем ситуациям	0,07	0,17	0,38

При анализе данных по ситуации 1 можно отметить, что у обеих групп преобладающим является эгоцентрический уровень развития моральных суждений, однако можно наблюдать качественные отличия при ответах младших и старших кадетов. Так, для группы 1 характерными и наиболее часто встречающимися причинами, по которым можно оставить пост дневального, являются желание поиграть с другими младшими подростками или «поиграть в телефоне», что, в свою очередь, непосредственно свидетельствует о преобладании игрового мотива. Для группы 2 наиболее часто встречающимися ответами являются желание просто отдохнуть, сходить в магазин за едой, погулять.

Сравнительное количественное исследование по ситуации возможности ухода в «самоволку» (ситуация 2) показало, что, как и в первом случае, преобладающим уровнем развития моральных суждений для обеих групп является эгоцентрический уровень, имеющий, однако, в двух группах качественные отличия. Наблюдается высокий показатель группоцентрического уровня и у старших, и у младших подростков. Ведущей деятельностью подросткового периода является общение. В результате развиваются более четкие представления о нормах поведения, вырабатываются критерии оценки себя и окружающих людей. Также формируется «кодекс товарищества», что в контексте кадетского корпуса является основополагающим принципом взаимодействия воспитанников и протекания их жизнедеятельности. Качественный анализ протоколов показал, что группоцентрический уровень моральных суждений у кадетов имеет различное содержание. Если для старших кадетов референтной группой выступают товарищи по корпусу, то для младших – это, как правило, члены семьи.

Пример 1. «Если моей маме или сестре понадобится помощь, то я уйду».

Пример 2. «Когда в семье кто-то сильно болеет и ему надо помочь, то лучше уйти в самоволку».

При ответах первой группы также имеется ориентация на избежание получения наказания и характерным является изменение своего решения после упоминания о последующих санкциях.

Пример 1. «Если накажут, то лучше остаться в корпусе, а если бы не наказывали, то можно было бы и уйти».

Такие ответы говорят о большей сформированности эгоцентрического уровня, несмотря на то, что имеется тенденция ориентации на референтную группу, в данном случае – семейное окружение. Во второй группе при упоминании о неизбежности наказания все испытуемые ответили, что готовы его понести, но не откажутся от помощи своим близким. Также старшие подростки упоминали о возможных последствиях для их воспитателей и в таком случае они предлагали просто договориться с ними, «чтобы ни у кого не было проблем». Понимание значимости уставных отношений, а также взаимответственности является ресурсом при проведении воспитательной работы.

Также наблюдается достоверное различие ($p < 0,05$) в исследуемых группах на просоциальном уровне развития моральных суждений. Качественный анализ высказываний группы 2 это подтверждает.

Пример 1. «Мы все приняли присягу, нужно исполнять свои обязанности».

Пример 2. «Если ты кадет и носишь погоны, то так поступать нельзя».

Ситуация 3 затрагивает нравственные аспекты обучения в кадетском корпусе и последующего несения воинской службы. Обнаружены достоверные различия ($p < 0,05$) в исследуемых группах по эгоцентрическому уровню моральных суждений, который является преобладающим у младших подростков. При обосновании ответа о возможности участия/неучастия в воинских действиях по окончании кадетского корпуса испытуемые группы 1 ориентируются на эгоцентрические мысли.

Пример 1. «Страшно умирать».

Пример 2. «Меня могут взять в плен».

Можно отметить, что у обеих групп наблюдается развитие группоцентрического уровня моральных суждений примерно на одинаковом уровне, характерным ответом и для младших, и для старших подростков являлось беспокойство за семью и близких:

Пример 1. «Если моей семье будет нужна помощь, то я останусь».

У группы 2 наблюдается более высокий уровень развития просоциальных суждений.

Пример 1. «Необходимо защищать нашу Родину, мы давали присягу».

Результаты сравнительного исследования уровня развития моральных суждений показали, что в период обучения в кадетском корпусе в группе старших подростков наблюдается снижение показателей эгоцентрического уровня и происходит развитие моральных суждений. Просоциальный уровень достигается меньшим количеством старших подростков, однако наблюдаются достоверные отличия ($p < 0,05$) от учащихся пятых классов по некоторым ситуациям. Характерными являются и качественные различия в высказываниях двух групп на всех уровнях развития моральных суждений. Это, в свою очередь, может быть связано с преобладанием у пятиклассников игрового мотива, а также со сменой обстановки и сепарацией от семьи. Испытуемые данной группы ориентированы в большей степени на удовлетворение личных интересов.

Заключение

Подростковый возраст является сензитивным периодом для морального развития. Ведущим видом деятельности для данного возрастного этапа является межличностное общение. Обучение в кадетском корпусе имеет ряд особенностей. Достаточно большое значение для эффективной деятельности в рамках школы-интерната имеет процесс взаимодействия кадета с его окружением, что характеризует важность формирования группоцентрического уровня развития моральных суждений.

В работе показано, что в процессе обучения у подростков выявлена в целом положительная динамика в развитии моральных суждений. Отмечается более зрелое восприятие и большая дифференцированность их моральных суждений.

Для младших подростков характерным является преобладание эгоцентрического уровня развития моральных суждений, который подразумевает ориентацию на личную выгоду, собственные желания и потребности. Возможно, это обусловлено не только возрастными особенностями, но и адаптационными процессами, нахождением в непривычных социальных условиях, недостаточной групповой сплоченностью в связи с начальным сроком обучения.

Особенностью формирования группоцентрического уровня развития моральных суждений у младших подростков является ориентированность на семью и близких родственников, а не на группу сверстников, что, в свою очередь, может зависеть от смены условий проживания, отделения от семьи, а также особенностей адаптационного процесса. Старших подростков отличает тенденция к формированию более высокого – просоциального – уровня развития моральных суждений.

Выявленные особенности морально-нравственного развития необходимо учитывать при воспитательной работе по повышению эффективности обучения в кадетском корпусе. Важным направлением работы с подростками, обучающимися в кадетском корпусе, является помощь в адаптации к новым социальным условиям, интеграции в кадетский коллектив и регулярной связи с семьей и родственниками, что наиболее важно для только что поступивших воспитанников.

При проведении воспитательной работы необходимо учитывать выявленные факторы риска (трудности в адаптации к новым социальным условиям, недостаточная групповая сплоченность, ориентация на избежание наказания, конфликты в рамках школьного коллектива) и ресурсы (принятие уставных отношений, взаимответственность, интериоризация воинских ценностей) для повышения эффективности обучения в кадетском корпусе.

Дальнейшие исследования по данной тематике позволят глубже изучить описываемые феномены, а также выработать более содержательные рекомендации по психологическому сопровождению и воспитательной работе среди кадетов в период обучения в кадетском корпусе.

Литература

1. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. № 3. С. 5–17.
2. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии, 1997. № 5. С. 3–19.
3. Бочкарева Г.Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благонадежиной. М.: Педагогика, 1972. С. 259–350.
4. Владимиров А.И. Место, роль и значение кадетского, суворовского, нахимовского образования. Исторический аспект и современность [Электронный ресурс] // Сайт московского содружества суворовцев, нахимовцев и кадетов. URL <http://www.kadet.ru>. (дата обращения: 10.07.2017).
5. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: ГНЦ ССП имени В.П. Сербского, 2004. 352 с.
6. Корчемный П.А. Военная психология: методология, теория, практика. М: Воениздат, 2010. 340 с.
7. Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения: психологический аспект : дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 166 с.
8. Ошевский Д.С., Фролова М.С. Динамика моральных суждений у юношей-военнослужащих в период прохождения действительной службы [Электронный

ресурс] // Психология и право. 2015. Т. 5. № 2. С. 138–153.
doi:10.17759/psylaw.2015100211

9. Пашканова Н.А. Формирование нравственного поведения воспитанников кадетского корпуса: автореф. ... дис. канд. пед. наук. Кострома, 2006. 24 с.
10. Пашукова Т.И. Эгоцентризм в подростковом и юношеском возрасте: причины и возможности коррекции. М.: Ин-т практич. Психологии, 1998. 159 с.
11. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы”» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант» URL: <http://base.garant.ru/71296398/>. (дата обращения: 10.07.2017).
12. Якобсон С.Г. Проблемы этического развития ребенка. М: Педагогика. 1984. 144 с.
13. Eisenberg N. Altruistic emotion, cognition and behavior // *Annual Reviews Psychological*. 1986. № 51.Р. 665–697.
14. Gibbs J. Moral Maturity // *Measuring the Development of Sociomoral Reflection* / Ed. J. Gibbs, K. Basinger, D. Fuller. London: Lawrence Erlbaum associates, publishers, 1992. P. 20–31.
15. Kohlberg L. Moral Stages and Moralization // *Moral development and behavior. Theory, research, and social issues* / Ed. T. Lickona. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976. P. 31–53.

Dynamics of moral judgments of the cadets

Korchagina O.V., Master Student, Chair of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (*korchaginaov93@gmail.com*)

Oshevsky D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, V. Serbsky NMCRCPN (*oshevsky@serbsky.ru*)

The article presents the results of an empirical study of the features of the development of the level of moral judgments among the cadets. The study was conducted on the basis of the OGBU "Smolensk Field Marshal Kutuzov Cadet Corps." The material was the results of a survey of two groups of adolescents studying in the cadet corps, representing the younger and older adolescents. The following subjects were included in the sample: cadets only enrolled in the cadet corps (n = 30); Cadets completing their studies (n = 30). As methodologies, a specially developed semi-structured interview was used that simulates situations of moral choice. The Cadets showed positive dynamics in the development of moral judgments and greater differentiation in assessments, and revealed age differences in the semantic sphere. The older cadets are distinguished by a tendency to form a higher - prosocial level of development of moral judgments. It is noted that in carrying out educational work with pupils, efforts should be directed to help in adapting to new social conditions, integration into the cadet collective.

Key words: military psychology, cadets, moral judgment, moral consciousness, development.

References

1. Antsyferova L.I. Svyaz moralnogo soznaniya s nravstvennym povedeniyem cheloveka (po materialam issledovaniy Lourensa Kolberga i ego shkoly) [Relationship of moral consciousness with moral behavior of a person] // *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal] 1999. no. 3. pp.5-17.
2. Bratus B.S. K probleme cheloveka v psikhologii [To the problem of man in psychology] // *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology] 1997. no. 5. pp. 3-19.
3. Bochkareva G.G. Psikhologicheskaya kharakteristika motivatsionnoy sfery podrostkov-pravonarushiteley [Psychological characteristics of the motivational sphere of adolescent offenders]// *Izucheniye motivatsii povedeniya detey i podrostkov* [The study of motivation of children and adolescents]. In Bozhovich L. I., Blagonadezhinaya L. V. (ed.). Moscow: Publ. Pedagogika. 1972. pp. 259-350.
4. Vladimirov A.I. Mesto, rol i znacheniyе kadetskogo, suvorovskogo, nakhimovskogo obrazovaniya. Istoricheskiy aspekt i sovremennost [The place, role and significance of Cadet, Suvorov, Nakhimov education. Historical Aspect and Modernity] // *Sayt*

-
- moskovskogo sodruzhestva suvorovtsev. nakhimovtsev i kadetov [Elektronnyy resurs] URL <http://www.kadet.ru>. (Accessed 10.07.2017).
5. Dozortseva E.G. Anomalnoye razvitiye lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniyem. [Abnormal personality development in adolescents with unlawful behavior] Moscow: Publ. GNTs SSP im. V.P. Serbskogo. 2004. 352 p.
 6. Korchemnyy P.A. Voyennaya psikhologiya: metodologiya. teoriya. [Praktika Military psychology: methodology, theory, practice]. Moscow: Publ. Voenizdat. 2010. 340 p.
 7. Oshevskiy D.S. Psihicheskoe razvitie u podrostkov s psihicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih agressivno-nasil'stvennyye pravonarusheniya (psihologicheskij aspekt). Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. [Mental development in adolescents with mental disorders who have committed aggressive and violent offense (psychological aspect). Ph.D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 24 p.
 8. Oshevskiy D.S. Frolova M.S. Dinamika moralnykh suzhdeniy u yunoshey-voyennosluzhashchikh v period prokhozhdeniya deystvitelnoy sluzhby [Dynamics of moral judgments in young soldiers during the period of military service] [Elektronnyy resurs] // *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law] 2015. Vol. 5. no. 2. pp. 138–153. doi:10.17759/psylaw.2015100211
 9. Pashkanova N.A. Formirovaniye npravstvennogo povedeniya vospitannikov kadetskogo korpusa avtoref. ...Diss. kand. ped. nauk. [Formation of moral behavior of students of the Cadet Corps. Ph. D. (Pedagogy) Thesis]. Kostroma, 2006. 24 p.
 10. Pashukova T. I. Egotsentrizm v podrostkovom i yunosheskom vozraste: prichiny i vozmozhnosti korrektsii [Self-centeredness in adolescence and adolescence: causes and opportunities for correction]. Moscow: Publ. In-t praktich. Psikhologii. 1998. 159 p.
 11. Postanovleniye Pravitelstva RF ot 30 dekabrya 2015 g. № 1493 «O gosudarstvennoy programme «Patrioticheskoye vospitaniye grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016-2020 gody» [Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493 "On the state program" Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020 years "] Informatsionno-pravovoy portal «Garant» [Elektronnyy resurs] URL: [http:// http://base.garant.ru/71296398/](http://base.garant.ru/71296398/). (Accessed 10.07.2017).
 12. Yakobson S.G. Problemy eticheskogo razvitiya rebenka [Problems of the ethical development of the child] Moscow: Publ. Pedagogika. 1984. 144 p.
 13. Eisenberg N. Altruistic emotion, cognition and behavior // *Annual Reviews Psychological*. 1986. №51.P. 665-697.
 14. Gibbs J. Moral Maturity // *Measuring the Development of Sociomoral Reflection*. / Ed. Gibbs J., Basinger K. Fuller D. London: Lawrence Erlbaum associates, publishers, 1992. P. 20-31. 14.
 15. Kohlberg L. Moral Stages and Moralization // *Moral development and behavior. Theory, research, and social issues*. / Ed. T. Lickona. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976. P. 31-53.

Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 3)

Бовина И.Б.*¹ доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (innabovina@yandex.ru)

Дворянчиков Н.В.*, кандидат психологических наук, доцент, декан кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (dvorian@gmail.com)

Гаямова С.Ю., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (sgayamova@yandex.ru)

Милехин А.В., проректор по внеучебной и социальной работе, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (milehinav@mgppu.ru)

Будыкин С.В.*, аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (moscow858@yandex.ru)

В статье излагается заключительная часть результатов научно-исследовательского проекта. Общая цель исследования – анализ обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах учителей. Исследование опирается на положения теории социальных представлений, в частности, о связи социальной практики и социальных представлений. *Объект исследования* – учителя общеобразовательных школ, выборку составили 102 человека в возрасте от 22 до 65 лет, (M= 39,36 лет; SD=11,12 лет, 91 женщина и 11 мужчин). В зависимости от опыта обучения школьников различного возраста все респонденты были разбиты на три группы: обучающие детей, обучающие подростков, обучающие детей и подростков. *Предмет исследования* – специфика обыденных представлений учителей об информационной безопасности детей и подростков. Проверяемые предположения касались специфики социальных представлений об информационной безопасности в зависимости от опыта взаимодействия со школьниками различного возраста. Для проверки предположений была разработана анкета,

¹ Работа авторов, отмеченных звездочкой (*), получила финансовую поддержку в рамках гранта РГНФ (15-06-10649).

включавшая 6 частей: В *первой части* респондентам предлагается оценить тот или иной тип информации с точки зрения угрозы, которую она представляет для безопасности детей и подростков. В *последующих четырех частях* анкеты респонденты отвечают на вопросы так называемых «виньеток» (гипотетических ситуаций), в каждом случае необходимо предложить план действий в ситуации. В *последней части* содержатся социально-демографические вопросы. В этой, заключительной, части работы обсуждаются результаты, касающиеся двух последних гипотетических ситуаций.

Ключевые слова: информационная безопасность детей и подростков, теория социальных представлений, информация, угрожающая здоровью и развитию детей, учителя, действия по обеспечению информационной безопасности детей и подростков.

Для цитаты:

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 3). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 138-148. doi: 10.17759/psylaw.207070311

For citation:

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.Yu., Milekhin A.V., Budykin S.V. Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 3). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 3. pp.138-148. doi: 10.17759/psylaw.2017070311

В этой части работы мы излагаем результаты, полученные по двум гипотетическим ситуациям, касающимся подростков. Теоретическая канва и методологическая стратегия и программа исследования, а также часть полученных результатов уже изложены нами в ряде публикаций [2; 3; 4], здесь позволим лишь напомнить проверяемые гипотезы, указав на те из них, относительно которых необходимо сделать выводы на основе материала, анализируемого в этой статье.

1. Соотношение предписывающих эти функциональных элементов будет варьировать в трех группах, а именно: если опыт взаимодействия с возрастной группой соответствует возрасту персонажа, то будут преобладать функциональные элементы, если не совпадает – будут преобладать предписывающие элементы.

2. В группе 32 (учителя, обучающие учеников разных возрастов – детей и подростков) имеет место наибольшая сложность скриптов по сравнению с другими группами.

² Также напомним, что в зависимости от опыта взаимодействия с учениками были выделены три категории учителей: учителя, работающие с детьми (*группа 1*), учителя, работающие с подростками (*группа 2*), учителя, работающие как с детьми, так и с подростками (*группа 3*).

Описание и анализ результатов

Готовность к обеспечению информационной безопасности подростков.

Ситуация 3. Анализ ответов в группе 1 в третьей ситуации (родители застают 14 летнего сына за просмотром материалов порнографического характера) показывает, что декларируемые стратегии разрешения проблемной ситуации, предлагаемые учителями, располагаются в промежутке от игнорирования ситуации до просветительской беседы на тему отношения полов. Как и в первых двух ситуациях респонденты предлагают преимущественно одношаговые решения (26 из 33 против 7 из 33 – решение включает два действия).

В целом, складывается впечатление определенной *растерянности* респондентов в данной гипотетической ситуации, тематика вызывает определенную неловкость. Угроза этого типа информации в иерархии занимает 6-е место из 13. Если в предыдущих ситуациях, где чаще всего декларировалась беседа как способ разрешения (в данной ситуации – 7 из 33, при этом только 1 указывает тему беседы – отношение полов), немногочисленный, но чаще всего встречающийся способ решения – выключение компьютера для прекращения просмотра материалов. Другой способ действия в ситуации (в реальности – бездействия) – игнорирование ситуации. Наконец, еще один путь решения – это адресация проблемной ситуации мужу (отцу мальчика), именно отец должен поговорить с сыном; однако не объясняется, о чем именно. Опять же этот результат едва ли удивляет, сходная картинка была в случае родителей в первой части нашего научно-исследовательского проекта. В частности, в 18 случаях из 45 респонденты предпочитали запрет на просмотр подобных видеоматериалов, в 6 случаях запреты сочетались с просветительскими беседами (этот факт обращает на себя внимание, потому что в группе учителей просветительские беседы едва ли предлагались, о чем мы говорили выше). В 10 случаях из 45 респонденты предпочитали игнорировать ситуацию, при этом – в половине этих случаев – респонденты оправдывали свой выбор тем, что с ребенком должен разговаривать отец. Заметим, что в случае учителей игнорирование не сопровождалось переадресацией ответственности мужу.

Среди вопросов, которые родители предлагали выяснить в первую очередь: зачем сын смотрит эти материалы (13 ответов) и откуда у него эти материалы (7 ответов). Элемент, который обращает на себя внимание в ответах респондентов – «выключить» (видеоматериал) (10 ответов), его присутствие конкретизирует и детализирует план действий. В половине случаев этот элемент ситуации сочетался с запретом на просмотр видеоматериалов такого рода в будущем, в другой половине – с выяснением мотивации просмотра.

В группе 2 наблюдалась сходная картина, ответы о действиях в гипотетической ситуации попадали в промежуток от игнорирования до беседы (тема которой едва ли эксплицируется). В отличие от первых двух ситуаций, можно говорить о том, что коммуникация на данную тему едва ли существует между взрослыми и подростками, тематика, при ее относительно высокой позиции в иерархии угрожающих тем, попадает в область табу. Отсюда – чаще всего предлагаемый вариант обсуждения проблемной ситуации с ребенком – в виде беседы, разговора, разъяснения – встречается в единичных случаях (5). Самыми распространенными, но по-прежнему единичными, были варианты – игнорирование (5), запрет (5). Заметим, что данная ситуация могла бы быть использована

как повод поговорить на темы, которые интересуют подростков. Пока же получается, что по вопросам, касающимся сексуальных отношений, подростки используют Интернет как источник информирования, а взрослые едва ли владеют информацией о том, какие именно сайты посещает их ребенок [6].

Дополнительный вопрос, касающийся обсуждения с ребенком сложившейся ситуации, также демонстрирует, что респонденты не имеют готовой стратегии действий; наиболее часто встречающаяся тема беседы (встречающаяся всего в 4 случаях) – объяснение того, что просмотр таких материалов оказывает негативное влияние на психику подростка и ведет к непредсказуемым последствиям (по сути, используется стратегия запугивания, при этом не предлагается вариант действий).

Если сопоставить эти результаты с теми, которые были получены ранее в группах родителей подростков [4], то получается, что родители чаще всего налагали запрет, предлагали вариант «выключить» (видеоматериал) (16 ответов из 35). Однако, в отличие от респондентов в нашем актуальном исследовании, в случае родителей это действие было включено в различные скрипты: выключить видеоматериал и завести разговор об отношениях полов (5 ответов), выключить видеоматериал и выяснить мотивацию просмотра (6 ответов), выключить видеоматериал и запретить последующий просмотр материалов такого рода (5 ответов). В целом, 11 респондентов из 35 готовы к разговору об отношениях полов. Только в 5 случаях респонденты предпочли проигнорировать ситуации, в двух из них они ссылались на то, что разговаривать с сыном – задача отца. Заметим, что в группе учителей, работающих с подростками, ответственность за проведение беседы не адресовалась мужу (отцу персонажа гипотетической ситуации).

Наконец, в группе 3 предлагаемые действия в гипотетической ситуации варьировали от игнорирования (9) до просвещения (5). Одношаговое решение – как и в других ситуациях – доминировало по сравнению с более-менее простроенной цепочкой действий (42 одношаговых варианта против 5 двушаговых, которые, однако, представляли собой варианты: запрет в сочетании с родительским контролем, запрет в сочетании с разговором без уточнения темы оного, игнорирование ситуации с делегированием ответственности мужу, запрет и переключение внимания (приглашение выпить чаю без какого-либо объяснения ситуации, наконец, только в одном случае предлагалось выяснить мотивацию просмотра и сопроводить этот вопрос объяснением (без указания темы объяснения)). Итак, предлагаемые варианты действий таковы: запрет (16), объяснение (13) (без конкретизации того, что именно будет объясняться (8), просвещение (5)), игнорирование (9), переадресация проблемы мужу (3).

Справедливости ради заметим, что в нашем другом исследовании по представлениям о здоровье (Российско-французский проект «Развитие социальных представлений о здоровье у детей и подростков с точки зрения кросс-культурной перспективы» [1]), реализуемом в настоящее время, на материале фокус-групп было выявлено, что тематика сексуальных отношений едва ли попадает в фокус обсуждения детей и родителей; часто встречающаяся реакция родителей на запрос подростков, в лучшем случае – предложение ознакомиться с литературой, в худшем – игнорирование с переключением внимания на другую тему. Сходным образом тема просвещения как способ поведения в гипотетической ситуации – это скорее обеспечение литературой, но не диалог на тему, волнующую подростка.

Анализ ответов в группе 3 на дополнительный вопрос относительно того, как бы респонденты выстроили коммуникацию с ребенком в этой гипотетической ситуации демонстрирует, однако, достаточно любопытный результат, наиболее частой темой беседы было просвещение, затрагивающее как объяснение отношений между полами; так и различий между тем, что демонстрируется в материалах порнографического характера и тем, что являются собой реальные отношения; вопросы контрацепции (13). Наряду с этим респонденты высказывали готовые вопросы, сформулированные таким образом: «Зачем ты смотришь это?», «Откуда у тебя это?» (6). Едва ли так сформулированные вопросы будут способствовать построению доверительных отношений и диалогу.

На основе анализа декларируемых действий в гипотетической ситуации можно говорить, что во всех группах учителей стратегия обсуждения ситуации и предложение подростку какого-то альтернативного действия едва ли наблюдается, как будто бы утрачивается диалог между родителями и детьми (подросткового возраста).

В трех группах средние значения по шкалам, позволяющим замерять эмоциональные реакции, ассоциирующиеся с ситуацией, практически во всех случаях были ниже теоретической середины (группа 1 – от 2,22 до 4,1; группа 2 – от 1,8 до 3,8; группа 3 – 1,91 до 3,55). Только в одном случае (в группе 1) была выявлена незначительная реакция стыда в связи с гипотетической ситуацией ($M=4,1$, $SD=2,1$). Мы усматриваем некоторое рассогласование в полученных результатах: с одной стороны, тема порнографии оценивается как угроза информационной безопасности несовершеннолетних, респонденты во всех группах демонстрировали неловкость, что объясняет желание проигнорировать ситуацию, делегировать мужу ответственность за обсуждение темы отношений между полами. С другой стороны, показатели по шкалам выглядят заниженными во всех группах и едва ли согласуются со стратегиями действий.

Ситуация 4. Наконец, последняя гипотетическая ситуация была такова: родитель случайно обнаруживает на столе дочери брошюру, призывающую совершить самоубийство. События весны 2016 г., связанные с действием в социальных сетях групп, пропагандирующих совершение самоубийства и случаи самоубийств, свидетельствуют о том, что ситуация далека от того, чтобы быть всего лишь теоретической реальностью [5]. Заметим, что и предыдущие ситуации были сформулированы на основе наблюдений за реальными событиями.

Палитра способов решения гипотетической ситуации в группе 1 включала следующие действия: обсуждение (без уточнения темы), выяснение мотивации обращения к такой литературе (12), запрет на чтение (забрать брошюру) (6), обращение за помощью (к психологу – 6, к врачу – 1, в церковь – 1). Обратим внимание, что в этой ситуации (по сравнению с предыдущими тремя) респонденты чаще старались построить стратегию, включающую ряд действий: выявление причин и обращение за помощью, беседа с дочерью и запрет на чтение и пр.

Дополнительные вопросы, касающиеся беседы с дочерью, позволили выявить ряд тем: с одной стороны, респонденты пытались провести диагностику ситуации (18), чаще всего предлагалось сделать это посредством прямых вопросов «зачем?» и «откуда?» (13); другие вопросы были направлены на выяснение проблем дочери (например, «что тебя беспокоит?») (5). С другой стороны, коммуникация, обращенная к дочери, выстраивалась на

таких аргументах, как любовь родителей – «Мы тебя любим» (5), а также ценность человеческой жизни (5). Наряду с аффективно-ценностной линией присутствует указание на бессмысленность акта (5) или использование идеи греха (1).

Для сравнения, по результатам, полученным нами ранее, [4] родители предлагали разрешать эту гипотетическую ситуацию путем беседы с дочерью в той или иной форме (37 респондентов из 45). Для части респондентов (17) первостепенные вопросы касаются брошюры – откуда она (21) и зачем дочь ее читает (19). В пяти случаях респонденты планировали «поговорить по душам» для того, чтобы получить ответы на эти вопросы. В 5 случаях – обсуждение было нацелено на то, чтобы прояснить позицию дочери о книге и о самоубийстве. В 9 случаях беседа рассматривалась как способ «диагностики» и выявления проблем состояния дочери. Действия, которые респонденты этой группы готовы предпринимать – обращение к психологу (9 ответов), убеждать ребенка в ценности жизни (7 ответов), говорить о любви к ребенку (5 ответов). В единичных случаях респонденты высказывали готовность обратиться к учителю (4), наблюдать за дочерью (4), уделять дочери больше внимания (6). Четверо респондентов вовсе отказались от ответов на вопросы относительно этой гипотетической ситуации. В целом, значительная часть респондентов заявили о готовности задать дочери вопросы в прямолинейной форме, а не использовать более субтильные способы выяснения информации.

Здесь же обратим внимание на тот факт, что ситуация имела большой аффективный резонанс по всех группах. Так, в группе 1 ситуация ассоциировалась с такими реакциями, как: *страх* ($M=5,36, SD=1,95$), *сопереживание* ($M=5,15, SD=2,09$), *жалость* ($M=4,79, SD=1,78$), *горе* ($M=4,55, SD=2,00$), *отчаяние* ($M=4,55, SD=1,68$), *печаль* ($M=4,45, SD=1,86$), *подавленность* ($M=4,45, SD=1,91$), *грусть* ($M=4,39, SD=1,98$), *вина* ($M=4,36, SD=1,80$), *паника* ($M=4,18, SD=1,99$), *сожаление* ($M=4,03, SD=1,94$). Обратим внимание на тот факт, что респонденты в большинстве случаев (21 из 33) предлагали готовые фразы, обращенные к дочери.

В группе 2 наиболее часто декларируемым действием являлись беседа (14) (тема практически не указывалась); в отдельных случаях основные вопросы: «откуда?» и «зачем?» (6). Из конкретных действий в единичных случаях предлагалось или забрать брошюру, или обратиться к психологу.

Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от первой группы, учителя, работающие с подростками, предлагали решать проблемную ситуацию одношагово. В то время, как в группе учителей, работающих с детьми, предлагались двух- и трехшаговые действия.

Анализ ответов на дополнительный вопрос относительно того, как выстроить беседу с дочерью, свидетельствует о том, что, как и в группе учителей, работающих с детьми, с одной стороны, протраивалась линия «диагностики ситуации» – путем прямых вопросов «зачем?» и «откуда?» (7), а также выявления проблем дочери (2). С другой стороны, предлагались аргументы в пользу ценности жизни (5). Обращают на себя внимание аргументы, запрещающие чтение такой литературы (4).

Опять же для сравнения отметим, что в группе родителей подростков основная линия действий в гипотетической ситуации сводится к беседе с дочерью в той или иной форме (31

респондент из 35). Опять же, для части респондентов (16) первоочередные вопросы касаются брошюры – откуда она (17), зачем дочь ее читает (22). Действия, которые респонденты этой группы готовы предпринимать – обратиться к психологу (8 ответов), убеждать ребенка тем или иным образом, чтобы предотвратить необратимый поступок, например, говорить о ценности жизни (8 ответов), говорить о своей любви к ребенку (4 ответа), о том, что проблемы – решаемы (3). В единичных случаях респонденты высказывали готовность обратиться к учителю (3), наблюдать за дочерью (3), уделять дочери больше внимания, организовывать совместный досуг (7) или просто изъять брошюру (6). Один респондент отказался отвечать на вопросы, касательно гипотетической ситуации.

Аффективные реакции на ситуацию в группе учителей, работающих с подростками, были представлены в меньшей степени, чем в группе 1 (6 эмоциональных реакций против 11; четыре реакции совпадают – страх, сопереживание, вина, жалость; две реакции разнятся: ужас и паника): *страх* (M=5,30, SD=2,30), *сопереживание* (M=5,20, SD=2,4), *вина* (M=4,40, SD=2,40), *паника* (M=4,20, SD=2,30), *жалость* (M=4,10, SD=2,30), *ужас* (M=4,10, SD=2,70).

Наконец, анализ декларируемых действий на гипотетическую ситуацию в группе 3 продемонстрировал, что чаще всего предлагается обсуждение ситуации (15), в виде душевной, доверительной беседы, серьезного разговора или в виде «диагностики ситуации» с помощью прямых вопросов «зачем?» и «откуда?» (16). Среди других способов решения ситуации – обращение к помощи специалистов (7) (визит с дочерью к психологу (3) или за советом к учителю или школьному психологу(4)), самостоятельное прочтение книги, чтобы понять суть (5), изъятие книги (4). Единичные ответы касались контроля за социальным окружением – реальными друзьями и контактами в социальных сетях.

В этой группе – по аналогии с группой 1 – чаще предлагались действия в два или три шага (14 из 47).

Уточнение тем с помощью дополнительного вопроса говорит в пользу того, что, как и в группе 2, вырисовывается линия «диагностики ситуации» путем прямых вопросов «зачем?» и «откуда?» (15), а также выявление проблем дочери (7), кроме того, прослеживается и другая линия - выражение любви к дочери (7) и указание на ценность жизни (6). Присутствует запрет на чтение такой литературы (4). В 18 случаях из 47 респонденты формулировали готовые фразы, с помощью которых они бы обратились к дочери. Подчеркнем, что в этой группе респондентов акцент делался не столько на содержании разговора, сколько на том, как его выстроить («по душам», «начала бы разговаривать издалека» и пр.). Эта тема как бы противопоставляется прямолинейным вопросам «зачем?», «откуда?».

Эмоциональные реакции, ассоциирующиеся с ситуацией в группе 3, таковы: *страх* (M=5,48, SD=1,86), *сопереживание* (M=4,91, SD=2,17), *паника* (M=4,57, SD=2,22), *ужас* (M=4,53, SD=2,06), *вина* (M=4,20, SD=1,86), *отчаяние* (M=4,06, SD=2,06).

Выводы

Итак, нами была проанализирована готовность обеспечивать информационную безопасность подросткам в трех группах учителей, отличающихся по опыту взаимодействия со школьниками различного возраста.

Была выявлена специфика способов решения проблемных ситуаций (угрожающая информация в двух рассматриваемых ситуациях: порнографические материалы и брошюра о самоубийстве). В случае порнографического материала (тема оценивается как представляющая умеренную угрозу –попадает во вторую тройку угрозы) было показано, что респонденты испытывают определенное неудобство и растерянность при необходимости обсуждать эту тему с подростком, игнорируют ситуацию или делегируют ответственность отцу подростка. Даже в случае «серьезного разговора» респонденты едва ли готовы указать тему этого разговора, профилактика скорее сводится к рекомендации прочитать литературу. В целом, практически отсутствует сложное решение проблемы (многошаговое, продолжительное по своей форме реализации), респонденты исходят из идеи о том, что проблемная ситуация может быть решена в одно действие и не требует последующего контроля за поведением ребенка. Респонденты, скорее, прибегают к запугиванию, не стремясь объяснить ситуацию и предложить альтернативную схему действий.

Преобладание нормативных, предписывающих элементов над функциональными говорит в пользу того, что учителя едва ли имеют стратегию обеспечения информационной безопасности, которую они используют в повседневной жизни. Этот факт не позволяет принять наше предположение о соотношении предписывающих и функциональных элементов.

Относительно ситуации с брошюрой про самоубийство представляется возможным говорить о том, что ситуация находит эмоциональных отклик во всех группах респондентов, сила и специфика этих реакций различается, сильнее всего это проявляется в группе 1 (11 реакций), в группе 2 и 3 – в менее выраженной форме (по 6 реакций). Респонденты в группах 1 и 3 предлагают более сложные решения гипотетической проблемной ситуации, по сравнению с группой 2.

Наше предположение о сложности стратегии действий в группе 3 получает только частичную эмпирическую поддержку.

Таким образом, поставленная нами изначально цель (анализ обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах учителей) была достигнута, однако у нас есть возможность наметить перспективы изучения проблемы, в частности, дальнейшая линия исследований проблемы информационной безопасности предполагает анализ ситуаций, связанных с экстремизмом и радикализацией в подростковой среде.

Литература

1. Бовина И.Б. Российско-французский проект «Развитие социальных представлений о здоровье у детей и подростков с точки зрения кросс-культурной перспективы» // Специальный выпуск журнала «Вестник РФФИ». 2016. № 2. С. 36–38.
2. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1)// Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 1–12. doi:10.17759/psylaw.2017070101
3. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть1) // Психология и право. 2017. Т. 7. № 2 С. 19–32. doi:10.17759/psylaw.2017060202
4. Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в представлениях родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8. № 4. С. 117–126 doi: 10.17759/psyedu.2016080412
5. «Группы смерти» Вконтакте: взгляд изнутри <https://m.365info.kz/2016/05/gruppy-smerti-vkontakte-vzglyad-iznutri-strogo-18/> (дата обращения: 13.12.2016).
6. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М. Фонд развития Интернет, 2013.

Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 3)

Bovina I.B., Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (innabovina@yandex.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

Gayamova S.Yu., PhD (Psychology), associate professor, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (sgayamova@yandex.ru)

Milekhin A.V., PhD (Psychology), vice-rector for extra-curricular and social work, Moscow State University of Psychology & Education (milehinav@mgppu.ru)

Budykin S.V., Postgraduate student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (moscow858@yandex.ru)

The presented text is the last part of the article that reported the results of the study about the information security of children and adolescents in groups of teachers. The study was based on the ideas of the social representations theory, in particular, it concerned with the relations in between social practices and social representations. The object of the study was teachers of secondary schools, the sample included 102 people aged from 22 to 65 years, (M = 39.36 years, SD = 11.12 years, 91 women and 11 men). As a matter of the experience with schoolchildren the sample was divided into three groups: teachers of children, teachers of adolescents, and teachers of children and adolescents. To test the assumption concerning the specificity of the social representations as a matter of practice, a questionnaire was developed, it consisted of 6 parts: In the first part, respondents were asked to evaluate information, in terms of the threat it poses to the safety of children and adolescents. In the next four parts of the questionnaire, respondents were asked to answer questions concerning the hypothetical situations, in each case it was necessary to propose a plan of action in the situation. The last part contained socio-demographic issues. The results about last two situations out of four were discussed.

Key words: information security of children and adolescents, social representations theory, informational threat, teachers' actions.

References

1. Bovina I.B. Rossiysko-frantsuzskiy proyekt «Razvitiye sotsial'nykh predstavleniy o zdorov'ye u detey i podrostkov s tochki zreniya kross-kul'turnoy perspektivy» [Russian-French project «Development of social representations about health in children and adolescents from the point of view of a cross-cultural perspective»] // *Spetsial'nyy vypusk zhurnala «Vestnik RFFI» [Special issue of the journal «Vestnik RFBR»]*. 2016. №2 Pp.36-38
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.YU., Milekhin A.V., Budykin S.V. Sotsial'nyye predstavleniya i informatsionnaya bezopasnost' detey i podrostkov: tochka zreniya uchiteley (Chast' 1)[Social representations of information security of children and adolescents: teachers' point of view (Part1)] [Elektronnyy resurs] // *Psikhologiya i pravo*. 2017. Tom 7. № 1. Pp. 1-12. doi:10.17759/psylaw.2017070101
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.YU., Milekhin A.V., Budykin S.V. Sotsial'nyye predstavleniya i informatsionnaya bezopasnost' detey i podrostkov: tochka zreniya uchiteley (Chast' 2) [Social representations of information security of children and adolescents: teachers' point of view (Part2)] [Elektronnyy resurs] // *Psikhologiya i pravo*. 2017. Tom 7. № 2. Pp. 19-32. doi: 10.17759/psyedu.2016080412
4. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Sotsial'nyye predstavleniya i informatsionnaya bezopasnost' detey i podrostkov: predstavleniya roditelei [Information security of children and adolescents in the representations of parents] [Elektronnyy resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 117–126. doi:10.17759/psyedu.2016080412. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. «Gruppy smerti» Vkontakte: vzglyad iznutri [“Group of death” in Vkontakte an inside look] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://m.365info.kz/2016/05/gruppy-smertivkontakte-vzglyad-iznutri-strogo-18/> (data obrashcheniya: 13.12.2016)
6. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova Ye.I., Zotova Ye.YU. Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditeley. Rezul'taty vserossiyskogo issledovaniya [Digital competence of teenagers and parents. The results of the All-Russian study]. Moscow, Fond razvitiya Internet, 2013.